

«В диких условиях», Джон Кракауэр
перевод на русский.
Перевод и вёрстка by alexrenat.

Джон Кракауэр.
В диких условиях.
Для Линды.
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА.

В апреле 1992 года молодой человек из зажиточной семьи с Восточного побережья добрался автостопом до Аляски и в одиночку отправился в пустыню к северу от горы МакКинли. Четыре месяца спустя его разложившееся тело было найдено группой охотников на лосей. Вскоре после обнаружения трупа редактор журнала Outside попросил меня сообщить о загадочных обстоятельствах смерти мальчика. Его имя оказалось Кристофер Джонсон МакКэндлесс. Я узнал, что он вырос в богатом пригороде Вашингтона, округ Колумбия. С. , где он преуспел в учебе и был элитным спортсменом. Сразу после окончания с отличием Университета Эмори летом 1990 года МакКэндлесс пропал из виду. Он сменил имя, отдал весь остаток сберегательного счета в двадцать четыре тысячи долларов на благотворительность, бросил машину и большую часть своего имущества, сжег все деньги в кошельке. А потом он изобрел для себя новую жизнь, поселившись на оборванной окраине нашего общества, скитаясь по Северной Америке в поисках необработанного трансцендентного опыта. Его семья понятия не имела, где он был и что с ним стало, пока его останки не были обнаружены на Аляске. Работая в сжатые сроки, я написал статью из девяти тысяч слов, которая была опубликована в январском номере журнала за 1993 год, но мое увлечение МакКэндлессом сохранялось еще долго после того, как этот номер Outside был заменен в газетных киосках более современными журналистскими изданиями. Меня преследовали подробности голодной смерти мальчика и смутные, тревожные параллели между событиями его жизни и моей собственной. Не желая отпускать МакКэндлесса, я провел больше года, прослеживая извилистый путь, который привел к его гибели в аляскинской тайге, выискивая подробности его странствий с интересом, граничащим с одержимостью. Пытаясь понять МакКэндлесса, я неизбежно стал размышлять и о других, более крупных вещах: о власти дикой природы над американским воображением, о привлекательности рискованной деятельности для молодых людей определенного склада ума, о сложных, очень напряженных узах, которые существует между отцами и сыновьями. Результатом этого извилистого исследования является книга,

которая сейчас перед вами. Я не претендую на роль беспристрастного биографа. Странная история МакКэндлесса затронула личные нотки, сделавшие беспристрастное описание трагедии невозможным. На протяжении большей части книги я пытался- и, думаю, во многом преуспел- свести к минимуму свое авторское присутствие. Но пусть читатель будет предупрежден: я прерываю рассказ МакКэндлесса фрагментами повествования, почерпнутого из моей юности. Я делаю это в надежде, что мой опыт прольет свет на загадку Криса МакКэндлесса. Он был чрезвычайно напористым молодым человеком и обладал чертой упрямого идеализма, которая плохо сочеталась с современным существованием. Давно очарованный творчеством Льва Толстого, МакКэндлесс особенно восхищался тем, как великий писатель отказался от богатой и привилегированной жизни, чтобы скитаться среди обездоленных. В колледже МакКэндлесс начал подражать толстовскому аскетизму и нравственной строгости до такой степени, что это сначала удивляло, а затем встревожило его близких. Когда мальчик направился в заросли Аляски, он не питал иллюзий, что идет в страну молока и меда; опасность, невзгоды и толстовское отречение были именно тем, чего он искал. И это то, что он нашел в изобилии. Тем не менее большую часть шестнадцатинедельного испытания МакКэндлесс более чем держался. В самом деле, если бы не одна или две, казалось бы, незначительных ошибки, он вышел бы из леса в августе 1992 года так же анонимно, как вошел в него в апреле. Вместо этого его невинные ошибки оказались решающими и необратимыми, его имя попало в заголовки таблоидов, а его сбитая с толку семья осталась сжимать осколки жестокой и болезненной любви. История жизни и смерти Криса МакКэндлесса затронула удивительное количество людей. За недели и месяцы после публикации статьи в Outside она получила больше писем, чем любая другая статья в истории журнала. Эта переписка, как и следовало ожидать, отражала резко расходящиеся точки зрения: одни читатели безмерно восхищались мальчиком за его отвагу и благородные идеалы; другие возмущались тем, что он был безрассудным идиотом, сумасшедшим, нарциссом, который погиб из-за высокомерия и глупости и не заслуживал того значительного внимания средств массовой информации, которое он получил. Мои убеждения должны стать очевидными достаточно скоро, но я оставляю читателю возможность составить собственное мнение о Крисе МакКэндлессе. Джон Кракауэр Сиэтл Апрель 1995.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИНТЕРЬЕР АЛЯСКИ

27 апреля 1992 Привет из Фэрбенкса! Это последнее, что ты услышишь от меня, Уэйн. Прибыл сюда 2 дня назад. Было очень трудно поймать аттракционы на территории Юкон. Но я, наконец, добрался сюда. Пожалуйста, возвращайте всю почту, которую я получаю, отправителю. Может пройти очень много времени, прежде чем я вернусь на юг. Если это приключение окажется фатальным и вы никогда больше обо мне не услышите, я хочу, чтобы вы знали, что вы великий человек. Теперь я иду в дикую природу. Алекс. Открытка, полученная Уэйном Вестербергом. В Картидже, Южная Дакота. Джим Галлиен проехал четыре мили от Фэрбенкса, когда заметил автостопщика, стоящего в снегу у дороги с высоко поднятым большим пальцем и дрожащего на сером рассвете Аляски. Он не выглядел очень старым: восемнадцать, максимум девятнадцать. Из рюкзака молодого человека торчала винтовка, но выглядел он достаточно дружелюбно; автостопщик с полуавтоматическим «Ремингтоном»- это не то, что заставит автомобилистов остановиться в сорок девятом штате. Галлиен направил свой грузовик на обочину и велел парню забраться внутрь. Автостопщик закинул свой рюкзак в кузов «форда» и представился Алексом. "Алекс?" Галлиен ответил, выискивая фамилию.- Просто Алекс,- ответил молодой человек, демонстративно отвергая приманку. Ростом пять футов семь или восемь дюймов, крепкого телосложения, он утверждал, что ему двадцать четыре года, и говорил, что он из Южной Дакоты. Он объяснил, что хотел доехать до края национального парка Денали, где намеревался углубиться в буш и «жить за счет земли несколько месяцев. «Гэллен, профсоюзный электрик, направлялся в Анкоридж, в 240 милях от Денали по шоссе Джордж-Паркс; он сказал Алексу, что высадит его, где захочет. Рюкзак Алекса выглядел так, будто весил всего двадцать пять или тридцать фунтов, что показалось Галлиену- опытному охотнику и леснику- невероятно легким грузом для пребывания в сельской местности в течение нескольких месяцев, особенно такой ранней весной. «У него не было столько еды и снаряжения, сколько можно было бы ожидать от парня для такого путешествия»,- вспоминает Галлиен. Взошло солнце. Пока они спускались с лесистых хребтов над рекой Танана, Алекс смотрел на продуваемые ветрами просторы мускуса, простирающиеся на юг. Гэллен задумался, не подцепил ли он одного из тех чокнутых из низших сорока восьми, которые приезжают на север, чтобы воплотить необдуманные фантазии Джека Лондона. Аляска уже давно притягивает мечтателей и неудачников, людей, которые думают, что незапятнанная грандиозность Последнего Рубежа

залатает все дыры в их жизни. Однако буш- неумолимое место, которое не заботится ни о надежде, ни о тоске. «Люди извне,- медленно, звучно растягивая слова, сообщает Галлиен,- они берут экземпляр журнала «Аляска», листают его и думают: «Эй, я собираюсь подняться туда, жить». с земли, иди и потребуй мне кусочек хорошей жизни. Но когда они прибывают сюда и на самом деле направляются в колодец с кустами, это не похоже на то, что пишут в журналах. Реки большие и быстрые. Комары съедят тебя заживо. В большинстве мест не так много животных, на которых можно охотиться. Жизнь в кустах- это не пикник. «Это было в двух часах езды от Фэрбенкса до окраины парка Денали. Чем больше они говорили, тем меньше Алекс казался Галлиену сумасшедшим. Он был близок по духу и казался хорошо образованным. Он засыпал Гэллена задумчивыми вопросами о том, какая мелкая дичь водится в деревне, какие ягоды он может есть и тому подобное. Тем не менее Галлиен был обеспокоен. Алекс признался, что единственной едой в его рюкзаке был десятифунтовый мешок риса. Его снаряжение казалось чрезвычайно минимальным для суровых внутренних условий, которые в апреле все еще лежали под зимним снежным покровом. Дешевые кожаные походные ботинки Алекса не были ни водонепроницаемыми, ни хорошо изолированными. Его винтовка была только. 22 калибра, канал ствола слишком мал, чтобы на него можно было положиться, если он собирался убивать крупных животных, таких как лоси и карibu, которых ему пришлось бы есть, если бы он надеялся надолго остаться в деревне. У него не было ни топора, ни снотворного, ни снегоступов, ни компаса. Единственным навигационным средством, которое у него было, была потрепанная дорожная карта штата, которую он выпросил на заправке. В сотне миль от Фэрбенкса шоссе начинает взбираться к предгорьям Аляскинского хребта. Когда грузовик накренился на мост через реку Ненана, Алекс посмотрел вниз на быстрое течение и заметил, что боится воды. «Год назад в Мексике,- сказал он Галлиену,- я плыл по океану на каное и чуть не утонул, когда разразился шторм. Чуть позже Алекс достал свою грубую карту и указал на пунктирную красную линию, пересекавшую дорогу возле шахтерского городка Хили. Он представлял собой маршрут под названием Stampede Trail. По нему редко ездили, он даже не отмечен на большинстве дорожных карт Аляски. Тем не менее на карте Алекса прерывистая линия петляла на запад от шоссе Паркс примерно на сорок миль, а затем обрывалась посреди непроходимой пустыни к северу от горы. МакКинли. Алекс объявил Галлиену, что именно сюда он и собирается отправиться. Галлиен считал замысел автостопщика безрассудным и неоднократно пытался его отговорить: «Я сказал, что

охотиться там, куда он направляется, было нелегко, что он может ходить несколько дней, не убивая ни одной дичи. Когда это не сработало, я попытался напугать его медвежьими историями. Я сказал ему, что двадцать два, вероятно, ничего не сделают с гризли, кроме как сведут его с ума. Алекс не выглядел слишком обеспокоенным. «Пока на дерево не залезу», - вот и все, что он сказал. Тогда я объяснил, что деревья в этой части штата не растут по-настоящему большими, что медведь может свалить одну из этих тощих черных елей, даже не пытаясь. Но он не уступит ни дюйма. У него был ответ на все, что я ему бросал. Галлиен предложил отвезти Алекса до самого Анкориджа, купить ему приличное снаряжение, а затем отвезти его туда, куда он захочет. «Нет, в любом случае спасибо», - ответил Алекс, - мне хватит того, что у меня есть. Галлиен спросил, есть ли у него охотничья лицензия. - Черт, нет, - усмехнулся Алекс. «То, как я питаюсь, не имеет никакого отношения к правительству. К черту их дурацкие правила. Когда Галлиен спросил, знают ли его родители или друг о том, что он задумал, есть ли кто-нибудь, кто забьет тревогу, если он попадет в беду и опоздает, Алекс спокойно ответил, что нет, никто не знал о его планах, что на самом деле он не разговаривал со своей семьей почти два года. «Я абсолютно уверен, - заверил он Галлиена, - я не столкнусь ни с чем, с чем не смогу справиться самостоятельно. «Этого парня было просто невозможно отговорить, - вспоминает Галлиен. «Он был полон решимости. Настоящий ганг хо. Слово, которое приходит на ум, возбуждено. Ему не терпелось отправиться туда и начать. «В трех часах езды от Фэрбенкса Галлиен свернул с шоссе и направил свой потрепанный полноприводник по заснеженной проселочной дороге. Первые несколько миль тропа Панического бегства была хорошо проложена и вела мимо хижин, разбросанных среди сорняков из елей и осин. Однако за последней из бревенчатых лачуг дорога быстро пришла в негодность. Размытый и заросший ольхой, он превратился в неровную, неухоженную трассу. Летом дорога здесь была бы извилистой, но проходимой; теперь он стал непроходимым из-за кашеобразного весеннего снега на полтора фута. В десяти милях от шоссе, опасаясь, что он застрянет, если поедет дальше, Галлиен остановил свою повозку на гребне невысокого холма. Ледяные вершины самого высокого горного хребта Северной Америки блестели на юго-западном горизонте. Алекс настоял на том, чтобы отдать Галлиену его часы, расческу и, по его словам, все его деньги: восемьдесят пять центов мелочью. «Мне не нужны ваши деньги, - запротестовал Галлиен, - а часы у меня уже есть. «Если ты не возьмешь, я его выброшу», - весело парировал Алекс. «Я не хочу знать, который час. Я не хочу знать, какой сегодня день и где я. Ничего из

этого не имеет значения. Прежде чем Алекс вышел из пикапа, Галлиен потянулся за сиденье, вытащил пару старых резиновых рабочих ботинок и уговорил мальчика взять их. «Они были слишком велики для него,- вспоминает Галлиен. «Но я сказал: «Наденьте две пары носков, и ваши ноги должны оставаться наполовину теплыми и сухими». «Сколько я вам должен?» «Не беспокойтесь об этом,- ответил Галлиен. Затем он дал ребенку листок бумаги со своим номером телефона, который Алекс бережно сунул в нейлоновый бумажник.- Если ты выберешься живым, позвони мне, и я скажу, как вернуть мне сапоги. Жена Гальена упаковала ему на обед два сэндвича с жареным сыром и тунцом и пакет кукурузных чипсов; он убедил молодого автостопщика тоже принять еду. Алекс вытащил из рюкзака камеру и попросил Галлиена сфотографировать его с винтовкой на плече в начале тропы. Затем, широко улыбаясь, он исчез по заснеженной тропе. Дата: вторник, 28 апреля 1992 года. Галлиен развернул грузовик, вернулся к шоссе Парк и продолжил движение в сторону Анкориджа. Через несколько миль он подъехал к небольшому поселению Хили, где находится пост солдат штата Аляска. Галлиен ненадолго подумал остановиться и рассказать властям об Алексее, но передумал. «Я думал, что с ним все будет в порядке,- объясняет он. «Я думал, что он, вероятно, довольно быстро проголодается и просто выйдет на шоссе. Так поступил бы любой нормальный человек.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПУТЬ ПАНИКИ

Джек Лондон- король Александр Супербродяга, май 1992 года, граффито, вырезанное на куске дерева, обнаруженном на месте гибели Криса МакКэндлесса. Недавний ветер сорвал с деревьев их белый покров инея, и они, казалось, наклонились друг к другу, черные и зловещие, в угасающем свете. Безбрежная тишина воцарилась над землей. Сама земля была пустынна, безжизненна, неподвижна, такая одинокая и холодная, что в ней не было даже духа печали. В нем был намек на смех, но смех более ужасный, чем всякая грусть, смех безрадостный, как улыбка Сфинкса, смех холодный, как мороз, с примесью суровости непогрешимости. Это была властная и непередаваемая мудрость вечности, смеющаяся над тщетностью жизни и жизненными усилиями. Это была Дикая, дикая Северная Дикая Земля с ледяным сердцем. Джек Лондон, белый клык На северной окраине Аляскинского хребта, прямо перед громадными валами горы. Мак-Кинли и его спутники уступают низкой равнине Кантишна, ряду меньших хребтов, известных как Внешний хребет, растянувшийся по равнине, как смятое одеяло на неубранной кровати. Между кремнистыми гребнями двух крайних откосов Внешнего хребта проходит с востока на запад впадина, может быть, миль в пять в поперечнике, покрытая болотной смесью мускуса, зарослей ольхи и прожилками тощей ели. По запутанной холмистой равнине вьется тропа Панического бегства, маршрут, по которому Крис МакКэндлесс шел в дикую местность. Путь был проложен в 1930-х годах легендарным шахтером с Аляски по имени Эрл Пилигрим; это привело к претензиям на сурьму, которые он сделал на Стампид-Крик, над развилкой Клируотер реки Токлат. В 1961 году компания Yutan Construction из Фэрбенкса выиграла контракт с новым штатом Аляска (штат был предоставлен всего двумя годами ранее) на модернизацию тропы, превратив ее в дорогу, по которой грузовики могли бы возить руду из шахты год-к-году. круглый. Чтобы разместить строителей на время прокладки дороги, Юйтан купил три сломанных автобуса, оборудовал каждый койками и простой печью-бочонком и отвез их в пустыню за D-9 Caterpillar. Проект был остановлен в 1963 году: в конечном итоге было построено около пятидесяти миль дороги, но мосты через множество рек, которые она пересекала, так и не были возведены, и вскоре дорога стала непроходимой из-за таяния вечной мерзлоты и сезонных наводнений. Юйтан вытащил два автобуса обратно на шоссе. Третий автобус был оставлен примерно на полпути, чтобы служить убежищем для охотников и звероловов. За три десятилетия, прошедшие с момента окончания строительства, большая часть дорожного полотна была стер-

та смывами, кустарниками и бобровыми прудами, но автобус все еще там. Винтажный комбайн International Harvester 1940-х годов, заброшенный автомобиль, находится в двадцати пяти милях к западу от Хили, по пути ворона, нелепо ржавея в кипрее рядом с тропой Стампид, сразу за границей национального парка Денали. Двигатель ушел. Несколько окон разбиты или вообще отсутствуют, а на полу валяются разбитые бутылки из-под виски. Зелено-белая краска сильно окислилась. Обветренная надпись указывает на то, что старая машина когда-то была частью городской транспортной системы Фэрбенкса: автобус 142. В наши дни нет ничего необычного в том, что в течение шести или семи месяцев автобус не видел человека-посетителя, но в начале сентября 1992 года шесть человек в трех разных группах посетили удаленный автомобиль в один и тот же день. В 1980 году национальный парк Денали был расширен за счет Кантишна-Хиллз и самой северной кордильеры Внешнего хребта, но участок низменности на территории нового парка был исключен: длинная полоса земли, известная как Волчьи городки, которая охватывает первую половину тропы панического бегства. Поскольку эта территория размером семь на двадцать миль с трех сторон окружена охраняемой территорией национального парка, в ней водится немало волков, медведей, карибу, лосей и других диких животных- местная тайна, которую ревностно охраняют те охотники и звероловы, которые знают об аномалии. Как только осенью открывается сезон лосей, горстка охотников обычно посещает старый автобус, который стоит у реки Сушана в самом западном конце внепаркового массива, в двух милях от границы парка. Кен Томпсон, владелец автомастерской в Анкоридже, Гордон Самел, его сотрудник, и их друг Ферди Суонсон, строитель, отправились в автобус 6 сентября 1992 года, преследуя лося. Это непростое место. Примерно в десяти милях от конца модернизированной дороги тропа Панического бегства пересекает реку Текланика, быстрый ледяной поток, воды которого непрозрачны из-за ледниковой тиши. Тропа спускается к берегу реки чуть выше по течению от узкого ущелья, по которому текланика бурлит бурлящей белой водой. Перспектива перейти вброд этот цветной поток отпугивает большинство людей от дальнейшего путешествия. Тем не менее, Томпсон, Самел и Суонсон- упрямые жители Аляски с особой любовью к вождению автомобилей, которые на самом деле не предназначены для вождения. Прибыв к Текланике, они осмотрели берега, пока не обнаружили широкий извилистый участок с относительно неглубокими протоками, а затем стремглав направились в поток. «Я пошел первым,- говорит Томпсон. «Река была примерно семьдесят пять футов в ширину и очень быстрая. Моя машина- это поддомкраченный восьмидесятидвух-

местный «додж» четыре на четыре с 38-дюймовой резиной, и вода была до самого капота. В какой-то момент я не думал, что попаду. У Гордона на передней части буровой установки есть лебедка весом восемь тысяч фунтов; Я приказал ему следовать за мной, чтобы он мог вытащить меня, если я исчезну из виду. Томпсон добрался до дальнего берега без происшествий, а за ним Самел и Суонсон на своих грузовиках. В кузовах двух пикапов находились легкие вездеходы: трехколесный и четырехколесный. Они припарковали большие грузовики на гравийной отмели, разгрузили квадроциклы и продолжили путь к автобусу на небольших, более маневренных машинах. В нескольких сотнях ярдов за рекой тропа исчезла в чередке бобровых прудов глубиной по грудь. Не испугавшись, трое жителей Аляски взорвали оскорбительные плотины и осушили пруды. Затем они двинулись дальше, вверх по каменистому руслу ручья и через густые заросли ольхи. Было уже далеко за полдень, когда они наконец подошли к автобусу. Когда они добрались туда, по словам Томпсона, они обнаружили «парня и девушку из Анкориджа, стоящих в пятидесяти футах от них и выглядящих немного напуганными. «Ни один из них не был в автобусе, но они были достаточно близко, чтобы заметить «настоящий неприятный запах изнутри. Импровизированный сигнальный флажок- красный вязаный гетры вроде тех, что носят танцоры,- был привязан к концу ветки ольхи у заднего выхода из машины. Дверь была приоткрыта, и к ней была приклеена тревожная записка. Написанное от руки аккуратными печатными буквами на странице, вырванной из романа Николая Гоголя, оно гласило: С. О. С. МНЕ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ. Я РАНЕН, НА СМЕРТИ И СЛИШКОМ СЛАБ, ЧТОБЫ УЙТИ ОТСЮДА Я ОДИН, ЭТО НЕ ШУТКА. ВО ИМЯ БОГА, ПОЖАЛУЙСТА, СПАСИТЕ МЕНЯ. Я УШЛА СОБИРАТЬ ЯГОДЫ ПОБЛИЗОСТИ И ВЕРНУСЬ ЭТИМ ВЕЧЕРОМ. СПАСИБО, КРИС МАК-КЭНДЛЕСС. АВГУСТ? Супруги из Анкориджа были слишком расстроены смыслом записки и невыносимым запахом разложения, чтобы исследовать салон автобуса, поэтому Самел собрался с духом, чтобы взглянуть. Заглянув в окно, я обнаружил винтовку Ремингтон, пластиковую коробку патронов, восемь или девять книг в мягкой обложке, несколько рваных джинсов, кухонную утварь и дорогой рюкзак. В самой задней части машины, на наспех собранной койке, лежал синий спальный мешок, внутри которого, казалось, было что-то или кто-то, хотя, по словам Самела, «трудно было быть абсолютно уверенным. «Я встал на пень,- продолжает Самел,- просунул руку в заднее окно и встряхнул сумку. В нем определенно что-то было, но что бы это ни было, оно не имело большого веса. Только когда я подошел к другой стороне и увидел торчащую

голову, я точно понял, что это было. Крис МакКэндлесс был мертв две с половиной недели. Самел, человек твердых взглядов, решил, что тело следует немедленно эвакуировать. Однако на маленькой машине его или Томпсона не было места, чтобы вытащить мертвого человека, и не было места на квадроцикле пары из Анкориджа. Вскоре на сцене появился шестой человек, охотник из Хили по имени Бутч Киллиан. Поскольку Киллиан вел «Арго»- большой восьмиколесный квадроцикл-амфибию,- Самел предложил Киллиану эвакуировать останки, но Киллиан отказался, настаивая на том, что это задача, которую правильнее оставить солдатам штата Аляска. Киллиан, шахтер, который подрабатывает техником скорой помощи в Добровольной пожарной службе Хили, имел на «Арго» двустороннюю радиосвязь. Когда он не смог никого поднять с того места, где находился, он поехал обратно к шоссе; В пяти милях вниз по тропе, незадолго до наступления темноты, ему удалось установить связь с радистом на электростанции Хили.- Диспетчер,- сообщил он,- это Бутч. Лучше позови солдат. В автобусе у Сушаны мужчина. Похоже, он давно умер. На следующее утро в восемь тридцать полицейский вертолет с шумом приземлился рядом с автобусом в вихре пыли и кружащихся осинового листьев. Солдаты бегом осмотрели автомобиль и его окрестности на наличие следов нечестной игры, а затем ушли. Когда они улетали, они забрали останки МакКэндлесса, камеру с пятью катушками экспонированной пленки, записку SOS и дневник, написанный на последних двух страницах полевого справочника по съедобным растениям, в котором записаны последние недели жизни молодого человека в 113 кратких, загадочных статей. Тело было доставлено в Анкоридж, где в Научной лаборатории по раскрытию преступлений было проведено вскрытие. Останки были настолько сильно разложены, что невозможно было точно определить, когда умер МакКэндлесс, но коронер не смог найти никаких признаков массивных внутренних повреждений или сломанных костей. На теле практически не осталось подкожного жира, а мышцы значительно увяли за дни или недели до смерти. На момент вскрытия останки МакКэндлесса весили шестьдесят семь фунтов. Голод считался наиболее вероятной причиной смерти. Подпись МакКэндлесса была поставлена внизу сообщения SOS, а фотографии, когда они были проявлены, включали множество автопортретов. Но поскольку у него не было документов, удостоверяющих личность, власти не знали, кто он, откуда и почему он здесь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КАРТАГ

КАРТАГ хотел движения, а не спокойного течения существования. Мне хотелось волнения, опасности и возможности пожертвовать собой ради любви. Я чувствовал в себе избыток энергии, которая не находила выхода в нашей спокойной жизни. Лев Толстой, отрывок из «семейного счастья», выделенный в одной из книг, найденных вместе с останками Криса МакКэндлесса. Не следует отрицать. . . свобода передвижения всегда радовала нас. Она ассоциируется в нашем сознании с бегством от истории, и гнета, и закона, и утомительных обязательств, с абсолютной свободой, а дорога всегда вела на запад. Уоллес Стегнер, американский запад как жизненное пространство Карфаген, Южная Дакота, население 274 человека, представляет собой сонный небольшой кластер дощатых домов, опрятных дворов и обветренных кирпичных витрин, скромно возвышающихся над бескрайними северными равнинами, плывущими по течению времени. Величественные ряды тополей затеняют сетку улиц, редко нарушаемых движущимися транспортными средствами. В городе есть один продуктовый магазин, один банк, единственная заправочная станция, одинокий бар- «Кабаре», где Уэйн Вестерберг потягивает коктейль и жуёт сладкую сигару, вспоминая странного молодого человека, которого он знал как Алекса. Стены кабаре, обшитые фанерными панелями, увешаны оленьими рогами, рекламными роликами пива Old Milwaukee и сентиментальными картинами летящих птиц. Струйки сигаретного дыма поднимаются над кучками фермеров в комбинезонах и пыльных фуражках, их усталые лица такие же чумазые, как у шахтеров. Говоря короткими, обыденными фразами, они вслух беспокоятся о переменчивой погоде и полях подсолнухов, которые еще слишком влажны, чтобы их срезать, а над их головами на безмолвном телеэкране мелькает ухмыляющееся лицо Росса Перо. Через восемь дней нация изберет Билла Клинтона президентом. Прошло почти два месяца с тех пор, как на Аляске нашли тело Криса МакКэндлесса. «Это то, что пил Алекс», - хмурится Вестерберг, взмахивая льдом в своем «Белом русском». «Раньше он сидел прямо в конце стойки и рассказывал нам удивительные истории о своих путешествиях. Он мог говорить часами. Многие жители города очень привязались к старому Алексу. Какая-то странная сделка, что с ним случилось. «Вестерберг, гиперактивный мужчина с толстыми плечами и черной бородкой, владеет элеватором в Картидже и еще одним в нескольких милях от города, но каждое лето руководит специальной бригадой комбайнов, которые следуют за урожаем от севера Техаса до канадской границы. Осенью 1990 года он заканчивал сезон в северо-

центральной части Монтаны, косил ячмень для Coors и Anheuser-Busch. Днем 10 сентября, выезжая из Кат-Бэнк после покупки запчастей для неисправного комбайна, он остановился перед автостопщиком, любезным парнем, который назвался Алекс МакКэндлесс. МакКэндлесс был небольшого роста, с крепким жилистым телосложением странствующего рабочего. В глазах юноши было что-то завораживающее. Темные и эмоциональные, они указывали на след экзотической крови в его наследии- может быть, греческой или чиппева- и передавали уязвимость, которая заставила Вестерберга взять ребенка под свое крыло. По мнению Вестерберга, у него была чувствительная внешность, из-за которой женщины поднимали большой шум. Его лицо обладало странной эластичностью: в одну минуту оно могло быть вялым и невыразительным, а затем внезапно искажалось в зияющей огромной ухмылке, которая искажала его черты и обнажала полный рот лошадиных зубов. Он был близорук и носил очки в стальной оправе. Он выглядел голодным. Через десять минут после встречи с МакКэндлессом Вестерберг остановился в городе Этридж, чтобы передать посылку другу. «Он предложил нам обоим по пиву,- рассказывает Вестерберг,- и спросил Алекса, как давно он не ел. Алекс позволил, как это было пару дней. Сказал, что у него кончились деньги. Услышав это, жена друга настояла на том, чтобы приготовить Алексу большой обед, который он проглотил, а потом заснул за столом. МакКэндлесс сказал Вестербергу, что его пунктом назначения являются горячие источники Сако, расположенные в 240 милях к востоку от Ю. С. Шоссе 2, место, о котором он слышал от каких-то «резинových бродяг» (т. е. , бродяги, имевшие транспортное средство; в отличие от «кожаных бродяг», у которых не было личного транспорта и поэтому они были вынуждены передвигаться автостопом или идти пешком). Вестерберг ответил, что он может отвезти МакКэндлесса всего на десять миль вниз по дороге, после чего он повернет на север, в сторону Санберста, где у него есть трейлер возле полей, которые он косил. К тому времени, когда Вестерберг подъехал к обочине, чтобы подбросить МакКэндлесса, было десять тридцать вечера и шел сильный дождь. «Боже,- сказал ему Вестерберг,- мне очень не хочется оставлять тебя здесь, под проклятым дождем. У вас есть спальный мешок- почему бы вам не приехать в Санберст и не переночевать в трейлере?» МакКэндлесс оставался с Вестербергом три дня, каждое утро выезжая со своей командой, пока рабочие вели свои неуклюжие машины через океан. спелых светлых зерен. Прежде чем МакКэндлесс и Вестерберг разошлись, Вестерберг сказал молодому человеку найти его в Картидже, если ему когда-нибудь понадобится работа. «Прошла всего пара недель, прежде чем Алекс появился

в городе,- вспоминает Вестерберг. Он дал МакКэндлессу работу на элеваторе и снял ему дешевую комнату в одном из двух принадлежащих ему домов. «За эти годы я дал работу множеству автостопщиков,- говорит Вестерберг. «Большинство из них были не очень хороши, не очень хотели работать. С Алексом была другая история. Он был самым трудолюбивым из всех, кого я когда-либо видел. Что бы это ни было, он делал это: тяжелый физический труд, выгребание гнилого зерна и дохлых крыс со дна нор, где можно было так чертовски испачкаться, что даже не было видно, на что ты смотришь. как в конце дня. И он никогда не сдавался посреди чего-то. Если он начал работу, он закончит ее. Для него это было почти морально. Он был тем, кого вы бы назвали чрезвычайно этичным. Он установил для себя довольно высокие стандарты. «Можно было сразу сказать, что Алекс был умен»,- размышляет Вестерберг, допивая свою третью рюмку. «Он много читал. Употребил много громких слов. Я думаю, что, возможно, отчасти из-за того, что он попал в беду, было то, что он слишком много думал. Иногда он слишком старался разобраться в мире, понять, почему люди так часто плохо относятся друг к другу. Пару раз я пытался сказать ему, что было бы ошибкой слишком углубляться в подобные вещи, но Алекс застревал на этих вещах. Он всегда должен был знать абсолютно правильный ответ, прежде чем переходить к следующему. «В какой-то момент Вестерберг обнаружил из налоговой декларации, что настоящее имя МакКэндлесса было Крис, а не Алекс. «Он так и не объяснил, почему сменил имя,- говорит Вестерберг. «По тому, что он сказал, можно было понять, что между ним и его семьей что-то не так, но я не люблю совать нос в чужие дела, поэтому никогда не спрашивал об этом. «Если МакКэндлесс чувствовал себя отчужденным от своих родителей, братьев и сестер, он находил суррогатную семью в Вестерберге и своих сотрудниках, большинство из которых жили в доме Вестерберга в Карфагене. В нескольких кварталах от центра города, это простое двухэтажное викторианское здание в стиле королевы Анны, с большим тополем, возвышающимся над передним двором. Бытовые условия были свободными и компанейскими. Четверо или пятеро жителей по очереди готовили друг для друга, вместе выпивали и вместе гонялись за женщинами, но безуспешно. МакКэндлесс быстро влюбился в Карфаген. Ему нравилась застойность общины, ее плебейские добродетели и непритязательный вид. Это место было обратным водоворотом, лужей джетсама вне притяжения основного течения, и это вполне его устраивало. Той осенью у него установилась прочная связь как с городом, так и с Уэйном Вестербергом. Вестерберга, которому было около тридцати, мальчиком привезли в Карфаген приемные родители. Человек равнин эпохи Воз-

рождения, он фермер, сварщик, бизнесмен, машинист, первоклассный механик, спекулянт товарами, лицензированный пилот самолета, компьютерный программист, специалист по устранению неполадок электроники, ремонтник видеоигр. Однако незадолго до того, как он встретил МакКэндлесса, один из его талантов навлек на него проблемы с законом. Вестерберг был вовлечен в схему создания и продажи «черных ящиков», которые незаконно расшифровывали передачи спутникового телевидения, позволяя людям смотреть зашифрованные кабельные программы, не платя за это. ФБР пронюхало об этом, устроило укус и арестовало Вестерберга. Сокрушаясь, он признал себя виновным в одном уголовном преступлении и 10 октября 1990 года, примерно через две недели после прибытия МакКэндлесса в Картидж, начал отбывать четырехмесячный срок в Су-Фолс. Пока Вестерберг был в замешательстве, МакКэндлессу не нашлось работы на элеваторе, поэтому 23 октября, раньше, чем он мог бы при других обстоятельствах, мальчик покинул город и возобновил кочевой образ жизни. Однако привязанность МакКэндлесса к Карфагену оставалась сильной. Перед отъездом он подарил Вестербергу бесценное издание «Войны и мира» Толстого 1942 года. На титульном листе он написал: «Передан Уэйну Вестербергу от Александра. Октябрь 1990 г. Послушайте Пьера. (Последнее- отсылка к толстовскому главному герою и alter ego, Пьеру Безухову- альтруистическому, ищущему, незаконнорожденному.) И МакКэндлесс поддерживал связь с Вестербергом, пока тот путешествовал по Западу, звоня или переписываясь с Карфагеном каждый месяц или два. Вся его почта пересылалась на адрес Вестерберга, и почти всем, кого он встречал после этого, он говорил, что Южная Дакота- его дом. По правде говоря, МакКэндлесс вырос в комфортных для представителей высшего среднего класса окрестностях Аннандейла, штат Вирджиния. Его отец, Уолт, является выдающимся аэрокосмическим инженером, который разработал передовые радиолокационные системы для космических челноков и других громких проектов, работая в NASA и Hughes Aircraft в 1960-х и 70-х годах. В 1978 году Уолт занялся собственным бизнесом, открыв небольшую, но со временем преуспевающую консалтинговую фирму User Systems, Incorporated. Его партнером по предприятию была мать Криса, Билли. В большой семье было восемь детей: младшая сестра Карин, с которой Крис был очень близок, и шестеро сводных братьев и сестер от первого брака Уолта. В мае 1990 года Крис окончил Университет Эмори в Атланте, где он был обозревателем и редактором студенческой газеты «Колесо Эмори» и отличился по специальности история и антропология с оценкой 3. средний балл 72. Ему предложили членство в Phi Beta Кappa, но он отказался,

настаивая на том, что титулы и почести не имеют значения. Последние два года его обучения в колледже были оплачены сорокатысячным завещанием, оставленным другом семьи; на момент выпуска Криса оставалось более двадцати четырех тысяч долларов, деньги, которые, как думали его родители, он собирался потратить на юридическую школу. «Мы неправильно его поняли»,- признается его отец. Чего Уолт, Билли и Карин не знали, когда летели в Атланту, чтобы присутствовать на выпускном вечере Криса,- чего никто не знал,- так это того, что вскоре он пожертвует все деньги из своего фонда колледжа в благотворительную организацию OXFAM America, занимающуюся борьбой с голодом. Церемония вручения дипломов состоялась 12 мая, в субботу. Семья выслушала длинную вступительную речь, произнесенную министром труда Элизабет Доул, а затем Билли сфотографировала ухмыляющегося Криса, идущего по сцене, чтобы получить диплом. На следующий день был День Матери. Крис подарил Билли конфеты, цветы, сентиментальную открытку. Она была удивлена и крайне тронута: это был первый подарок, полученный ею от сына более чем за два года, с тех пор как он объявил родителям, что принципиально больше дарить и принимать подарки не будет. Действительно, Крис совсем недавно упрекнул Уолта и Билли за то, что они выразили желание купить ему новую машину в качестве подарка на выпускной и предложили оплатить учебу в юридической школе, если в его фонде колледжа не останется достаточно денег, чтобы покрыть расходы. Он настаивал, что у него уже есть отличная машина: любимый Datsun B210 1982 года выпуска, слегка помятый, но технически исправный, с пробегом 128 000 миль на одомере. «Я не могу поверить, что они пытались купить мне машину»,- жаловался он позже в письме Карине, или что они думают, что я действительно позволил бы им платить за мою юридическую школу, если бы я собирался поступать... Я говорил им миллион раз, что у меня лучшая машина в мире, машина, которая проехала весь континент от Майами до Аляски, машина, которая за все эти тысячи миль не доставила мне ни единой проблемы, машину, которую я никогда не обмениваю, машину, к которой я очень сильно привязан, но они игнорируют то, что я говорю, и думают, что я действительно приму новую машину от них! Мне нужно быть очень осторожным, чтобы не принимать от них никаких подарков в будущем, потому что они будут думать, что купили мое уважение. Крис купил подержанный желтый Datsun, когда учился в старшей школе. С тех пор он имел привычку брать его с собой в длительные одиночные поездки, когда занятия не проводились, и во время выпускных выходных он небрежно упомянул своим родителям, что собирается провести

предстоящее лето в дороге. также. Его точными словами были: «Думаю, я исчезну на какое-то время. В то время ни один из родителей ничего не сказал об этом объявлении, хотя Уолт мягко предупредил своего сына, сказав: «Эй, перед уходом обязательно загляни к нам. Крис улыбнулся и как бы кивнул, ответ, который Уолт и Билли восприняли как подтверждение того, что он навестит их в Аннандейле до конца лета, а затем они попрощались. Ближе к концу июня Крис, все еще живущий в Атланте, отправил родителям по почте копию своего итогового аттестата: пятерка по апартейду и Южноафриканскому обществу и истории антропологической мысли; Минус в современной африканской политике и продовольственном кризисе в Африке. Была приложена короткая записка: Вот копия моей окончательной стенограммы. В плане оценок дела пошли довольно хорошо, и в итоге я получил высокий совокупный средний балл. Спасибо за фотографии, бритвенные принадлежности и открытку из Парижа. Кажется, вам очень понравилось ваше путешествие туда. Должно быть, это было очень весело. Я дал Ллойд [ближайшему другу Криса в Эмори] его фотографию, и он был очень благодарен; у него не было ни единого шанса, что ему вручат диплом. Больше ничего не происходит, но здесь становится очень жарко и влажно. Передавай привет всем от меня. Это было последнее, что кто-либо из семьи Криса слышал от него. В течение последнего года в Атланте Крис жил за пределами кампуса в монашеской комнате, обставленной лишь тонким матрасом на полу, ящиками для молока и столом. Он содержал его таким же упорядоченным и безупречным, как военные казармы. И у него не было телефона, поэтому Уолт и Билли не могли ему позвонить. К началу августа 1990 года родители Криса ничего не слышали от своего сына, так как они получили его оценки по почте, поэтому они решили поехать в Атланту навестить его. Когда они прибыли в его квартиру, она была пуста, а на окне была приклеена табличка «Сдается внаем». Менеджер сказал, что Крис съехал в конце июня. Уолт и Билли вернулись домой и обнаружили, что все письма, которые они отправили своему сыну тем летом, были возвращены пачкой. «Крис дал указание почтовому отделению придержать их до 1 августа, по-видимому, чтобы мы не знали, что что-то случилось»,- говорит Билли. «Это нас очень, очень волновало. «К тому времени Криса уже давно не было. Пять недель назад он погрузил все свои вещи в свою маленькую машину и отправился на запад без маршрута. Поездка должна была стать одиссеей в полном смысле этого слова, эпическим путешествием, которое изменит все. Предыдущие четыре года он провел, как ему казалось, в подготовке к исполнению абсурдного и обременительного долга: окончить колледж.

Наконец-то он освободился, освободился от удушающего мира своих родителей и сверстников, мира абстракции, безопасности и материальных излишеств, мира, в котором он чувствовал себя прискорбно отрезанным от грубой пульсации существования. Уезжая на запад из Атланты, он намеревался изобрести для себя совершенно новую жизнь, в которой он мог бы свободно купаться в нефильтрованном опыте. Чтобы символизировать полный разрыв со своей прежней жизнью, он даже принял новое имя. Он больше не будет отвечать перед Крисом МакКэндлессом; теперь он был Александром Супербродягой, хозяином своей судьбы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫВКА ОБЛОМКОВ

Пустыня есть среда откровения, генетически и физиологически чуждая, чувственно суровая, эстетически абстрактная, исторически враждебная... Формы ее смелы и многозначительны. Ум окружен светом и пространством, кинестетической новизной засухи, высокой температуры и ветра. Небо пустыни опоясывающее, величественное, грозное. В других местообитаниях край неба над горизонталью сломан или затемнен; здесь, вместе с надземной частью, он бесконечно обширнее, чем холмистая местность и лесные массивы... В беспрепятственном небе облака кажутся более массивными, иногда величественно отражающими кривизну земли на своей вогнутой нижней стороне. Угловатость форм пустынного рельефа придает монументальную архитектуру как облакам, так и земле... В пустыню идут пророки и отшельники; через пустыни идут паломники и изгнанники. Здесь лидеры великих религий искали терапевтические и духовные ценности ретрита не для того, чтобы сбежать, а для того, чтобы найти реальность. Пол Шепард, человек в пейзаже: исторический взгляд на эстетику природы Медвежий мак, *Arctomeson californica*, - это полевой цветок, который растет в изолированном уголке пустыни Мохаве и больше нигде в мире. Поздней весной он ненадолго покрывается нежным золотым цветком, но большую часть года растение без украшений и незаметным кучкуется на выжженной земле. *A. californica* настолько редок, что был классифицирован как вид, находящийся под угрозой исчезновения. В октябре 1990 года, более чем через три месяца после того, как МакКэндлесс покинул Атланту, рейнджер Службы национальных парков по имени Бад Уолш был отправлен в отдаленные районы Национальной зоны отдыха на озере Мид для подсчета медвежьих маков, чтобы федеральное правительство могло лучше знать, как мало растений было. *A. californica* растет только на гипсовой почве, которая в изобилии встречается вдоль южного берега озера Мид, так что именно туда Уолш привел свою команду рейнджеров для проведения ботанического исследования. Они свернули с Темпл-Барроуд, проехали две мили по бездорожью по руслу Детритового залива, припарковали свои повозки у берега озера и начали карабкаться вверх по крутому восточному берегу залива, склону из рыхлого белого гипса. Несколько минут спустя, когда они приблизились к вершине берега, один из рейнджеров случайно глянул вниз, в воду, и остановился, чтобы отдышаться. "Привет! Посмотри туда!" он закричал. - Что это за чертовщина? На краю высохшего русла, в зарослях солончаков недалеко от того места, где они остановились, под серо-коричневым брезентом был спря-

тан большой предмет. Когда рейнджеры сняли брезент, они обнаружили старый желтый Датсун без номерных знаков. Записка, приклеенная скотчем к лобовому стеклу, гласила: «Этот кусок дерьма заброшен. Тот, кто может получить это отсюда, может получить это. «Двери остались незапертыми. Полы были обмазаны грязью, по-видимому, от недавнего наводнения. Заглянув внутрь, Уолш обнаружил гитару Джанини и кастрюлю с четырьмя долларами. 93 в мелочи, футбольный мяч, мешок для мусора, полный старой одежды, удочки и снасти, новая электробритва, губная гармошка, комплект соединительных кабелей, двадцать пять фунтов риса и в бардачке, ключи от зажигания автомобиля. По словам Уолша, рейнджеры обыскали окрестности «на предмет чего-либо подозрительного», а затем ушли. Пять дней спустя другой рейнджер вернулся к брошенному автомобилю, без труда завел его и отвез на ремонтную площадку Службы национальных парков в Темпл-Бар. «Он вел его обратно со скоростью шестьдесят миль в час,- вспоминает Уолш. «Сказал, что эта штука бежала как чемпион. Пытаясь узнать, кому принадлежала машина, рейнджеры разослали бюллетень по телетайпу в соответствующие правоохранительные органы и провели подробный поиск компьютерных записей по всему Юго-Западу, чтобы выяснить, не был ли VIN-код Datsun связан с какими-либо преступлениями. Ничего не оказалось. Постепенно рейнджеры проследили серийный номер автомобиля до корпорации Hertz, первоначального владельца автомобиля; В Hertz заявили, что продали его как подержанный арендованный автомобиль много лет назад и не заинтересованы в его возврате. «Вау! Большой!" Уолш помнит, как думал. «Халява от дорожных богов- такая машина станет отличным тайным транспортным средством для перехвата наркотиков. И действительно так и было. В течение следующих трех лет Служба парков использовала Datsun для тайных закупок наркотиков, что привело к многочисленным арестам в криминальной национальной зоне отдыха, включая арест крупного торговца метамфетамином, работавшего в трейлерном парке недалеко от Буллхед-Сити. «Даже сейчас мы все еще получаем много пробега от этой старой машины»,- с гордостью сообщает Уолш через два с половиной года после того, как нашел Datsun. «Залейте в эту штуку бензина на несколько баксов, и она проработает весь день. Настоящий надежный. Я как бы удивлялся, почему никто никогда не появлялся, чтобы вернуть его. «Датсун, конечно же, принадлежал Крису МакКэндлессу. Проведя его на запад от Атланты, 6 июля он прибыл в национальную зону отдыха Лейк-Мид, совершив головокружительный подъем Эмерсона. Игнорируя опубликованные предупреждения о том, что движение по бездорожью строго запрещено, МакКэндлесс

увел Datsun с тротуара, где он пересек широкую песчаную полосу. Он проехал две мили вниз по руслу реки к южному берегу озера. Температура была 120 градусов по Фаренгейту. Пустыня тянулась вдаль, мерцая на жаре. Окруженный чоллами, шалфеем и забавно снующими ящерицами с ошейниками, МакКэндлесс разбил свою палатку в жалкой тени тамариска и наслаждался новообретенной свободой. Обломочная вода простирается примерно на пятьдесят миль от озера Мид до гор к северу от Кингмана; он истощает большой кусок страны. Большую часть года вода сухая, как мел. Однако в летние месяцы перегретый воздух поднимается от выжженной земли, как пузырьки со дна кипящего котла, устремляясь к небу бурными конвекционными потоками. Часто восходящие потоки создают ячейки мускулистых кучево-дождевых облаков с наковальней, которые могут подниматься на тридцать тысяч футов и более над Мохаве. Через два дня после того, как МакКэндлесс разбил лагерь на берегу озера Мид, в послеполуденном небе поднялась необычно мощная стена грозовых туч, и над большей частью Обломочной долины пошел очень сильный дождь. МакКэндлесс расположился лагерем на краю залива, на пару футов выше основного русла, так что, когда поток коричневой воды хлынул с высокогорья, у него было как раз достаточно времени, чтобы собрать свою палатку и пожитки и спасти их от сметают. Однако двигать машину было некуда, так как единственным выходом теперь была бурлящая полноводная река. Как оказалось, силы внезапного паводка не хватило, чтобы унести автомобиль или даже нанести какой-либо долговременный ущерб. Но двигатель стал влажным, настолько влажным, что, когда вскоре после этого МакКэндлесс попытался завести машину, двигатель не завелся, и в нетерпении он разрядил аккумулятор. С разряженной батареей не было никакой возможности запустить Датсун. Если он надеялся вернуть машину на асфальтированную дорогу, у МакКэндлесса не было другого выбора, кроме как выйти и уведомить власти о своем затруднительном положении. Однако, если он пойдет к рейнджерам, у них возникнут несколько надоедливых вопросов: почему он вообще проигнорировал опубликованные правила и поехал в лужу? Знал ли он, что регистрация транспортного средства истекла два года назад и не продлевалась? Знал ли он, что срок действия его водительского удостоверения также истек, а машина также не была застрахована? Правдивые ответы на эти вопросы вряд ли были бы хорошо восприняты рейнджерами. МакКэндлесс мог бы попытаться объяснить, что он подчинялся статутам более высокого порядка — что, будучи новоявленным приверженцем Генри Дэвида Торо, он воспринял как евангелие эссе «Об обязанности гражданского неповиновения» и, та-

ким образом, считал своим моральным долгом пренебрегать им. законы государства. Однако маловероятно, что депутаты федерального правительства разделят его точку зрения. Были бы заросли бюрократии, чтобы вести переговоры, и штрафы, чтобы заплатить. С его родителями, несомненно, свяжутся. Но был способ избежать такого обострения: он мог просто бросить Датсун и продолжить свою одиссею пешком. И это то, что он решил сделать. Более того, МакКэндлесс не расстроился из-за такого поворота событий, а воодушевился: он увидел во внезапных наводнениях возможность избавиться от ненужного багажа. Он как мог скрыл машину под коричневым брезентом, снял с нее виргинские номера и спрятал их. Он закопал свое ружье для охоты на оленей «Винчестер» и несколько других вещей, которые, возможно, когда-нибудь захочет вернуть. Затем жестом, которым гордились бы и Торо, и Толстой, он сложил все свои бумажные деньги в стопку на песке- жалкую стопку из единиц, пятерок и двадцаток- и поджег ее. Сто двадцать три доллара в виде законного платежного средства тут же превратились в пепел и дым. Мы знаем все это, потому что МакКэндлесс задокументировал сжигание своих денег и большинство последовавших за этим событий в альбоме дневниковых снимков, который он позже оставил Уэйну Вестербергу на хранение перед отъездом на Аляску. Хотя тон дневника, написанного от третьего лица неестественным, застенчивым голосом, часто склоняется к мелодраме, имеющиеся данные указывают на то, что МакКэндлесс не искажал факты; говорить правду было кредо, к которому он относился серьезно. Погрузив свои немногочисленные оставшиеся вещи в рюкзак, МакКэндлесс 10 июля отправился в поход вокруг озера Мид. Это, как признает его дневник, оказалось «огромной ошибкой... В экстремальные июльские температуры становится бредом. Страдая от теплового удара, ему удалось остановить проходящих лодочников, которые подвезли его до залива Кэллвилл, пристани у западной оконечности озера, где он высунул большой палец и отправился в путь. МакКэндлесс бродил по Западу в течение следующих двух месяцев, очарованный масштабами и мощью ландшафта, в восторге от незначительных столкновений с законом, смакуя время от времени компанию других бродяг, которых он встречал по пути. Позволив обстоятельствам формировать свою жизнь, он остановился на озере Тахо, отправился в Сьерра-Неваду и провел неделю, идя на север по Тихоокеанскому гребню, прежде чем выйти из гор и вернуться на тротуар. В конце июля он согласился подвезти человека, назвавшегося Сумасшедшим Эрни, и предложил МакКэндлессу работу на ранчо в северной Калифорнии; на фотографиях этого места виден некрашенный полуразрушенный дом, окруженный козами и кура-

ми, пружинами для кроватей, сломанными телевизорами, магазинными тележками, старой бытовой техникой и грудями и кучами мусора. Проработав там одиннадцать дней с шестью другими бродягами, МакКэндлесс понял, что Эрни не собирался платить ему, поэтому он украл из беспорядка во дворе красный велосипед с десятью скоростями, въехал в Чико и бросил велосипед в парковка ТЦ. Затем он возобновил жизнь в постоянном движении, двигаясь на север и на запад через Ред-Блафф, Уивервиль и Уиллоу-Крик. В Аркате, Калифорния, в мокрых лесах секвойи на берегу Тихого океана, МакКэндлесс повернул направо на Ю. С. Шоссе 101 и направился вверх по побережью. В шестидесяти милях к югу от границы с Орегоном, недалеко от города Орик, пара бродяг в старом фургоне остановилась, чтобы свериться со своей картой, когда они заметили мальчика, притаившегося в кустах у обочины дороги. «На нем были длинные шорты и эта действительно дурацкая шляпа»,- говорит Джен Буррес, сорокаоднолетняя резиновая бродяга, которая путешествовала по Западу, продавая безделушки на блошиных рынках и обмениваясь встречами со своим бойфрендом Бобом. «У него была с собой книга о растениях, и он использовал ее, чтобы собирать ягоды, собирая их в литровый молочник с отрезанным верхом. Он выглядел довольно жалким, поэтому я закричал: «Эй, не хочешь подвезти куда-нибудь?» Я подумал, может, мы могли бы накормить его или что-то в этом роде. «Надо поговорить. Он был хорошим ребенком. Сказал, что его зовут Алекс. И он был сильно голоден. Голодный, голодный, голодный. Но по-настоящему счастлив. Сказал, что выживал благодаря съедобным растениям, которые узнал из книги. Как будто он действительно гордился этим. Сказал, что бродит по стране, у него большое старое приключение. Он рассказал нам, как бросил машину, как сжег все деньги. Я сказал: «Зачем тебе это?» Утверждал, что ему не нужны деньги. У меня есть сын примерно того же возраста, что и Алекс, и мы уже несколько лет в разлуке. Поэтому я сказал Бобу: «Чувак, мы должны взять этого парня с собой. Вам нужно научить его кое-чему. Алекс подвез нас до Орик-Бич, где мы остановились, и провел с нами лагерь в течение недели. Он был действительно хорошим ребенком. Мы думали о нем мир. Когда он ушел, мы уже не ожидали, что о нем снова услышим, но он всегда оставался на связи. В течение следующих двух лет Алекс присылал нам открытки каждый месяц или два. «От Орика МакКэндлесс продолжил свой путь на север вдоль побережья. Он прошел через реку Пистол, залив Кус, Сил-Рок, Мансаниту, Ас-торию; Ноquiam, Humptulips, Queets; Форкс, Порт-Анджелес, Порт-Таунсенд, Сиэтл. «Он был один», как писал Джеймс Джойс о Стивене Дедалусе, своем молодом художнике. «Он

был незаметен, счастлив и близок к дикому сердцу жизни. Он был одинок, и молод, и своенравен, и необуздан, один среди пустыни дикого воздуха и солоноватых вод, морского урожая из ракушек, путаницы и туманного серого солнечного света. 10 августа, незадолго до встречи с Джен Беррес и Бобом, МакКэндлесс был оштрафован за то, что путешествовал автостопом возле Уиллоу-Крик, в золотодобывающей стране к востоку от Эврики. По нехарактерной для него оплошности МакКэндлесс назвал адрес своих родителей в Аннандейле, когда производивший арест офицер потребовал сообщить его постоянное место жительства. Неоплаченный билет появился в почтовом ящике Уолта и Билли в конце августа. Уолт и Билли, ужасно обеспокоенные исчезновением Криса, к тому времени уже связались с полицией Аннандейла, которая ничем не помогла. Когда из Калифорнии прибыл билет, они пришли в бешенство. Одним из их соседей был директор У. С. Разведывательное управление Министерства обороны, и Уолт обратился к этому человеку, генералу армии, за советом. Генерал связал его с частным сыщиком по имени Питер Калитка, который работал по контракту как на РУМО, так и на ЦРУ. Он был лучшим, заверил генерал Уолта; если бы Крис был там, Калитка нашел бы его. Используя билет Willow Creek в качестве отправной точки, Калитка начал чрезвычайно тщательный поиск, отслеживая зацепки, которые вели так далеко, как Европа и Южная Африка. Его усилия, однако, ни к чему не привели - до декабря, когда он узнал из налоговой отчетности, что Крис передал свой фонд колледжа OXFAM. «Это действительно напугало нас,- говорит Уолт. «К тому моменту мы совершенно не представляли, чем может быть занят Крис. Билет на автостоп просто не имел никакого смысла. Ему так нравился этот Датсун, что мне казалось ошеломляющим, что он когда-нибудь бросит его и пойдет пешком. Хотя, оглядываясь назад, я думаю, это не должно было меня удивлять. Крис был сторонником того, что у вас не должно быть ничего, кроме того, что вы можете нести на спине на бегу. Пока Калитка пыталась уловить запах Криса в Калифорнии, МакКэндлесс был уже далеко, цепляясь на восток через Каскадный хребет, через полынные нагорья и лавовые ложа в бассейне реки Колумбия, через ручей Айдахо в Монтану. Там, за пределами Кат-Бэнк, он пересекся с Уэйном Вестербергом и к концу сентября уже работал на него в Картидже. Когда Вестерберга посадили в тюрьму и работа остановилась, а с приближением зимы МакКэндлесс отправился в более теплые края. 28 октября он поймал поездку с дальнбойщиком в Нидлз, штат Калифорния. «Вне себя от радости, достигнув реки Колорадо»,- написал МакКэндлесс в своем дневнике. Затем он свернул с шоссе и пошел на юг через пустыню вдоль берега реки. Две-

надцать миль пешком привели его в Топок, штат Аризона, на пыльную станцию вдоль межштатной автомагистрали 40, где автострада пересекает границу с Калифорнией. Находясь в городе, он заметил выставленное на продажу подержанное алюминиевое каноэ и под влиянием импульса решил купить его и сплавить на нем вниз по реке Колорадо до Калифорнийского залива, почти в четырехстах милях к югу, через границу с Мексикой. Этот нижний участок реки, от плотины Гувера до залива, имеет мало общего с необузданным потоком, который прорывается через Гранд-Каньон примерно в 250 милях вверх по течению от Топока. Выхолощенная плотинами и отводными каналами, нижняя часть Колорадо лениво журчит от водохранилища к водохранилищу через одну из самых жарких и суровых стран на континенте. МакКэндлесса потрясла суровость этого пейзажа, его соленая красота. Пустыня обострила сладкую боль его тоски, усилила ее, придала ей форму в строгой геологии и чистом свете. Из Топока МакКэндлесс поплыл на юг по озеру Хава-су под выбеленным куполом неба, огромным и пустым. Он совершил короткую экскурсию вверх по реке Билл-Вильямс, притоку Колорадо, затем продолжил движение вниз по течению через индейскую резервацию реки Колорадо, Национальный заповедник дикой природы Сибола, Имперский национальный заповедник дикой природы. Он проплыл мимо сагуаро и щелочных отмелей, расположившись лагерем под откосами обнаженного докембрийского камня. Вдалеке в призрачных лужах миражей плавали остроконечные шоколадно-коричневые горы. Выйдя на день за реку, чтобы выследить табун диких лошадей, он наткнулся на знак, предупреждающий, что он нарушает границу У. С. Армейский испытательный полигон Юма с очень ограниченным доступом. МакКэндлесса это ничуть не смутило. В конце ноября он проплыл через Юму, где остановился на достаточно долгое время, чтобы пополнить запасы провизии и отправить открытку Вестербергу на попечение Дома Славы, учреждения для освобождения от работы в Су-Фолс, где Вестерберг отбывал срок.- Привет, Уэйн! карта читает, как дела? Я надеюсь, что ваше положение улучшилось с момента нашего последнего разговора. Я брожу по Аризоне уже около месяца. Это хорошее состояние! Есть все виды фантастических пейзажей и замечательный климат. Но помимо поздравления главная цель этой открытки - еще раз поблагодарить вас за все ваше гостеприимство. Редко встретишь мужчину столь щедрого и добродушного, как ты. Хотя иногда мне жаль, что я не встретил тебя. Со всеми этими деньгами бродить слишком легко. Мои дни были более захватывающими, когда я был без гроша в кармане и должен был искать пищу для следующего приема пищи. Однако сейчас я не мог обойтись

без денег, так как в это время здесь очень мало фруктового земледелия. Пожалуйста, поблагодари Кевина еще раз за всю одежду, которую он мне подарил, без нее я бы замерзла до смерти. Надеюсь, он передал тебе эту книгу. Уэйн, тебе действительно стоит прочитать «Войну и мир». Я имел в виду именно это, когда сказал, что у тебя один из лучших характеров среди мужчин, которых я когда-либо встречал. Это очень мощная и очень символическая книга. В нем есть вещи, которые, я думаю, вы поймете. Вещи, которые ускользают от большинства людей. Что касается меня, то я решил, что буду жить этой жизнью какое-то время. Свобода и простая красота слишком хороши, чтобы отказываться от них. Однажды я вернусь к тебе, Уэйн, и отплачу за твою доброту. Случай с Джеком Дэниелсом, может быть? До тех пор я всегда буду думать о тебе как о друге. да благословит Вас бог, александр. 2 декабря он достиг плотины Морелос и мексиканской границы. Обеспокоенный тем, что ему будет отказано во въезде, потому что у него нет удостоверения личности, он пробрался в Мексику, пробравшись через открытые шлюзы плотины и обстреляв водослив внизу. «Алекс быстро оглядывается в поисках признаков неприятностей», - записано в его дневнике. «Но его въезд в Мексику либо не замечают, либо игнорируют. Александр ликует!» Его ликование, однако, было недолгим. Ниже плотины Морелос река превращается в лабиринт оросительных каналов, болот и тупиковых каналов, среди которых МакКэндлесс неоднократно заблудился: каналы обрываются во множестве направлений. Алекс ошеломлен. Встречает некоторых чиновников канала, которые немного говорят по-английски. Ему говорят, что он едет не на юг, а на запад и направляется в центр полуострова Баха. Алекс подавлен. Умоляет и настаивает на том, что должен быть какой-то водный путь в Калифорнийский залив. Они смотрят на Алекса и думают, что он сумасшедший. Но тут между ними завязывается страстный разговор, сопровождаемый картами и взмахом карандашей. Через 10 минут они представляют Алексу маршрут, который, по-видимому, приведет его к океану. Он вне себя от радости, и надежда возвращается в его сердце. Следуя карте, он возвращается обратно вверх по каналу, пока не наткнется на Канал де Индепенденсия, по которому идет на восток. Согласно карте, этот канал должен разделять пополам канал Wellteco, который поворачивает на юг и течет до самого океана. Но его надежды быстро рушатся, когда канал посреди пустыни заходит в тупик. Однако разведывательная миссия показывает, что Алекс просто побежал обратно в русло уже мертвой и высохшей реки Колорадо. Он обнаруживает еще один канал примерно в 1/2 мили на другой стороне русла реки. Он решает переправиться к этому каналу. МакКэндлессу потребовалось по-

чти три дня, чтобы перевезти каноэ и его снаряжение к новому каналу. Запись в журнале за 5 декабря записывает, Наконец-то! Алекс находит то, что он считает каналом Wellteco, и направляется на юг. Тревоги и страхи возвращаются по мере того, как канал становится все меньше. . . Местные жители помогают ему обойти барьер. . . Алекс считает мексиканцев теплыми, дружелюбными людьми. Гораздо гостеприимнее, чем американцы. . . 12/6 Канал усыпан небольшими, но опасными водопадами. 12/9 Все надежды рушатся! Канал не достигает океана, а просто уходит в огромное болото. Алекс в полном замешательстве. Решает, что он должен быть близко к океану, и решает попытаться пробраться через болото к морю. Алекс постепенно теряется до точки, где он должен толкать каноэ через камыши и тащить его по грязи. Все в отчаянии. Находит сухую землю, чтобы разбить лагерь на болоте на закате. На следующий день, 10 декабря, Алекс возобновляет поиск выхода к морю, но только еще больше запутывается, путешествуя кругами. Полностью деморализованный и расстроенный, он лежит в своем каноэ в конце дня и плачет. Но затем по фантастической случайности он натывается на мексиканских проводников по охоте на уток, говорящих по-английски. Он рассказывает им свою историю и свои поиски моря. Говорят, выхода к морю нет. Но затем один из них соглашается отбуксировать Алекса обратно в его базовый лагерь [за небольшой моторной лодкой] и отвезти его и каноэ [в кузове пикапа] к океану. Это чудо. Охотники за утками высадили его в Эль-Гольфо-де-Санта-Клара, рыбацкой деревушке в Калифорнийском заливе. Оттуда МакКэндлесс направился к морю, двигаясь на юг по восточному краю залива. Достигнув места назначения, МакКэндлесс замедлил шаг, и его настроение стало более созерцательным. Он фотографировал тарантула, жалобные закаты, продуваемые всеми ветрами дюны, длинную кривую пустынной береговой линии. Записи в журнале становятся короткими и небрежными. В течение следующего месяца он написал менее ста слов. 14 декабря, утомленный греблей, он затащил каноэ далеко вверх по берегу, взобрался на утес из песчаника и разбил лагерь на краю пустынного плато. Он пробыл там десять дней, пока сильный ветер не заставил его искать убежища в пещере на полпути вверх по крутому склону утеса, где он оставался еще десять дней. Он встретил новый год, наблюдая за восходом полной луны над Гран-Десерто- Великой пустыней: семнадцать сотен квадратных миль движущихся дюн, самое большое пространство пустыни из чистого песка в Северной Америке. Через день он продолжил грести по пустынному берегу. Его дневниковая запись от 11 января 1991 года начинается словами «Очень судьбоносный день. Проехав некоторое расстояние на юг, он

высадил каноэ на песчаную отмель далеко от берега, чтобы наблюдать за мощными приливами. Через час из пустыни стали дуть сильные порывы ветра, и ветер и приливные волны сговорились унести его в море. К этому времени вода превратилась в хаос белых шапок, которые угрожали затопить и опрокинуть его крошечное судно. Ветер усилился до ураганной силы. Белые шапки превратились в высокие, разбивающиеся волны. «В большом расстройстве», - говорится в журнале, он кричит и бьет веслом по каноэ. Весло ломается. У Алекса есть одно запасное весло. Он успокаивает себя. Если теряет второе весло мертв. В конце концов, благодаря невероятным усилиям и большому количеству проклятий, ему удается высадить каноэ на пристань и рухнуть в изнеможении на песок на закате. Этот инцидент побудил Александра отказаться от каноэ и вернуться на север. 16 января МакКэндлесс оставил коренастую металлическую лодку на кочке дюнной травы к юго-востоку от Эль-Гольфо-де-Санта-Клара и пошел на север вверх по пустынному пляжу. Он не видел и не разговаривал с другой душой уже тридцать шесть дней. В течение всего этого периода он питался только пятью фунтами риса и теми морскими обитателями, которых он мог выловить из моря, опыт, который позже убедил его, что он мог выжить на таком же скудном пайке в зарослях Аляски. Он вернулся на границу США 18 января. Пойманный иммиграционными властями при попытке проникнуть в страну без удостоверения личности, он провел ночь под стражей, прежде чем состряпал историю, которая вывела его из тюрьмы, за вычетом его. Пистолет 38-го калибра, «прекрасный Кольт Пайтон, к которому он был очень привязан. «Следующие шесть недель МакКэндлесс провел в движении по юго-западу, путешествуя на восток до Хьюстона и на запад до побережья Тихого океана. Чтобы избежать столкновения с неприятными персонажами, которые правят улицами и эстакадами автострад, где он спал, он научился закапывать все деньги, которые у него были, перед въездом в город, а затем находить их по дороге из города. 3 февраля, согласно его дневнику, МакКэндлесс отправился в Лос-Анджелес, «чтобы получить удостоверение личности и работу, но сейчас чувствует себя крайне некомфортно в обществе и должен немедленно вернуться на гастроли. Шесть дней спустя, разбив лагерь на дне Гранд-Каньона с Томасом и Карин, молодой немецкой парой, которая подвезла его, он написал: «Может ли это быть тот самый Алекс, который отправился в путь в июле 1990 года? Недоедание и дорога сказались на его теле. Потеряно более 25 фунтов. Но его дух парит. «24 февраля, через семь с половиной месяцев после того, как он бросил Datsun, МакКэндлесс вернулся в Детритовый Уош. Служба парков уже давно конфисковала автомобиль, но он обнаружил

свои старые номера Вирджинии, SJF-421, и несколько вещей, которые он там закопал. Затем он уехал в Лас-Вегас и нашел работу в итальянском ресторане. «Александр закопал свой рюкзак в пустыне 27 февраля и вошел в Лас-Вегас без денег и без удостоверения личности», - сообщает нам журнал. Несколько недель он жил на улице с бомжами, бродягами и алкашами. Однако Вегас не станет концом истории. 10 мая зуд в ногах вернулся, и Алекс оставил свою работу в Вегасе, забрал свой рюкзак и снова отправился в путь, хотя он обнаружил, что если вы достаточно глупы, чтобы закопать камеру под землей, вы не будете делать много снимков с ней потом. . Таким образом, в рассказе нет книжки с картинками за период с 10 мая 1991 года по 7 января 1992 года. Но это не важно. Это переживания, воспоминания, великая торжествующая радость жизни во всей ее полноте, в которой обретается настоящий смысл. Боже, как здорово жить! Спасибо. Спасибо.

ГЛАВА ПЯТАЯ ГОРОД БЫЧКОВ

Господствующий первобытный зверь был силен в Баке, и в суровых условиях жизни на тропе он рос и рос. И все же это был тайный рост. Его новорождённая хитрость придавала ему самообладание и контроль. Джеки Лондон, зов дикой природы! Да здравствует господствующий первобытный зверь! И капитан Ахав тоже! Александр Суперброяга - май 1992 г. Граффито, найденное внутри брошенного автобуса на тропе панического бегства. Когда его камера сломалась и МакКэндлесс перестал фотографировать, он также перестал вести дневник, и не возобновлял эту практику, пока не уехал на Аляску в следующем году. Поэтому мало что известно о том, куда он путешествовал после отъезда из Лас-Вегаса в мае 1991 года. Из письма МакКэндлесса, отправленного Яну Барресу, мы знаем, что июль и август он провел на побережье Орегона, вероятно, в окрестностях Астории, где он жаловался, что «туман и дождь часто были невыносимы. В сентябре он зацепил У. С. Шоссе 101 в Калифорнию, затем снова направилось на восток в пустыню. А к началу октября он приземлился в Буллхед-Сити, штат Аризона. Буллхед-Сити - это сообщество в оксюморонном стиле конца двадцатого века. Не имея заметного центра, город существует как бессистемное разрастание подразделений и торговых центров, протянувшихся на восемь или девять миль вдоль берегов Колорадо, прямо через реку от высотных отелей и казино Лафлина, штат Невада. Отличительной чертой Bullheads является шоссе Мохаве-Вэлли, четыре полосы асфальта с заправочными станциями и франшизами быстрого питания, мануальными терапевтами и видеомагазинами, магазинами автозапчастей и ловушками для туристов. На первый взгляд, Буллхед-Сити не похож на то место, которое могло бы понравиться приверженцу Торо и Толстого, идеологу, который не выражал ничего, кроме презрения к буржуазным атрибутам мейнстрима Америки. МакКэндлесс, тем не менее, сильно полюбил Буллхеда. Может быть, дело было в его привязанности к люмпенам, которые были широко представлены в трейлерных парках, кемпингах и прачечных самообслуживания; возможно, он просто влюбился в суровый пустынный пейзаж, окружающий город. В любом случае, когда он прибыл в Буллхед-Сити, МакКэндлесс перестал двигаться более чем на два месяца - возможно, это был самый долгий период, когда он оставался на одном месте с того момента, как покинул Атланту, до тех пор, пока не отправился на Аляску и не сел в брошенный автобус на тропе Стампид. В открытке, которую он отправил Вестербергу по почте в октябре, он говорит о Буллхеде: «Это хорошее место, чтобы провести зиму, и я мог бы, наконец, остепениться»

и навсегда отказаться от своей скитающейся жизни. Я посмотрю, что произойдет, когда придет весна, потому что именно тогда у меня обычно сильно чешутся ноги. «В то время, когда он писал эти слова, он работал полный рабочий день, переворачивая Quarter Pounders в McDonald's на главной дороге, добираясь на работу на велосипеде. Внешне он вел удивительно обычную жизнь, даже зайдя так далеко, что открыл сберегательный счет в местном банке. Любопытно, что когда МакКэндлесс подал заявление о приеме на работу в Макдональдс, он представился как Крис МакКэндлесс, а не как Алекс, и дал своим работодателям свой настоящий номер социального страхования. Это был нехарактерный для него выход из-под прикрытия, который мог бы легко предупредить его родителей о его местонахождении, хотя это упущение не имело никакого значения, поскольку частный сыщик, нанятый Уолтом и Билли, так и не поймал промах. Спустя два года после того, как он вспотел над грилем в Буллхеде, его коллеги по золотым аркам мало что помнят о Крисе МакКэндлессе. «Одно я точно помню, что он любил носки»,- говорит помощник менеджера, мясистый, болтливый мужчина по имени Джордж Дриззен. «Он всегда носил обувь без носков- просто терпеть не мог носить носки. Но у McDonald's есть правило, согласно которому сотрудники всегда должны носить подходящую обувь. То есть туфли и носки. Крис подчинялся правилу, но как только его смена заканчивалась, бац!- первое, что он делал,- снимал эти носки. Я имею в виду самое первое. Что-то вроде заявления, чтобы мы знали, что он не принадлежит нам, я думаю. Но он был хорошим ребенком и хорошим работником. Настоящий надежный. У Лори Зарзы, второго помощника менеджера, сложилось несколько иное впечатление о МакКэндлессе. «Честно говоря, я была удивлена, что его вообще взяли на работу,- говорит она. «Он мог выполнять свою работу- готовил в задней части дома,- но всегда работал в одном и том же медленном темпе, даже во время обеденного перерыва, сколько бы вы ни просили его поторопиться. Покупатели толпились у прилавка в десять рядов, и он не понимал, почему я занимаюсь его делом. Он просто не нашел связи. Он как будто ушел в свою вселенную. «Однако на него можно было положиться, тело появлялось каждый день, поэтому они не осмелились его уволить. Они платили только четыре двадцать пять в час, а со всеми казино прямо через реку люди начинали в шесть двадцать пять, что ж, было трудно держать тела за прилавком. «Я не думаю, что он когда-либо тусовался с кем-либо из сотрудников после работы или что-то в этом роде. Когда он говорил, он всегда говорил о деревьях, природе и тому подобных странных вещах. Мы все думали, что ему не хватает нескольких винтов.

«Когда Крис наконец ушел,- признается Зарза,- вероятно, это произошло из-за меня. Когда он только начал работать, он был бездомным и приходил на работу с неприятным запахом. Приходить с таким запахом, как он, не соответствовало стандартам Макдональдса. Так что в конце концов они поручили мне сказать ему, что ему нужно чаще принимать ванну. С тех пор, как я сказал ему, между нами произошло столкновение. А потом другие сотрудники- они просто пытались быть милыми-начали спрашивать его, не нужно ли ему мыло или что-нибудь в этом роде. Это привело его в бешенство- можно сказать. Но он никогда не показывал этого прямо. Примерно через три недели он просто вышел за дверь и уволился. «МакКэндлесс пытался скрыть тот факт, что он был бродягой, живущим из рюкзака: он сказал своим коллегам по работе, что живет за рекой в Лафлине. Всякий раз, когда ему предлагали подвезти домой после работы, он оправдывался и вежливо отказывался. Фактически, в течение первых нескольких недель своего пребывания в Буллхеде МакКэндлесс ночевал в пустыне на окраине города; затем он начал сидеть на корточках в пустующем передвижном доме. Последняя договоренность, как он объяснил в письме Яну Бурресу, «получилась следующим образом: «Однажды утром я брился в уборной, когда вошел старик и, наблюдая за мной, спросил меня, не сплю ли я. Я сказал ему «да», и оказалось, что у него есть этот старый трейлер, в котором я могу остановиться бесплатно. Единственная проблема в том, что он на самом деле не владеет им. Некоторые отсутствующие владельцы просто позволяют ему жить на своей земле здесь, в другом маленьком трейлере, в котором он живет. Так что мне как бы приходится держать вещи в тунусе и оставаться вне поля зрения, потому что он не должен никого здесь видеть. Впрочем, это действительно неплохая сделка, потому что внутри трейлер хороший, это дом-трейлер, меблированный, с некоторыми работающими электрическими розетками и большим жилым пространством. Единственным недостатком является то, что этот старик, которого зовут Чарли, немного сумасшедший, и иногда с ним довольно трудно поладить. Чарли до сих пор живет по тому же адресу, в маленьком кемпинговом трейлере каплевидной формы, обшитом ржавой жестью, без водопровода и электричества, спрятанного за гораздо большим бело-голубым передвижным домом, где спал МакКэндлесс. На западе видны обнаженные горы, сурово возвышающиеся над крышами соседних двойных домов. Нежно-голубой Ford Torino стоит на блоках в неухоженном дворе, из моторного отсека прорастают сорняки. Аммиачный запах человеческой мочи исходит от ближайшей живой изгороди из олеандров. "Крис? Крис?" Чарли лает, просматривая пористые банки памяти.- О да, он. Да,

да, я помню его, конечно. Чарли, одетый в толстовку и рабочие штаны цвета хаки,- хрупкий нервный мужчина с слезящимися глазами и белой щетиной на подбородке. По его воспоминаниям, МакКэндлесс пробыл в трейлере около месяца. «Хороший парень, да, очень хороший парень»,- сообщает Чарли. «Однако мне не нравилось находиться в окружении слишком большого количества людей. Темпераментный. Он имел в виду хорошее, но я думаю, что у него было много комплексов- понимаете, о чем я говорю? Любил читать книги того парня с Аляски, Джека Лондона. Никогда много не говорил. Он стал бы капризным, не хотел бы, чтобы его беспокоили. Походил на ребенка, который что-то искал, искал что-то, просто не знал, что это такое. Когда-то я был таким, но потом понял, что искал: Деньги! Ха! Ха-ха, хо, о боже!- Но, как я уже говорил, Аляска-да, он говорил о поездке на Аляску. Может быть, чтобы найти то, что он искал. Хороший парень, во всяком случае, выглядел таковым. Хотя иногда комплексов было много. Им было плохо. Когда он уехал, думаю, это было под Рождество, он дал мне пятьдесят баксов и пачку сигарет, чтобы я позволил ему остаться здесь. Думал, что это было весьма прилично с его стороны. «В конце ноября МакКэндлесс отправил открытку Яну Берресу на попечение почтового ящика в Ниланде, маленьком городке в Имперской долине в Калифорнии. «Карточка, которую мы получили в Ниланде, была первым за долгое время письмом от него, на котором был указан обратный адрес,- вспоминает Беррес. «Поэтому я сразу же ответил и сказал, что мы приедем к нему на следующие выходные в Буллхед, который был не так далеко от того места, где мы были. «МакКэндлесс был в восторге от Ян. «Я так рад найти вас обоих живыми и здоровыми»,- воскликнул он в письме от 9 декабря 1991 года. Большое спасибо за рождественскую открытку. Приятно думать об этом времени года... Я так рада слышать, что ты придешь ко мне, добро пожаловать в любое время. Очень приятно думать, что спустя почти полтора года мы снова встретимся. Он закончил письмо, нарисовав карту и дав подробные указания, как найти трейлер на Бейслайн-роуд в Буллхед-Сити. Однако через четыре дня после получения этого письма, когда Джен и ее бойфренд Боб готовились к поездке, Беррес однажды вечером вернулась в свой лагерь и обнаружила «большой рюкзак, прислоненный к нашему фургону. Я узнал в нем Алекса. Наша маленькая собачка Сунни учуяла его раньше меня. Алекс ей нравился, но я был удивлен, что она его помнила. Когда собака нашла его, она сошла с ума. МакКэндлесс объяснил Берресу, что устал от Буллхеда, устал бить по часам, устал от «пластиковых людей», с которыми работал, и решил убраться к черту из города. Джен и Боб остановились в трех милях от Ниланда, в месте, ко-

торое местные жители называют Слэбами, на старой военно-воздушной базе, которая была заброшена и разрушена, оставив сетку пустых бетонных фундаментов, разбросанных повсюду по пустыне. Наступает ноябрь, когда в остальной части страны становится холодно, около пяти тысяч снежных птиц, бродяг и прочих бродяг собираются в этом потустороннем окружении, чтобы дешево жить под солнцем. Плиты функционируют как сезонная столица переполненного странствующего общества- терпимой, усталой от резины культуры, состоящей из пенсионеров, изгнанников, обездоленных и вечно безработных. Его составляющими являются мужчины, женщины и дети всех возрастов, люди, убегающие от коллекторских агентств, испорченные отношения, закон или налоговая служба, зимы Огайо, рутинная работа среднего класса. Когда МакКэндлесс прибыл в Слэбс, в пустыне всю кипела огромная блошиная ярмарка по обмену. Беррес, как один из продавцов, установил несколько складных столиков, на которых выставлены дешевые, в основном подержанные товары для продажи, и МакКэндлесс вызвалась присматривать за ее большим запасом подержанных книг в мягкой обложке. «Он мне очень помог,- признается Беррес. «Он следил за столом, когда мне нужно было уйти, рассортировал все книги по категориям, сделал много продаж. Казалось, он получил от этого настоящий кайф. Алекс увлекался классикой: Диккенсом, Х. Г. Уэллс, Марк Твен, Джек Лондон. Лондон был его любимым местом. Он пытался убедить каждую снежную птицу, проходившую мимо, что им следует прочитать «Зов предков». «МакКэндлесс был без ума от Лондона с детства. Горячее осуждение Лондоном капиталистического общества, его прославление первобытного мира, его защита великих немых- все это отражало страсти МакКэндлесса. Завороженный лондонским напыщенным изображением жизни на Аляске и Юконе, МакКэндлесс читал и перечитывал «Зов предков», «Белый Клык», «Развести огонь», «Северную одиссею», «Остроумие Порпортука». Однако он был настолько очарован этими сказками, что, казалось, забыл, что они были произведениями вымысла, произведениями воображения, которые имели больше общего с романтическими чувствами Лондона, чем с действительностью жизни в субарктической глуши. МакКэндлесс удачно упустил из виду тот факт, что сам Лондон провел всего одну зиму на Севере и что он умер от своей руки в своем калифорнийском поместье в возрасте сорока лет, глупый пьяница, тучный и жалкий, ведя сидячий образ жизни, который мало походил на идеалы, которые он отстаивал в печати. Среди жителей Niland Slabs была семнадцатилетняя девушка по имени Трейси, и она влюбилась в МакКэндлесса во время его недельного визита. «Она была такой милой малышкой,- говорит Беррес,- дочерью

пары бродяг, припарковавших свою повозку в четырех машинах от нас. А бедняжка Трейси безнадежно влюбилась в Алекса. Все то время, пока он был в Ниланде, она слонялась вокруг, строила ему глазки-гуси, уговаривая меня убедить его пойти с ней на прогулку. Алекс был добр к ней, но она была слишком молода для него. Он не мог воспринимать ее всерьез. Наверное, оставил ее с разбитым сердцем как минимум на целую неделю. Несмотря на то, что МакКэндлесс отверг ухаживания Трейси, Беррес ясно дает понять, что он не был отшельником: «Он хорошо проводил время, когда был среди людей, действительно хорошо проводил время. На встрече по обмену он говорил, говорил и говорил со всеми, кто приходил. Он, должно быть, встретил шесть или семь десятков человек в Ниланде, и с каждым из них он был дружелюбен. Временами ему нужно было уединение, но он не был отшельником. Он много общался. Иногда мне кажется, что он собирал компанию на тот момент, когда знал, что рядом никого не будет. МакКэндлесс был особенно внимателен к Берресу, заигрывая с ней и клоунадя при каждом удобном случае. «Он любил меня дразнить и мучить,- вспоминает она. «Я выходил обратно, чтобы развесить одежду на веревке позади трейлера, а он привязывал ко мне прищепки. Он был игривым, как маленький ребенок. У меня были щенки, и он всегда клал их под корзины для белья, чтобы посмотреть, как они прыгают и тявкают. Он делал это до тех пор, пока я не разозлилась и не стала кричать на него, чтобы он остановился. Но на самом деле он действительно хорошо ладил с собаками. Они ходили за ним повсюду, плакали вслед, хотели с ним переспать. Алекс просто умел обращаться с животными. «Однажды днем, когда МакКэндлесс присматривал за книжным столиком на бирже обмена в Ниланде, кто-то оставил Берресу портативный электрический орган, чтобы продать его на комиссию. «Алекс взял его на себя и весь день развлекал всех, играя в него»,- говорит она. «У него был потрясающий голос. Он привлек довольно много людей. До этого я никогда не знал, что он музыкален. «МакКэндлесс часто говорил с жителями Слэбов о своих планах относительно Аляски. Каждое утро он занимался гимнастикой, чтобы привести себя в форму к суровым условиям дикой природы, и подробно обсуждал стратегии выживания в отдаленных районах с Бобом, самопровозглашенным выживальщиком. «Я,- говорит Беррес,- подумал, что Алекс сошел с ума, когда рассказал нам о своей «великой аляскинской одиссее», как он это назвал. Но он был действительно взволнован этим. Не мог не рассказать о поездке. «Однако, несмотря на настойчивость Берреса, МакКэндлесс практически ничего не рассказал о своей семье. «Я спрашивал его,- говорит Беррес,- ты сообщил своим людям, что ты задумал? Твоя мама

знает, что ты собираешься на Аляску? Твой отец знает?» Но он никогда не отвечал. Он просто закатывал на меня глаза, злился, говорил мне, чтобы я перестала пытаться быть с ним матерью. А Боб говорил: «Оставь его в покое! Он взрослый мужчина!» Я продолжал говорить, пока он не менял тему, хотя из-за того, что произошло между мной и моим собственным сыном. Он где-то там, и я бы хотел, чтобы кто-то присматривал за ним, как я пытался присматривать за Алексом. «В воскресенье перед тем, как МакКэндлесс покинул Ниланд, он смотрел игру плей-офф НФЛ по телевизору в трейлере Беррес, когда она заметила, что он особенно сильно болеет за «Вашингтон Редскинз». «Поэтому я спросил его, не из ли он Б. С. районе»,- говорит она. «И он ответил: «Да, на самом деле я. Это единственное, что он когда-либо говорил о своем прошлом. «В следующую среду МакКэндлесс объявил, что ему пора двигаться дальше. Он сказал, что ему нужно на почту в Солтон-Сити, в пятидесяти милях к западу от Ниланда, куда он попросил менеджера «Буллхед Макдоналдс» прислать его последнюю зарплату с доставкой. Он принял предложение Беррес отвезти его туда, но когда она попыталась дать ему немного денег за помощь на обмене, вспоминает она, «он сильно обиделся. Я сказал ему: «Чувак, у тебя должны быть деньги, чтобы выжить в этом мире», но он их не взял. В конце концов я заставил его взять несколько швейцарских армейских ножей и несколько поясных ножей; Я убедил его, что они пригодятся на Аляске и что он может обменять их на что-нибудь в будущем. «После продолжительного спора Беррес также уговорила МакКэндлесса принять длинное нижнее белье и другую теплую одежду, которая, по ее мнению, ему понадобится на Аляске. «В конце концов он взял его, чтобы заткнуть мне рот,- смеется она,- но на следующий день после его отъезда я нашла большую его часть в фургоне. Он вытащил его из рюкзака, пока мы не видели, и спрятал его под сиденьем. Алекс был отличным парнем, но иногда он действительно мог вывести меня из себя. «Хотя Беррес беспокоилась о МакКэндлессе, она полагала, что он справится в целостности и сохранности. «Я думала, что в конце концов с ним все будет в порядке,- размышляет она. «Он был умен. Он понял, как доплыть до Мексики на каноэ, как прыгать на грузовых поездах, как получить койко-место в городских миссиях. Он со всем этим разобрался сам, и я был уверен, что он разберется и с Аляской.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ANZA-BORREGO

Ни один человек не следовал своему гению до тех пор, пока он не ввел его в заблуждение. Хотя результатом была телесная слабость, но, пожалуй, никто не может сказать, что о последствиях следует сожалеть, ибо это была жизнь в соответствии с высшими принципами. Если день и ночь таковы, что вы встречаете их с радостью, а жизнь источает благоухание, подобное цветам и душистым травам, эластичнее, звезднее, бессмертнее,- это ваш успех. Вся природа является вашим поздравлением, и у вас есть повод на мгновение благословить себя. Величайшие достижения и ценности далеки от того, чтобы быть оцененными. Мы легко начинаем сомневаться в их существовании. Мы скоро их забываем. Они-высшая реальность... Истинный урожай моей повседневной жизни так же неосязаем и неописуем, как оттенки утра или вечера. Это маленькая звездная пыль, пойманная мною, часть радуги, которую я схватил. Генри Дэвид Торо, Вфолден, или жизнь в лесу. Проход, упомянутый в одной из книг, найденных вместе с останками Криса МакКэндлесса. 4 января 1993 года этот писатель получил необычное письмо, написанное шатким анахроничным почерком, в котором говорилось о пожилом авторе. «Для кого это может касаться»,- начиналось письмо. Я хотел бы получить копию журнала, в котором была опубликована история молодого человека (Алекс МакКэндлесс), умирающего на Аляске. Я хотел бы написать тот, который расследовал инцидент. Я отвез его из Солтон-Сити, Калифорния... в марте 1992 года... в Гранд-Джанкшн Ко... Я оставил Алекса там, чтобы он добирался автостопом до С. Д. Он сказал, что будет поддерживать связь. Последнее, что я получил от него, было письмо в первую неделю апреля 1992 года. В нашей поездке мы фотографировали, я с видеокамерой + Алексей со своим фотоаппаратом. Если у вас есть экземпляр этого журнала, пожалуйста, пришлите мне стоимость этого журнала... Я понимаю, что он был обижен. Если так, я хотел бы знать, как он был ранен, потому что он всегда носил достаточно риса в своем рюкзаке + у него была арктическая одежда + много денег. С уважением, Рональд А. franzПожалуйста, никому не сообщайте эти факты, пока я не узнаю больше о его смерти, потому что он был не просто бродягой. Пожалуйста, верь мне. Журнал, который просил Франц, был январским выпуском Outside за 1993 год, в котором была опубликована статья о смерти Криса МакКэндлесса. Его письмо было адресовано в офис Outside в Чикаго; поскольку я написал статью о МакКэндлессе, ее переслали мне. МакКэндлесс произвел неизгладимое впечатление на многих людей во время его хиджры, большинство из ко-

торых провели в его компании всего несколько дней, максимум неделю или две. Однако ни на кого его или ее краткий контакт с мальчиком не повлиял сильнее, чем на Рональда Франца, которому было восемьдесят лет, когда их пути пересеклись в январе 1992 года. После того, как МакКэндлесс попрощался с Яном Берресом в почтовом отделении Солтон-Сити, он отправился в пустыню и разбил лагерь в креозотовой роще на краю государственного парка пустыни Анза-Боррего. Далеко к востоку находится Солтон-Си, безмятежный океан в миниатюре, его поверхность более чем на двести футов ниже уровня моря, созданный в 1905 году монументальной инженерной неразберихой: вскоре после того, как от реки Колорадо был прорыт канал для орошения богатых сельскохозяйственных угодий. в Имперской долине река вышла из берегов во время серии крупных наводнений, проложила новый канал и начала неустанно течь в канал Имперской долины. В течение более чем двух лет канал непреднамеренно отводил практически весь огромный сток реки в впадину Солтона. Вода хлынула по когда-то сухому дну раковины, затопив фермы и поселения, в конце концов затопив четыреста квадратных миль пустыни и породив океан, не имеющий выхода к морю. Всего в пятидесяти милях от лимузинов, эксклюзивных теннисных клубов и утопающих в зелени фарватеров Палм-Спрингс западный берег Солтон-Си когда-то был местом активных спекуляций недвижимостью. Были спланированы роскошные курорты, построены большие подразделения. Но немного из обещанного развития так и не произошло. В наши дни большинство участков остаются пустыми и постепенно зарастают пустыней. Перекати-поле стелется по широким пустынным бульварам Солтон-Сити. Выгоревшие на солнце объявления о продаже тянутся вдоль бордюров, а с необитаемых зданий отслаивается краска. Плакат в окне Salton Sea Realty and Development Company объявляет закрытым / серрадо. Только шелест ветра прерывает призрачную тишину. Вдали от берега озера земля плавно поднимается, а затем резко поднимается, образуя высохшие призрачные бесплодные земли Анза-Боррего. Бахада под бесплодными землями представляет собой открытую местность, изрезанную арройо с крутыми стенами. Здесь, на невысоком, выжженном солнцем холме, усеянном чоллой, кустами индиго и двенадцатифутовыми стеблями окотилло, МакКэндлесс спал на песке под брезентом, свисавшим с ветки креозота. Когда ему требовалась провизия, он добирался автостопом или шел пешком четыре мили до города, где покупал рис и наполнял пластиковый кувшин водой в рыночно-винном магазине и почтовом отделении, бежевом оштукатуренном здании, которое служит культурным связующим звеном Большого Солтон-Сити. . Однажды в

четверг в середине января МакКэндлесс возвращался на баджаду после того, как наполнил свой кувшин, когда старик по имени Рон Франц остановился, чтобы подвезти его.- Где твой лагерь?- спросил Франц.- За горячими источниками «О-Боже мой»,- ответил МакКэндлесс. «Я живу в этих краях уже шесть лет и никогда не слышал, чтобы какое-либо место носило такое название. Покажи мне, как туда добраться. «Они ехали несколько минут по морскому пути Боррего-Солтон, а затем МакКэндлесс сказал ему повернуть налево в пустыню, где ухабистая дорога 4x4 вилась по узкой полосе. Примерно через милю они прибыли к странному лагерю, где собралось около двухсот человек, чтобы провести зиму в своих машинах. Сообщество было за гранью, видением постапокалиптической Америки. Были семьи, укрывшиеся в дешевых трейлерах с палатками, стареющие хиппи в фургонах Day-Glo, двойники Чарльза Мэнсона, ночующие в ржавых «Студебеккерах», которые не переворачивались с тех пор, как Эйзенхауэр был в Белом доме. Значительное количество присутствовавших расхаживало голышом. В центре лагеря вода из геотермального колодца подавалась по трубопроводу в пару неглубоких, дымящихся бассейнов, выложенных камнями и затененных пальмами: Горячие источники «Боже мой». Однако МакКэндлесс жил не прямо у источников; он разбил лагерь еще в полумиле на бахаде. Остаток пути Франц отвез Алекса, поболтал с ним некоторое время, а затем вернулся в город, где жил один, бесплатно в обмен на управление ветхим многоквартирным домом. Франц, набожный христианин, провел большую часть своей взрослой жизни в армии, дислоцированной в Шанхае и на Окинаве. В канун Нового 1957 года, когда он был за границей, его жена и единственный ребенок были убиты пьяным водителем в автокатастрофе. Сын Франца должен был окончить медицинскую школу в июне следующего года. Франц сильно ударил по виски. Шесть месяцев спустя ему удалось взять себя в руки и бросить пить, черт возьми, но он так и не оправился от потери. Чтобы смягчить свое одиночество в годы после аварии, он начал неофициально «усыновлять» бедных окинавских мальчиков и девочек, в конечном итоге взяв четырнадцать из них под свое крыло, оплатив старшей из них обучение в медицинской школе в Филадельфии, а другой- изучение медицины в Японии. Когда Франц встретил МакКэндлесса, его давно дремлющие отцовские порывы вновь вспыхнули. Он не мог выбросить юношу из головы. Мальчик сказал, что его зовут Алекс- он отказался назвать фамилию- и что он из Западной Вирджинии. Он был вежлив, дружелюбен, ухожен. «Он казался чрезвычайно умным»,- заявляет Франц с экзотическим акцентом, который звучит как смесь шотландского, пенсильванско-голландского

и каролинского протяжного произношения. «Я думал, что он слишком хороший ребенок, чтобы жить у горячих источников с этими нудистами, пьяницами и курильщиками наркотиков. После посещения церкви в то воскресенье Франц решил поговорить с Алексом «о том, как он живет. Кто-то должен был убедить его получить образование и работу и сделать что-то в своей жизни. Однако, когда он вернулся в лагерь МакКэндлесса и заговорил о самосовершенствовании, МакКэндлесс резко оборвал его. «Смотрите, г. Франц,- заявил он,- вам не нужно беспокоиться обо мне. У меня есть высшее образование. Я не бедняк. Я живу так по своему выбору. А потом, несмотря на свою первоначальную колючесть, молодой человек потеплел к старожилу, и между ними завязался долгий разговор. Еще до заката они въехали в Палм-Спрингс на грузовике Франца, пообедали в хорошем ресторане и прокатились на трамвае на вершину пика Сан-Хасинто, у подножия которого МакКэндлесс остановился, чтобы раскопать мексиканская царापина и некоторые другие вещи, которые он закопал для сохранности годом ранее. В течение следующих нескольких недель МакКэндлесс и Франц проводили вместе много времени. Молодой человек регулярно ездил автостопом в Солтон-Сити, чтобы постирать вещи и приготовить барбекю в квартире Франца. Он признался, что выжидает до весны, когда намеревается отправиться на Аляску и отправиться в «потрясающее приключение». Он тоже перевернул столы и начал поучать дедушку-фигуру о недостатках его оседлого существования, убеждая восьмидесятилетнего продать большую часть своего имущества, съехать с квартиры и жить в разъездах. Франц спокойно относился к этим разглагольствованиям и даже наслаждался обществом мальчика. Опытный кожевник, Франц научил Алекса секретам своего ремесла; для своего первого проекта МакКэндлесс изготовил тисненый кожаный ремень, на котором он искусно изобразил свои странствия. Надпись ALEX находится на левом конце ремня; затем инициалы С. Дж. М. (для Кристофера Джонсона МакКэндлесса) обрамление черепа и скрещенных костей. На полосе воловьей кожи можно увидеть двухполосную асфальтовую крышу, запрещающий разворот знак, грозу, вызвавшую внезапный паводок, захлестнувший машину, большой палец автостопщика, орла, Сьерра-Неваду, лосося, резвящегося в Тихом океане. Океан, шоссе Тихоокеанского побережья от Орегона до Вашингтона, Скалистые горы, пшеничные поля Монтаны, гремучая змея из Южной Дакоты, дом Вестерберга в Карфагене, река Колорадо, шторм в Калифорнийском заливе, каноэ, выброшенное на берег рядом с палаткой, Лас-Вегас, инициалы Т. С. Д., Морро-Бей, Астория и, наконец, на конце пряжки буква N (предположительно обозначающая север). Вы-

полненный с замечательным мастерством и творческим подходом, этот пояс столь же удивителен, как и любой артефакт, оставленный Крисом МакКэндлессом. Франц все больше любил МакКэндлесса.- Боже, он был смысленным ребенком,- хрипит старик еле слышным голосом. Произнося это заявление, он направляет взгляд на клочок песка между своими ногами; затем он перестает говорить. Сгибаясь в пояснице, он вытирает воображаемую грязь со штанины. Его древние суставы громко хрустят в неловкой тишине. Проходит больше минуты, прежде чем Франц снова заговорил; щурясь на небо, он начинает дальше вспоминать время, проведенное в компании юношей. Нередко во время их визитов, вспоминает Франц, лицо МакКэндлесса темнело от гнева, и он бурно отзывался о своих родителях, политиках или эндемическом идиотизме господствующей американской жизни. Опасаясь оттолкнуть мальчика, Франц мало говорил во время таких вспышек и позволял себе разглагольствовать. Однажды в начале февраля МакКэндлесс объявил, что уезжает в Сан-Диего, чтобы заработать больше денег на поездку на Аляску. «Вам не нужно ехать в Сан-Диего,- возразил Франц.- Я дам тебе денег, если тебе нужно. Нет. Вы не понимаете. Я еду в Сан-Диего. И я уезжаю в понедельник» «Хорошо. Я отвезу тебя туда. «Не будь смешным,- усмехнулся МакКэндлесс. «Мне все равно нужно пойти,- солгал Франц,- забрать кое-какие кожаные принадлежности. МакКэндлесс смягчился. Он свернул свой лагерь, спрятал большую часть своих вещей в квартире Франца-мальчик не хотел таскать свой спальный мешок или рюкзак по городу,- а затем поехал со стариком через горы к побережью. Шел дождь, когда Франц высадил МакКэндлесса на набережной Сан-Диего. «Мне было очень трудно это сделать,- говорит Франц. «Мне было грустно расставаться с ним. 19 февраля МакКэндлесс позвонил Францу, собрал, чтобы поздравить его с восьмидесятым первым днем рождения; МакКэндлесс запомнил дату, потому что его собственный день рождения был на семь дней раньше: 12 февраля ему исполнилось двадцать четыре года. Во время этого телефонного разговора он также признался Францу, что у него проблемы с поиском работы. 28 февраля он отправил открытку Яну Бурресу. "Привет!" в нем говорится: «Всю последнюю неделю жили на улицах Сан-Диего. В первый день, когда я приехал сюда, шел адский дождь. Миссии здесь отстой, и меня проповедуют до смерти. С работой ничего не происходит, так что завтра я еду на север. Я решил отправиться на Аляску не позднее 1 мая, но мне нужно собрать немного денег, чтобы экипироваться. Могу вернуться и работать на друга, который у меня есть в Южной Дакоте, если он сможет использовать меня. Не знаю, куда я направляюсь сейчас, но я напишу, когда буду там. На-

деюсь, с тобой все хорошо. Береги себя, Алекс. 5 марта МакКэндлесс отправил еще одну открытку Берресу и еще одну открытку Францу. В послании Берресу говорится: «Привет из Сиэтла! Я теперь бомж! Правильно, я сейчас еду по рельсам. Какая забава, жаль, что я не прыгал с поезда раньше. Однако у рельсов есть некоторые недостатки. Во-первых, человек становится абсолютно грязным. Во-вторых, с этими сумасшедшими быками надо связываться. Я сидел в хотшоте в Л. А. когда бык нашел меня со своим фонариком около 10 вечера. М. «Убирайся оттуда, пока я тебя не убил!» закричал бык. Я вышел и увидел, что он выхватил револьвер. Он допрашивал меня под дулом пистолета, а затем прорычал: «Если я еще раз увижу тебя возле этого поезда, я тебя убью! Смотаться!"Какой сумасшедший! Я посмеялся последним, когда через 5 минут сел на тот же поезд и проехал на нем до Окленда. Буду на связи, alexЧерез неделю у Франца зазвонил телефон. «Это был оператор,- говорит он,- спрашивая, могу ли я принять звонок от кого-то по имени Алекс. Когда я услышал его голос, это было похоже на солнечный свет после месяца дождя. «Вы приедете забрать меня?»- спросил МакКэндлесс. "Да. Где ты в Сиэтле?» «Рон,- рассмеялся МакКэндлесс,- я не в Сиэтле. Я в Калифорнии, недалеко от вас, на Коачелле. Не сумев найти работу на дождливом Северо-Западе, МакКэндлесс прыгнул через несколько товарных поездов обратно в пустыню. В Колтоне, штат Калифорния, его обнаружил другой бык и бросил в тюрьму. После освобождения он доехал автостопом до Коачеллы, к юго-востоку от Палм-Спрингс, и позвонил Францу. Как только он повесил трубку, Франц бросился за МакКэндлессом. «Мы пошли в Sizzler, где я накормил его стейком и лобстером,- вспоминает Франц,- а потом мы поехали обратно в Солтон-Сити. МакКэндлесс сказал, что останется только на день, ровно столько, чтобы постирать одежду и загрузить свой рюкзак. Он слышал от Уэйна Вестерберга, что его ждет работа на элеваторе в Картидже, и ему не терпелось попасть туда. Дата была 11 марта, среда. Франц предложил отвезти МакКэндлесса в Гранд-Джанкшн, штат Колорадо, что было самым большим расстоянием, которое он мог проехать, не пропустив встречу в Солтон-Сити в следующий понедельник. К удивлению и большому облегчению Франца, МакКэндлесс принял предложение без возражений. Перед отъездом Франц дал МакКэндлессу мачете, арктическую куртку, складную удочку и кое-что еще для своего предприятия на Аляске. В четверг на рассвете они выехали из Солтон-Сити на грузовике Франца. В Булхед-Сити они остановились, чтобы закрыть банковский счет МакКэндлесса и посетить трейлер Чарли, где МакКэндлесс спрятал несколько книг и другие вещи, в том числе журнал-фотоальбом, сделанный во

время его путешествия на каноэ по Колорадо. Затем МакКэндлесс настоял на том, чтобы угостить Франца обедом в казино «Золотой самородок» через реку в Лафлине. Узнав МакКэндлесса, официантка в «Наггете» выпалила: «Алекс! Алекс! Ты вернулся!» Перед поездкой Франц купил видеокамеру и время от времени останавливался по пути, чтобы запечатлеть достопримечательности. Хотя МакКэндлесс обычно уворачивался, когда Франц направлял объектив в его сторону, существуют короткие кадры, на которых он нетерпеливо стоит в снегу над Брайс-Каньоном. «Хорошо, пошли»,- через несколько мгновений протестует он в видеокамеру. «Впереди еще много всего, Рон. В джинсах и шерстяном свитере МакКэндлесс выглядит загорелым, сильным, здоровым. Франц сообщает, что это была приятная, хоть и поспешная поездка. «Иногда мы ехали часами, не говоря ни слова,- вспоминает он. «Даже когда он спал, я была счастлива, просто зная, что он был здесь. В какой-то момент Франц осмелился обратиться к МакКэндлессу с особой просьбой. «Моя мать была единственным ребенком,- объясняет он. «Как и мой отец. И я был их единственным ребенком. Теперь, когда мой собственный мальчик мертв, я в конце очереди. Когда меня не станет, моей семье придет конец, она исчезнет навсегда. Поэтому я спросил Алекса, могу ли я его усыновить, будет ли он моим внуком. МакКэндлесс, смущенный просьбой, уклонился от вопроса: «Поговорим об этом, когда я вернусь с Аляски, Рон. «14 марта Франц оставил МакКэндлесса на обочине межштатной автомагистрали 70 за Гранд-Джанкшен и вернулся в южную Калифорнию. МакКэндлесс был в восторге от своего пути на север, и он испытал облегчение от того, что снова избежал надвигающейся угрозы человеческой близости, дружбы и всего грязного эмоционального багажа, который с этим связан. Он сбежал из клаустрофобных уз своей семьи. Он успешно держал Яна Берреса и Уэйна Вестерберга на расстоянии вытянутой руки, исчезая из их жизни раньше, чем от него ожидали чего-либо. А теперь он безболезненно ускользнул и из жизни Рона Франца. Безболезненно, то есть с точки зрения МакКэндлесса, хотя и не с точки зрения старика. Можно только догадываться, почему Франц так быстро привязался к МакКэндлессу, но привязанность, которую он испытывал, была искренней, сильной и беспримесной. Франц много лет жил одиноко. У него не было семьи и мало друзей. Дисциплинированный, уверенный в себе человек, он прекрасно ладил, несмотря на свой возраст и одиночество. Однако когда МакКэндлесс появился в его мире, мальчик подорвал тщательно выстроенную защиту старика. Франц наслаждался общением с МакКэндлессом, но их зарождающаяся дружба также напомнила ему, каким одиноким он был. Мальчик разоблачал зияющую пустоту в

жизни Франца, хотя и помогал ее заполнить. Когда МакКэндлесс ушел так же внезапно, как и появился, Франц почувствовал себя глубоко и неожиданно обиженным. В начале апреля на почтовый ящик Франца пришло длинное письмо с почтовым штемпелем Южной Дакоты. «Привет, Рон», - говорит Алекс. Я работаю здесь, в Картидже, Южная Дакота, уже почти две недели. Я приехал сюда через три дня после того, как мы расстались в Гранд-Джанкшен, штат Колорадо. Надеюсь, вы без особых проблем вернулись в Солтон-Сити. Мне нравится здесь работать, и дела идут хорошо. Погода не очень плохая, и многие дни на удивление мягкие. Некоторые фермеры даже уже выходят на свои поля. Должно быть, сейчас там, в Южной Калифорнии, становится довольно жарко. Интересно, была ли у вас когда-нибудь возможность выйти и посмотреть, сколько людей пришло на «Радугу» 20 марта, собравшуюся там, у горячих источников. Звучит так, как будто это было очень весело, но я не думаю, что вы действительно хорошо понимаете таких людей. Меня больше не будет здесь, в Южной Дакоте. Мой друг Уэйн хочет, чтобы я остался работать на элеваторе до мая, а затем все лето работал с ним, но моя душа полностью настроена на мою алясскую одиссею, и я надеюсь отправиться в путь не позднее 15 апреля. Это означает, что я скоро уеду отсюда, поэтому мне нужно, чтобы вы отправили все письма, которые я мог получить, на обратный адрес, указанный ниже. Рон, мне очень нравится вся помощь, которую ты мне оказал, и время, которое мы провели вместе. Я надеюсь, что вы не будете слишком подавлены нашим расставанием. Может пройти очень много времени, прежде чем мы снова увидимся. Но при условии, что я закончу эту сделку с Аляской в целостности и сохранности, вы снова услышите обо мне в будущем. Я хотел бы повторить совет, который я дал вам ранее, в том смысле, что я считаю, что вам действительно следует радикально изменить свой образ жизни и начать смело делать то, о чем вы, возможно, раньше никогда не думали или слишком колебались, чтобы попытаться. Так много людей живут в неблагоприятных обстоятельствах и, тем не менее, не берут на себя инициативу изменить свое положение, потому что они приучены к жизни в безопасности, конформизме и консерватизме, и все это, может показаться, дает душевное спокойствие, но на самом деле ничего не происходит. Больше вредит авантюрному духу человека, чем обеспеченное будущее. Самой основной сердцевиной живого духа человека является его страсть к приключениям. Радость жизни исходит от наших встреч с новыми переживаниями, и поэтому нет большей радости, чем иметь бесконечно меняющийся горизонт, чтобы каждый день имел новое и иное солнце. Если ты хочешь получить от жизни больше, Рон, ты должен отказаться

от своей склонности к монотонной безопасности и вести беспорядочный образ жизни, который сначала покажется тебе безумием. Но как только вы привыкнете к такой жизни, вы увидите ее полный смысл и ее невероятную красоту. Короче говоря, Рон, выбирайся из Солтон-Сити и отправляйся в путь. Я гарантирую, вы будете очень рады, что вы сделали. Но я боюсь, что вы проигнорируете мой совет. Ты думаешь, что я упрям, но ты еще упрямее меня. На обратном пути у вас была прекрасная возможность увидеть одно из величайших зрелищ на земле- Гранд-Каньон, то, что каждый американец должен увидеть хотя бы раз в жизни. Но по какой-то непонятной для меня причине вам хотелось поскорее рвануть домой, прямо к тому же положению, которое вы видите изо дня в день. Я боюсь, что вы будете следовать той же склонности в будущем и, таким образом, не сможете открыть все чудесные вещи, которые Бог поместил вокруг нас, чтобы открыть. Не успокаивайтесь и не сидите на одном месте. Двигайтесь, будьте кочевым, делайте каждый день новым горизонтом. Тебе предстоит еще долго жить, Рон, и было бы обидно, если бы ты не воспользовался возможностью, чтобы коренным образом изменить свою жизнь и перейти в совершенно новую область опыта. Вы ошибаетесь, если думаете, что радость исходит только или главным образом от человеческих отношений. Бог поместил это вокруг нас. Это во всем и во всем, что мы можем испытать. Нам просто нужно иметь мужество, чтобы отказаться от нашего привычного образа жизни и вести нетрадиционный образ жизни. Я хочу сказать, что вы не нуждаетесь ни во мне, ни в ком-то еще, чтобы принести этот новый свет в вашу жизнь. Он просто ждет, когда вы его поймаете, и все, что вам нужно сделать, это дотянуться до него. Единственный человек, с которым вы боретесь,- это вы сами и ваше упрямство ввязываться в новые обстоятельства. Рон, я очень надеюсь, что ты как можно скорее выберешься из Солтон-Сити, поставишь небольшой кемпер на заднюю часть своего пикапа и начнешь видеть часть великой работы, которую Бог проделал здесь, на американском Западе. Вы будете видеть вещи и встречаться с людьми, и у них есть чему поучиться. И вы должны делать это экономно, без мотелей, готовить самостоятельно, как правило, тратить как можно меньше, и вы получите гораздо больше удовольствия. Я надеюсь, что в следующий раз, когда я увижу тебя, ты будешь новым человеком с огромным количеством новых приключений и переживаний за плечами. Не стесняйтесь и не позволяйте себе оправдываться. Просто выйди и сделай это. Просто выйди и сделай это. Вы будете очень, очень рады, что вы сделали. Береги себя, Рон, Алекс Пожалуйста, ответь: Алекс МакКэндлессМэдисон, SD 57042 Поразительно, но восьмидесятиоднолетний мужчина принял

дерзкий совет двадцатичетырехлетнего бродяги близко к сердцу. Франц поместил свою мебель и большую часть других вещей в камеру хранения, купил СМС Duravan и оборудовал ее койками и снаряжением для кемпинга. Затем он выехал из своей квартиры и разбил лагерь на бахаде. Франц занял старый кемпинг МакКэндлесса, сразу за горячими источниками. Он устроил несколько камней, чтобы создать место для парковки фургона, пересадил опунции и кусты индиго для «озеленения». И тогда он отсиживался в пустыне, день за днем, день за днем, ожидая возвращения своего юного друга. Рональд Франц (это не настоящее его имя, по его просьбе я дал ему псевдоним) выглядит удивительно крепким для человека на девятом десятке лет, пережившего два сердечных приступа. Ростом почти шесть футов, с толстыми руками и бочкообразной грудью, он стоит прямо, его плечи непоколебимы. Его уши большие, чем пропорции других его черт лица, как и его узловатые, мясистые руки. Когда я захожу в его лагерь в пустыне и представляюсь, он одет в старые джинсы и безукоризненно белую футболку, декоративный ремень из тисненой кожи собственного творения, белые носки, потертые черные мокасины. Его возраст выдают только морщины на лбу и гордый нос с глубокой ямкой, над которым, словно искусно сделанная татуировка, разворачивается пурпурная филигрань вен. Спустя чуть больше года после смерти МакКэндлесса он смотрит на мир настороженными голубыми глазами. Чтобы рассеять подозрения Франца, я вручаю ему подборку фотографий, сделанных во время поездки на Аляску прошлым летом, во время которой я проследил последнее путешествие МакКэндлесса по тропе панического бегства. Первые несколько снимков в стопке — это пейзажиснимки окружающего кустарника, заросшей тропы, далеких гор, реки Сушана. Франц молча изучает их, время от времени кивая, когда я объясняю, что на них изображено; он, кажется, рад видеть их. Однако, когда он доходит до фотографий автобуса, в котором погиб мальчик, он резко напрягается. На нескольких из этих изображений видны вещи МакКэндлесса внутри заброшенного автомобиля; как только Франц понимает, что видит, его глаза затуманиваются, он сует мне фотографии обратно, не рассматривая остальные, и старик уходит, чтобы успокоиться, пока я бормочу хромые извинения. Франц больше не живет в кемпинге МакКэндлесса. Внезапное наводнение смыло импровизированную дорогу, поэтому он двинулся на двадцать миль в сторону бесплодных земель Боррего, где разбил лагерь рядом с уединенной рощей тополей. Горячие источники «О-мой-Боже» тоже исчезли, снесены бульдозерами и залиты бетоном по приказу Комиссии по здравоохранению Имперской долины. Чиновники округа говорят, что они ликвидировали источники, опасаясь,

что купающиеся могут серьезно заболеть из-за опасных микробов, которые, как считается, процветают в термальных бассейнах. «Конечно, это могло быть правдой,- говорит продавец в магазине в Солтон-Сити,- но большинство людей думают, что они снесли их бульдозерами, потому что родники начали привлекать слишком много хиппи, бродяг и подобных отбросов. Скатертью дорога, спросите вы меня. «Более восьми месяцев после того, как он попрощался с МакКэндлессом, Франц оставался в своем лагере, сканируя дорогу в поисках приближающегося молодого человека с большим рюкзаком, терпеливо ожидая возвращения Алекса. В последнюю неделю 1992 года, на следующий день после Рождества, он подобрал двух автостопщиков, возвращаясь из поездки в Солтон-Сити, чтобы проверить свою почту. «Кажется, один парень был из Миссисипи; другой был коренным американцем,- вспоминает Франц. «По пути к горячим источникам я начал рассказывать им о своем друге Алексе и о приключениях, которые он собирался пережить на Аляске. Внезапно индийский юноша перебил: «Его звали Алекс МакКэндлесс?» «Да, верно. Итак, вы встречались с ним, тогда...- Ненавижу говорить вам это, мистер, но ваш друг мертв. Замерзли в тундре. Просто прочитайте об этом в журнале Outdoor. Потрясенный, Франц долго допрашивал автостопщика. Детали звучали правдоподобно; его история добавилась. Что-то пошло ужасно не так. МакКэндлесс никогда не вернется. «Когда Алекс уехал на Аляску,- вспоминает Франц,- я молился. Я попросил Бога держать палец на плече того; Я сказал ему, что мальчик особенный. Но он позволил Алексу умереть. Итак, 26 декабря, когда я узнал, что произошло, я отрекся от Господа. Я отказался от членства в церкви и стал атеистом. Я решил, что не могу поверить в Бога, который допустил, чтобы что-то ужасное случилось с таким мальчиком, как Алекс. «После того, как я высадил автостопщиков,- продолжает Франц,- я развернул свой фургон, поехал обратно в магазин и купил бутылку виски. А потом я вышел в пустыню и выпил его. Я не привык пить, поэтому меня тошнило. Надеялся, что это убьет меня, но нет. Просто сделал меня очень, очень больным.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ КАРФАГИН

Было несколько книг. . . Одна из них была «Путь пилигрима» о человеке, который оставил свою семью, не объясняя почему. Я читал много в нем время от времени. Высказывания были интересными, но жесткими. Марк Твен, приключения Гекльберри Финна Действительно, многим творческим людям не удастся построить зрелые личные отношения, а некоторые из них крайне изолированы. Верно также и то, что в некоторых случаях травма в форме ранней разлуки или тяжелой утраты направляет потенциально творческого человека к развитию тех аспектов его личности, которые могут найти реализацию в сравнительной изоляции. Но это не означает, что одиночные, творческие занятия сами по себе являются патологией. . . Поведение отсутствия- это реакция, предназначенная для защиты младенца от поведенческой дезорганизации. Если мы перенесем это понятие на взрослую жизнь, то увидим, что избегающий младенец вполне мог бы развиваться в человека, главной потребностью которого было бы найти некий смысл и порядок в жизни, которые не зависели бы полностью или даже главным образом от межличностных отношений. . Энтони Сторр, одиночество: возвращение к себе

John Deere 8020 молча сидит на корточках в скошенном вечернем свете, далеко отовсюду, в окружении полускошенного поля Южной Дакоты milo. Грязные кроссовки Уэйна Вестерберга торчат из пасти комбайна, как будто машина проглатывает его целиком, переросшая металлическая рептилия переваривает свою добычу.- Дай мне этот чертов ключ, хорошо?- спрашивает сердитый приглушенный голос из глубины внутренних машин. «Или вы, ребята, слишком заняты, стоя с руками в своих чертовых карманах, чтобы быть хоть чем-то полезными?» Комбайн сломался в третий раз за последние сутки, и Вестерберг лихорадочно пытается заменить труднодоступную втулку до наступления темноты. Через час он появляется, перемазанный жиром и мякиной, но успешно. «Извините, что так огрызнулся»,- извиняется Вестерберг. «Мы слишком много работали по восемнадцать часов в день. Наверное, я начинаю немного ворчать, потому что сейчас такой поздний сезон и все такое, а кроме того, нас не хватает. Мы рассчитывали, что Алекс уже вернется на работу. Прошло пятьдесят дней с тех пор, как тело МакКэндлесса было обнаружено на Аляске на тропе Панического бегства. Семью месяцами раньше, морозным мартовским днем, МакКэндлесс неторопливо вошел в офис элеватора Carthage и объявил, что готов приступить к работе. «Вот мы звонили по утренним билетам,- вспоминает Вестерберг,- и тут идет Алекс с большим старым рюкзаком на плече. Он сказал Вестер-

бергу, что планирует остаться до 15 апреля, как раз на то время, чтобы собрать запасы. Он объяснил, что ему нужно купить кучу нового снаряжения, потому что он собирается на Аляску. МакКэндлесс пообещал вернуться в Южную Дакоту вовремя, чтобы помочь с осенним урожаем, но он хотел быть в Фэрбенксе к концу апреля, чтобы провести как можно больше времени на севере до своего возвращения. В течение этих четырех недель в Картидже МакКэндлесс много работал, выполняя грязную, утомительную работу, за которую никто не хотел браться: уборка складов, уничтожение паразитов, покраска, прополка сорняков. В какой-то момент, чтобы вознаградить МакКэндлесса задачей, требующей немного большего мастерства, Вестерберг попытался научить его управлять фронтальным погрузчиком. «Алекс мало имел дело с машинами,- говорит Вестерберг, качая головой,- и было довольно забавно наблюдать, как он пытается освоить сцепление и все эти рычаги. Он определенно не был тем, кого вы бы назвали механически мыслящим. «МакКэндлесс также не отличался избытком здравого смысла. Многие, кто знал его, невольно отмечали, что ему, казалось, было очень трудно видеть деревья как бы вместо леса. «Алекс не был абсолютным космическим кадетом или кем-то в этом роде,- говорит Вестерберг; «Не поймите меня неправильно. Но в его мышлении были пробелы. Помню, однажды я подошел к дому, зашел на кухню и заметил ужасную вонь. Я имею в виду, что там неприятно пахло. Я открыл микроволновку, а дно ее было заполнено прогорклым жиром. Алекс использовал его для приготовления курицы, и ему никогда не приходило в голову, что жир должен куда-то стекать. Дело было не в том, что он был слишком ленив, чтобы убраться- Алекс всегда держал вещи в чистоте и порядке,- просто он не замечал смазки. «Вскоре после того, как МакКэндлесс вернулся в Карфаген той весной, Вестерберг представил его своей давней подруге Гейл Бора, миниатюрной женщине с грустными глазами, хрупкой, как цапля, с тонкими чертами лица и длинными светлыми волосами. . Тридцатипятилетняя разведенная мать двоих детей-подростков быстро сблизилась с МакКэндлессом. «Сначала он был немного застенчив,- говорит Бора. «Он вел себя так, будто ему было трудно находиться среди людей. Я просто подумал, что это потому, что он провел так много времени в одиночестве. «Почти каждый вечер я приглашал Алекса домой на ужин,- продолжает Бора. «Он был большим едоком. Никогда не оставлял еду на тарелке. Никогда. Он тоже был хорошим поваром. Иногда он приглашал меня к Уэйну и готовил ужин для всех. Приготовила много риса. Можно было подумать, что он устал от этого, но он никогда не устал. Сказал, что может прожить месяц только на двадцати пяти фунтах риса. «Алекс много разговаривал, когда мы

собирались вместе,- вспоминает Бора. «Серьезные вещи, вроде как он обнажал свою душу. Он сказал, что может рассказать мне то, чего не может рассказать другим. Было видно, что его что-то гложет. Было совершенно очевидно, что он не ладил со своей семьей, но он никогда не говорил много ни о ком из них, кроме Карины, своей младшей сестры. Он сказал, что они были довольно близко. Сказал, что она красивая, что, когда она шла по улице, парни поворачивали головы и пялились на нее. Вестерберг, со своей стороны, не заботился о семейных проблемах МакКэндлесса. «Какая бы ни была причина, по которой он злился, я подумал, что она должна быть хорошей. Но теперь, когда он мертв, я больше ничего не знаю. Если бы Алекс был здесь прямо сейчас, у меня возникло бы желание хорошенько его разжевать: «О чем, черт возьми, ты думал? Не разговаривал со своей семьей все это время, обращался с ними как с грязью!» Один из детей, которые работают на меня, черт возьми, у него даже нет никаких чертовых родителей, но вы не слышите, как он ворчит. Какой бы ни была сделка с семьей Алекса, я гарантирую вам, что видел намного хуже. Зная Алекса, я думаю, что он, должно быть, просто застрял на чем-то, что произошло между ним и его отцом, и не мог оставить это как есть. «Последняя догадка Вестерберга, как оказалось, была довольно проницательным анализом отношений между Крисом и Уолтом МакКэндлессом. И отец, и сын были упрямыми и нервными. Учитывая потребность Уолта в контроле и экстравагантно независимый характер Криса, поляризация была неизбежна. Крис удивительно подчинялся авторитету Уолта в старшей школе и колледже, но внутри мальчик все это время бушевал. Он долго размышлял о том, что он считал моральными недостатками своего отца, лицемерием образа жизни его родителей, тиранией их условной любви. В конце концов, Крис взбунтовался, и когда он, наконец, взбунтовался, то с характерной для него неумеренностью. Незадолго до своего исчезновения Крис пожаловался Карине, что поведение их родителей было «настолько иррациональным, таким угнетающим, неуважительным и оскорбительным, что я, наконец, прошел свой предел. Он продолжил: «Поскольку они никогда не будут воспринимать меня всерьез, в течение нескольких месяцев после выпуска я позволю им думать, что они правы, я позволю им думать, что я «прихожу посмотреть их сторону вещей» и что наши отношения стабилизируются. А потом, когда придет время, одним резким, быстрым действием я полностью выбью их из своей жизни. Я собираюсь развестись с ними как с моими родителями раз и навсегда и никогда больше не разговаривать ни с одним из этих идиотов, пока я жив. Я покончу с ними раз и навсегда, навсегда. Холод, кото-

рый Вестерберг почувствовал между Алексом и его родителями, резко контрастировал с теплотой, которую МакКэндлесс проявлял в Картидже. Общительный и чрезвычайно представительный, когда дух двигал им, он очаровал многих людей. Когда он вернулся в Южную Дакоту, его ждала почта, переписка от людей, которых он встретил в дороге, в том числе то, что Вестерберг вспоминает как «письма от девушки, которая была в него сильно влюблена, от кого-то, с кем он познакомился». в каком-нибудь Тимбукту, кажется, в каком-то палаточном лагере. Но МакКэндлесс никогда не упоминал о каких-либо романтических отношениях ни с Вестербергом, ни с Борой. «Я не припомню, чтобы Алекс когда-либо говорил о подругах,- говорит Вестерберг. «Хотя пару раз он упомянул о желании когда-нибудь жениться и завести семью. Можно сказать, что он не относился к отношениям легкомысленно. Он не был из тех парней, которые будут ходить и знакомиться с девушками только для того, чтобы переспать. «Бору тоже было ясно, что МакКэндлесс не проводил много времени в барах для одиноких. «Однажды вечером мы всей компанией пошли в бар в Мэдисоне,- говорит Бора,- и было трудно вывести его на танцпол. Но когда он был там, он не садился. У нас был взрыв. После того, как Алекс умер и все такое, Карин сказала мне, что, насколько ей известно, я была одной из немногих девушек, с которыми он когда-либо ходил танцевать. «В старших классах МакКэндлесс поддерживал близкие отношения с двумя или тремя представителями противоположного пола, и Карин вспоминает один случай, когда он напился и попытался привести девушку к себе в спальню посреди ночи (они так много шум спотыкания по лестнице, который разбудил Билли и отправил девушку домой). Но мало доказательств того, что он был сексуально активен в подростковом возрасте, и еще меньше, чтобы предположить, что он спал с какой-либо женщиной после окончания средней школы. (Кроме того, нет никаких доказательств того, что он когда-либо был сексуально близок с мужчиной.) Похоже, что МакКэндлесса тянуло к женщинам, но он в значительной степени или полностью оставался целомудренным, как монах. Целомудрие и нравственная чистота были качествами, над которыми МакКэндлесс долго и часто размышлял. Действительно, одна из книг, найденных в автобусе с его останками, представляла собой сборник рассказов, в который входила «Крейцерова соната» Толстого, в которой дворянин, ставший аскетом, осуждает «требования плоти». Несколько таких отрывков помечены звездочкой и выделены в загнутом тексте, поля заполнены загадочными примечаниями, напечатанными характерным почерком МакКэндлесса. А в главе о «Высших законах» в «Уолдене» Торо, копия которой также была об-

наружена в автобусе, МакКэндлесс обвел кружком «Целомудрие- это расцвет человека; а то, что называется Гениальностью, Героизмом, Святостью и т. п. , есть не что иное, как различные плоды, следующие за ним. «Мы, американцы, возбуждаемся от секса, одержимы им, в ужасе от него. Когда внешне здоровый человек, особенно здоровый молодой человек, решает отказаться от соблазнов плоти, это нас шокирует, и мы косимся. Возникают подозрения. Однако кажущаяся сексуальная невинность МакКэндлесса является следствием типа личности, которым наша культура стремится восхищаться, по крайней мере, в случае ее наиболее известных приверженцев. Его двойственное отношение к сексу переключается с амбивалентным отношением других прославленных людей, которые с целеустремленной страстью охватывали дикую природу- Торо (который всю жизнь был девственником) и натуралиста Джона Мьюира, не говоря уже о бесчисленных менее известных пилигримах, искателях, неудачниках и неудачниках. авантюристы. Как и многие из тех, кого соблазнила дикая природа, МакКэндлесс, похоже, руководствовался разнообразной похотью, которая вытеснила сексуальное желание. В каком-то смысле его тоска была слишком сильна, чтобы ее можно было утолить человеческим контактом. МакКэндлесс, возможно, и соблазняла помощь, предлагаемая женщинами, но она бледнела перед перспективой грубого слияния с природой, с самим космосом. И таким образом его потянуло на север, на Аляску. МакКэндлесс заверил Вестерберга и Бора, что, когда его северное пребывание закончится, он вернется в Южную Дакоту, по крайней мере, на осень. Дальше будет зависеть. «У меня сложилось впечатление, что эта авантюра на Аляске должна была стать его последним большим приключением,- говорит Вестерберг,- и что он хотел немного остепениться. Он сказал, что собирается написать книгу о своих путешествиях. Ему нравился Карфаген. С его образованием никто не думал, что он будет работать на чертовом элеваторе до конца жизни. Но он определенно собирался вернуться сюда ненадолго, помочь нам у лифта, выяснить, что он собирается делать дальше. «Той весной, однако, взгляды МакКэндлесса были неуклонно устремлены на Аляску. Он говорил о поездке при каждом удобном случае. Он разыскивал в городе опытных охотников и спрашивал у них совета, как выслеживать дичь, разделывать животных и солить мясо. Бора отвез его в магазин «Кмарт» в Митчелл, чтобы купить последнюю экипировку. К середине апреля Вестербергу не хватало рабочих рук, и он был очень занят, поэтому он попросил МакКэндлесса отложить свой отъезд и поработать еще неделю или две. МакКэндлесс даже не подумал бы об этом. «Если Алекс что-то решил, изменить его уже было невозможно»,- сокруша-

ется Вестерберг. «Я даже предложил купить ему билет на самолет до Фэрбенкса, что позволило бы ему поработать еще десять дней и все же добраться до Аляски к концу апреля, но он сказал: «Нет, я хочу доехать на север. Летать было бы обманом. Это бы испортило всю поездку. За два дня до того, как МакКэндлесс должен был отправиться на север, Мэри Вестерберг, мать Уэйна, пригласила его к себе домой на ужин. «Моей маме не нравятся многие из моих наемных помощников,- говорит Вестерберг,- и она тоже не была в восторге от встречи с Алексом. Но я продолжал надоедать ей, говоря: «Тебе нужно познакомиться с этим парнем», и поэтому она, наконец, пригласила его на ужин. Они тут же поладили. Они проговорили без умолку пять часов. «В нем было что-то завораживающее,- объясняет миссис Уилсон. Вестерберг, сидящий за полированным столом из орехового дерева, за которым в тот вечер обедал МакКэндлесс. «Алекс показался мне намного старше двадцати четырех лет. Что бы я ни говорил, он требовал знать больше о том, что я имел в виду, о том, почему я думал так или иначе. Он жаждал узнать о вещах. В отличие от большинства из нас, он был человеком, который настаивал на том, чтобы жить согласно своим убеждениям. «Мы часами говорили о книгах; в Карфагене не так много людей, которые любят говорить о книгах. Он говорил и говорил о Марке Твене. Боже, с ним было весело; Я не хотел, чтобы ночь заканчивалась. Я очень ждал встречи с ним этой осенью. Я не могу выкинуть его из головы. Я продолжаю представлять его лицо- он сидел на том же стуле, на котором вы сейчас сидите. Учитывая, что я провел в компании Алекса всего несколько часов, меня поражает, насколько меня беспокоит его смерть. «В последний вечер МакКэндлесса в Картидже он устроил вечеринку в «Кабаре» с командой Вестерберга. Джек Дэниелс лился рекой. Ко всеобщему удивлению, МакКэндлесс сел за пианино, на котором никогда не упоминал, что умеет играть, и начал отбивать мелодии в стиле хонки-тонк в стиле кантри, затем рэгтайм, а затем номера Тони Беннета. И он был не просто пьяницей, навязывающим свои иллюзии таланта плененной публике. «Алекс,- говорит Гейл Бора,- действительно умел играть. Я имею в виду, что он был хорош. Мы все были поражены этим. «Утром 15 апреля все собрались у лифта, чтобы проводить МакКэндлесса. Его рюкзак был тяжелым. В ботинке у него было около тысячи долларов. Он оставил свой журнал и фотоальбом Вестербергу на хранение и отдал ему кожаный пояс, который он сделал в пустыне. «Алекс обычно сидел в баре в «Кабаре» и часами читал этот пояс,- говорит Вестерберг,- как будто он переводил для нас иероглифы. За каждой картинкой, которую он вырезал на коже, стояла длинная история. «Когда МакКэндлесс обняла Бору на прощание, она

сказала: «Я заметила, что он плачет. Это испугало меня. Он не собирался отсутствовать так долго; Я подумал, что он бы не плакал, если бы не собирался сильно рисковать и знал, что может не вернуться. Именно тогда у меня появилось плохое предчувствие, что мы больше никогда не увидим Алекса. «Впереди на холостом ходу стоял большой тягач с полуприцепом; Роду Вольфу, одному из сотрудников Вестерберга, нужно было перевезти партию семян подсолнечника в Эндерлин, Северная Дакота, и он согласился подвезти МакКэндлесса до межштатной автомагистрали 94. «Когда я его отпустил, у него на плече висел этот чертов мачете,- говорит Вольф. «Я подумал: «Боже, никто не поднимет его, когда увидит эту штуку».- Но я ничего не сказал об этом. Я просто пожал ему руку, пожелал ему удачи и сказал, что ему лучше написать. МакКэндлесс сделал. Через неделю Вестерберг получил краткую карточку с почтовым штемпелем Монтаны: 18 апреля. Прибыл в Уайтфиш сегодня утром на грузовом поезде. Я хорошо провожу время. Сегодня я перепрыгну границу и поверну на север к Аляске. Передай всем мой привет. Береги себя, alexЗатем, в начале мая, Вестерберг получил еще одну открытку, на этот раз с Аляски, с фотографией белого медведя на лицевой стороне. Почтовый штемпель от 27 апреля 1992 года. «Привет из Фэрбенкса!» он гласит: «Это последнее, что ты услышишь от меня, Уэйн». Прибыл сюда 2 дня назад. Было очень трудно поймать аттракционы на территории Юкон. Но я, наконец, добрался сюда. Пожалуйста, возвращайте всю почту, которую я получаю, отправителю. Может пройти очень много времени, прежде чем я вернусь на юг. Если это приключение окажется роковым и вы больше никогда обо мне не услышите, я хочу, чтобы вы знали, что вы великий человек. Теперь я иду в дикую природу. Алекс. В тот же день МакКэндлесс отправил открытку с аналогичным сообщением Яну Беррес и Бобу: Привет, ребята! Это последнее сообщение, которое вы получите от меня. Теперь я ухожу, чтобы жить среди дикой природы. Береги себя, было здорово познакомиться с тобой. Александр.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В конце концов, может быть, дурная привычка творческих талантов вкладывать себя в патологические крайности, которые приносят замечательные озарения, но не являются прочным образом жизни для тех, кто не может перевести свои душевные раны в серьезную мысль. Теодор Розак, «В поисках чудесного» У нас в Америке есть традиция «Большой реки с двумя сердцами»: нести свои раны в пустыню для лечения, обращения, отдыха или чего-то еще. И, как в истории Хемингуэя, если ваши раны не слишком серьезны, это работает. Но это не Мичиган (или Большой Лес Фолкнера в Миссисипи, если уж на то пошло). Это Аляска. Эдвард Хогланд, «Вверх по черному, чтобы меломать» Когда МакКэндлесс был найден мертвым на Аляске, а средства массовой информации сообщили о загадочных обстоятельствах его кончины, многие люди пришли к выводу, что мальчик, должно быть, был психически неуравновешенным. Статья о МакКэндлессе в журнале Outside вызвала большой поток писем, и многие письма осыпали МакКэндлесса- а также меня, автора рассказа,- за прославление того, что некоторые считали глупой и бессмысленной смертью. Большая часть негативной почты была отправлена жителями Аляски. «Алекс- чокнутый в моей книге»,- написал житель Хили, деревушки в начале Тропы Панического бегства. «Автор описывает человека, который раздал небольшое состояние, бросил любящую семью, бросил машину, часы и карту и сжег последние деньги перед тем, как отправиться в «пустыню» к западу от Хили. «Лично я не вижу вообще ничего положительного ни в образе жизни Криса МакКэндлесса, ни в доктрине дикой природы»,- пожурил другой корреспондент. «Преднамеренно войти в дикую местность плохо подготовленным и пережить околосмертный опыт не делает вас лучшим человеком, это делает вас чертовски удачливым. Один читатель статьи из Outside задался вопросом: «Почему кто-то, намеревающийся «пожить за счет земли несколько месяцев», забывает правило номер один бойскаутов: будь готов? Почему какой-либо сын должен причинять своим родителям и семье такую постоянную и мучительную боль?» «Кракауэр- чудак, если он не думает, что Крис «Александр Супербродяга» МакКэндлесс был чокнутым»,- высказал мнение мужчина с Северного полюса, Аляска. «МакКэндлесс уже перешагнул через край и только что достиг дна на Аляске. «Самая резкая критика прозвучала в виде плотного многостраничного письма из Амблера, крошечной инуиатской деревни на реке Кобук к северу от Полярного круга. Автор был белым писателем и школьным учителем, ранее из Вашингтона, Б. С. по имени Ник Янс. Предупреждение, что это было 1:00 а. м. и он был хорошо в бутылке Сигрэма, Янс выпустил:

За последние 15 лет я столкнулся с несколькими типами МакКэндлесса в стране. Та же история: идеалистичные, энергичные молодые ребята, которые переоценили себя, недооценили страну и попали в беду. МакКэндлесс едва ли был уникален; по штату ошивается довольно много таких парней, настолько похожих друг на друга, что они стали почти коллективным клише. Единственная разница в том, что МакКэндлесс умер, а история о его тупости разошлась по СМИ. . . (Джек Лондон правильно понял это в «Развести костер. «МакКэндлесс, наконец, просто бледная пародия на главного героя Лондона 20-го века, который замирает, потому что игнорирует советы и совершает грандиозную гордыню). . . Его невежество, которое можно было бы вылечить с помощью квадранта USGS и руководства бойскаута, что убило его. И хотя я сочувствую его родителям, у меня нет сочувствия к нему. Такое преднамеренное невежество. . . равносильно неуважению к земле и, как это ни парадоксально, демонстрирует такое же высокомерие, которое привело к разливу нефти на танкере «Эксон Вальдес»- просто еще один случай, когда неподготовленные, самоуверенные люди суетятся и лажают, потому что им не хватает должного смирения. Все дело в степени. Надуманный аскетизм МакКэндлесса и его псевдолитературная позиция скорее усугубляют, чем уменьшают вину. . . Открытки, заметки и журналы МакКэндлесса. . . читаются как работы выше среднего, несколько театрального старшеклассника- или я что-то упускаю? был просто еще одним мечтательным недотепой, который отправился в деревню в надежде найти ответы на все свои проблемы, а вместо этого нашел только комаров и одинокую смерть. Десятки маргинальных персонажей за долгие годы ушли в дебри Аляски, чтобы никогда больше не появиться. Некоторые из них прочно вошли в коллективную память государства. Был контркультурный идеалист, проезжавший через деревню Танана в начале 1970-х годов и заявлявший, что намерен провести остаток своей жизни «в общении с природой». В середине зимы полевой биолог обнаружил все свои пожитки- две винтовки, походное снаряжение, дневник, наполненный бессвязными разглагольствованиями об истине и красоте и малопонятной экологической теории,- в пустой хижине недалеко от Гофти, внутри которой лежал снег. Никаких следов молодого человека так и не нашли. Несколько лет спустя ветеран Вьетнама построил хижину на Черной реке к востоку от Чалкитсика, чтобы «убежать от людей». К февралю у него кончилась еда, и он умер от голода, по-видимому, не предприняв никаких попыток спастись, несмотря на то, что всего в трех милях ниже по течению была еще одна хижина с мясом. Рассказывая об этой смерти, Эдвард Хогланд заметил, что Аляска- «не лучшее место

в мире для отшельнических экспериментов или театральных представлений о любви к миру. «А потом был своенравный гений, с которым я столкнулся на берегу пролива Принца Уильяма в 1981 году. Я разбил лагерь в лесу недалеко от Кордовы, Аляска, тщетно пытаюсь найти работу матросом на неводной лодке, выжидая, пока Департамент рыболовства и дичи не объявит первое «открытие»- начало коммерческого сезона лосося. Однажды дождливым днем, прогуливаясь по городу, я пересекся с неопрятным, взволнованным мужчиной лет сорока. У него была густая черная борода и волосы до плеч, которые он скрывал от лица повязкой на голове, сделанной из грязного нейлонового ремня. Он шел ко мне быстрым шагом, сгорбившись под значительным весом шестифутового бревна, висевшего на одном плече. Я поздоровался, когда он подошел, он пробормотал ответ, и мы остановились, чтобы поболтать под дождем. Я не стал спрашивать, зачем он несет намокшее бревно в лес, где бревен, казалось, и так было предостаточно. После нескольких минут, потраченных на серьезный обмен банальностями, мы разошлись. Из нашего короткого разговора я сделал вывод, что только что встретил знаменитого чудака, которого местные жители называли мэром Хиппи-Коув, имея в виду приливную бухту к северу от города, которая была магнитом для длинноволосых прохожих, возле которой находился мэр. жить несколько лет. Большинство жителей Хиппи-Коув, как и я, были летними скваттерами, приехавшими в Кордову в надежде получить высокооплачиваемую работу на рыбалке или, если это не удалось, найти работу на консервных заводах по производству лосося. Но мэр был другим. Его настоящее имя было Джин Роселлини. Он был старшим пасынком Виктора Роселлини, богатого ресторатора из Сиэтла, и двоюродным братом Альберта Роселлини, чрезвычайно популярного губернатора штата Вашингтон с 1957 по 1965 год. В молодости Джин был хорошим спортсменом и блестящим учеником. Он запоем читал, занимался йогой, стал экспертом в боевых искусствах. Он получил идеальную четверку. Средний балл 0 в средней школе и колледже. В Вашингтонском университете, а затем в Сиэтлском университете он погрузился в антропологию, историю, философию и лингвистику, накопив сотни кредитных часов, не получив степени. Он не видел причин. Он утверждал, что стремление к знаниям само по себе является достойной целью и не нуждается во внешнем подтверждении. Мало-помалу Роселлини покинул академию, покинул Сиэтл и поплыл на север вдоль побережья через Британскую Колумбию и Аляску. В 1977 году он приземлился в Кордове. Там, в лесу на окраине города, он решил посвятить свою жизнь грандиозному антропологическому эксперименту. «Мне было интересно узнать, возможно ли быть независимым от совре-

менных технологий», - сказал он репортеру Anchorage Daily News Дебре МакКинни через десять лет после прибытия в Кордову. Он задавался вопросом, могли ли люди жить так, как жили наши предки, когда по земле бродили мамонты и саблезубые тигры, или наш вид ушёл слишком далеко от своих корней, чтобы выжить без пороха, стали и других артефактов цивилизации. С навязчивым вниманием к деталям, характерным для его упрямого гения, Роселлини очистил свою жизнь от всего, кроме самых примитивных инструментов, которые он сделал из местных материалов своими руками. «Он пришел к убеждению, что люди превратились во все более низших существ», - объясняет МакКинни, - и его целью было вернуться к естественному состоянию. Он вечно экспериментировал с разными эпохами – римскими временами, железным веком, бронзовым веком. К концу его образ жизни имел элементы неолита. «Он ел коренья, ягоды и водоросли, охотился на дичь копьями и силками, одевался в лохмотья, терпел лютые зимы. Казалось, он наслаждался трудностями. Его дом над Хиппи-Коув представлял собой лачугу без окон, которую он построил без пилы и топора: «Он проводил дни», - говорит МакКинни, - пробиваясь через бревно острым камнем. «Как будто простое существование в соответствии с установленными им самим правилами было недостаточно утомительно, Роселлини также навязчиво тренировался всякий раз, когда он не был занят добычей пищи. Он заполнял свои дни гимнастикой, поднятием тяжестей и бегом, часто с грузом камней на спине. В течение одного, по-видимому, типичного лета он сообщал, что преодолевал в среднем восемнадцать миль в день. «Эксперимент» Роселлини длился более десяти лет, но в конце концов он почувствовал, что на вопрос, который его вдохновил, был дан ответ. В письме к другу он писал: «Моя взрослая жизнь началась с предположения, что можно будет стать выходцем из каменного века. Более 30 лет я программировал и приучал себя к этой цели. Я бы сказал, что в последние 10 из них я реально переживал физическую, умственную и эмоциональную реальность каменного века. Но, позаимствовав буддийскую фразу, в конце концов мы столкнулись лицом к лицу с чистой реальностью. Я узнал, что люди, какими мы их знаем, не могут жить за счет земли. Роселлини, казалось, невозмутимо принял несостоятельность своей гипотезы. В возрасте сорока девяти лет он радостно заявил, что «переформулировал» свои цели и в следующий раз намерен «ходить по миру, живя на свой рюкзак». Я хочу преодолеть от 18 до 27 миль в день, семь дней в неделю, 365 дней в году. «Поездка так и не состоялась. В ноябре 1991 года Роселлини был обнаружен лежащим лицом вниз на полу своей хижины с ножом в сердце. Коронер установил, что смертельное ранение было нанесено самому себе. Пред-

смертной записки не было. Роселлини не оставил ни малейшего намека на то, почему он решил покончить с собой именно тогда и таким образом. Скорее всего, никто никогда не узнает. Смерть Роселлини и история его странного существования попали на первую полосу Anchorage Daily News. Однако страдания Джона Маллона Уотермана привлекли меньше внимания. Уотерман родился в 1952 году и вырос в том же пригороде Вашингтона, что и Крис МакКэндлесс. Его отец, Гай Уотерман, музыкант и писатель-фрилансер, который, помимо прочего, претендует на скромную известность, писал речи для президентов, экс-президентов и других видных вашингтонских политиков. Отец Уотерман также оказался опытным альпинистом, который научил троих своих сыновей лазать в раннем возрасте. Джон, средний сын, впервые занялся скалолазанием в тринадцать лет. Он был натуралом. Джон направлялся к скалам при каждой возможности и одержимо тренировался, когда не мог лазить. Каждый день он делал по четыреста отжиманий и быстро проходил две с половиной мили до школы. После обеда, идя домой, он касался входной двери и возвращался в школу, чтобы совершить второй круговой обход. В 1969 году в возрасте шестнадцати лет Джон поднялся на гору Мак-Кинли (которого он называл Денали, как и большинство жителей Аляски, предпочитая атапасканское название пика), став третьим самым молодым человеком, стоящим на вершине самой высокой формы рельефа на континенте. В течение следующих нескольких лет он совершил еще более впечатляющие восхождения на Аляске, в Канаде и Европе. К тому времени, когда он поступил в Университет Аляски в Фэрбенксе в 1973 году, Уотерман заработал репутацию одного из самых многообещающих молодых альпинистов в Северной Америке. Уотерман был невысоким человеком, едва ли пяти футов и трех дюймов ростом, с эльфийским лицом и жилистым, неутомимым телосложением гимнаста. Знакомые помнят его как социально неуклюжего мальчика-мужчину с возмутительным чувством юмора и бешеной, почти маниакально-депрессивной личностью. «Когда я впервые встретил Джона,- говорит Джеймс Брейди, мой коллега-альпинист и друг по колледжу,- он скакал по кампусу в длинном черном плаще и синих очках типа Элтона Джона со звездой между линзами. Он носил с собой дешевую гитару, склеенную изолентой, и пел длинные, фальшивые песни о своих приключениях всем, кто слушал. Фэрбенкс всегда привлекал множество странных персонажей, но он был чокнутым даже по меркам Фэрбенкса. Да, Джон был там. Многие не знали, как с ним обращаться. «Нетрудно представить возможные причины нестабильности Уотермана. Его родители, Гай и Эмили Уотерман, развелись, когда он был подростком, и Гай, по словам источника,

близкого к семье, «фактически бросил своих сыновей после развода. Он больше не хотел иметь ничего общего с мальчиками, и это сильно подкосило Джона. Вскоре после того, как их родители расстались, Джон и его старший брат Билл поехали навестить отца, но Гай отказался их видеть. Вскоре после этого Джон и Билл уехали в Фэрбенкс к дяде. В какой-то момент, когда они были там, Джон очень обрадовался, потому что услышал, что его отец едет на Аляску, чтобы подняться. Но когда Гай приехал в штат, он ни разу не удосужился увидеть своих сыновей; он пришел и ушел, даже не удосужившись посетить. Это разбило сердце Джона. «Билл, с которым у Джона были очень близкие отношения, в подростковом возрасте потерял ногу, пытаясь запрыгнуть на товарный поезд. В 1973 году Билл отправил загадочное письмо, в котором туманно намекал на планы продолжительной поездки, а затем бесследно исчез; до сих пор никто не знает, что с ним стало. А после того, как Джон научился лазать, восемь его близких и напарников погибли в результате несчастных случаев или покончили жизнь самоубийством. Нетрудно предположить, что такая череда несчастий нанесла серьезный удар по юной психике Уотермана. В марте 1978 года Уотерман отправился в свою самую удивительную экспедицию - одиночное восхождение на гору. Юго-восточный отрог Хантера, непройденный маршрут, по которому ранее были побеждены три команды элитных альпинистов. Написав об этом подвиге в журнале *Climbing*, журналист Гленн Рэндалл сообщил, что Уотерман описал своих товарищей по восхождению как «ветер, снег и смерть»: карнизы, воздушные, как безе, возвышались над пустотами глубиной в милю. Вертикальные ледяные стены были такими же рассыпчатыми, как ведерко с кубиками льда, наполовину оттаявшими, а затем вновь замороженными. Они вели к таким узким и крутым с обеих сторон хребтам, что самым простым решением было пересечь их. Временами боль и одиночество переполняли его, и он ломался и плакал. После восьмидесяти одного дня изнурительного и чрезвычайно опасного восхождения Уотерман достиг вершины Хантер высотой 14 573 фута, которая возвышается на Аляске сразу к югу от Денали. Еще девять недель потребовалось, чтобы совершить чуть менее мучительный спуск; всего Уотерман провел в одиночестве на горе 145 дней. Вернувшись в цивилизацию без гроша в кармане, он занял двадцать долларов у Клиффа Хадсона, лесного пилота, который вывез его из гор, и вернулся в Фэрбенкс, где единственной работой, которую он мог найти, было мытье посуды. Тем не менее небольшое братство альпинистов Фэрбенкса провозгласило Уотермана героем. Он устроил публичное слайд-шоу восхождения на Хантера, которое Брейди назвал «незабываемым». Это было невероят-

ное выступление, совершенно раскованное. Он излил все свои мысли и чувства, свой страх неудачи, свой страх смерти. Как будто ты был там с ним. Однако через несколько месяцев после эпического деяния Уотерман обнаружил, что вместо того, чтобы утихомирить своих демонов, успех лишь взбудоражил их. Разум Уотермана начал распутываться. «Джон был очень самокритичен, всегда анализировал себя,- вспоминает Брейди. «И он всегда был каким-то компульсивным. Он носил с собой стопку планшетов и блокнотов. Он делал подробные записи, создавая полную запись всего, что он делал в течение каждого дня. Я помню, как столкнулся с ним однажды в центре Фэрбенкса. Когда я подошел, он достал блокнот, вошел в систему, когда увидел меня, и записал, о чем был наш разговор- чего было совсем немного. Его заметки о нашей встрече были на трех-четырех страницах ниже, после всех других вещей, которые он уже набросал в тот день. Где-то у него наверняка были груды, стопки и стопки подобных записей, которые, я уверен, не имели бы смысла ни для кого, кроме Джона. «Вскоре после этого Уотерман баллотировался в местный школьный совет на платформе, пропагандирующей неограниченный секс для учащихся и легализацию галлюциногенных наркотиков. Он проиграл выборы, что никого не удивило, кроме его собственного, но тут же начал новую политическую кампанию, на этот раз за пост президента Соединенных Штатов. Он выступал под знаменем партии «Накорми голодающих», главным приоритетом которой было сделать так, чтобы никто на планете не умер от голода. Чтобы опубликовать свою кампанию, он разработал план совершить одиночное восхождение на южную сторону Денали, самую крутую часть горы, зимой с минимумом еды. Он хотел подчеркнуть расточительность и безнравственность стандартной американской диеты. В рамках своего режима подготовки к восхождению он погружался в ванны, наполненные льдом. Уотерман прилетел на ледник Кахилтна в декабре 1979 года, чтобы начать восхождение, но отменил его всего через четырнадцать дней. «Отвези меня домой»,- как сообщается, сказал он своему пилоту. «Я не хочу умирать. Однако через два месяца он приготовился ко второй попытке. Но в Талкитне, деревне к югу от Денали, которая является отправной точкой для большинства альпинистских экспедиций в Аляскинский хребет, хижина, в которой он жил, загорелась и сгорела дотла, испепелив как его снаряжение, так и огромное количество заметок, стихов, и личные дневники, которые он считал делом всей своей жизни. Уотерман был совершенно расстроен проигрышем. На следующий день после пожара он отправился в Психиатрический институт Анкориджа, но ушел через две недели, убежденный в том, что существует заговор с целью посадить его навсе-

гда. Затем, зимой 1981 года, он предпринял еще одну одиночную попытку на Денали. Как будто восхождение на пик в одиночку зимой было недостаточно сложным, на этот раз он решил еще больше поднять ставку, начав свое восхождение на уровне моря, что потребовало ходьбы 160 трудных окольных миль от берега залива Кука, чтобы добраться до вершины. подножие горы. Он начал продвигаться на север от приливов в феврале, но его энтузиазм иссяк в низовьях ледника Рут, все еще в тридцати милях от пика, поэтому он прервал попытку и отступил в Талкитну. Однако в марте он снова набрался решимости и возобновил свое одинокое путешествие. Перед отъездом из города он сказал пилоту Клиффу Хадсону, которого считал другом: «Я больше тебя не увижу. «Это был исключительно холодный март в Аляскинском хребте. В конце месяца Магс Стамп пересекся с Уотерманом в верховьях ледника Рут. Стамп, всемирно известный альпинист, погибший на Денали в 1992 году, только что прошел новый трудный маршрут на близлежащую вершину Лосиный зуб. Вскоре после случайной встречи с Уотерманом Стамп посетил меня в Сиэтле и заметил, что «Джон не выглядел так, как будто он весь там. Он вел себя космически и говорил какую-то сумасшедшую чушь. Предположительно, он совершал большое зимнее восхождение на Денали, но у него с собой почти не было снаряжения. Он был одет в дешевый комбинезон для снегохода и даже не имел при себе спального мешка. Из еды у него было только куча муки, немного сахара и большая банка «Криско». В своей книге «Переломный момент» Гленн Рэндалл пишет: «На несколько недель Уотерман задержался в районе Шелдонского горного дома, небольшой хижины, примостившейся на склоне ледника Рут в самом сердце хребта. Кейт Булл, подруга Уотермана, которая в то время занималась скалолазанием в этом районе, сообщила, что он устал и менее осторожен, чем обычно. Он воспользовался рацией, которую позаимствовал у Клиффа [Хадсона], чтобы позвонить ему и попросить доставить дополнительные припасы. Затем он вернул радио, которое одолжил. - Мне это больше не понадобится, - сказал он. Радио было бы его единственным средством позвать на помощь. В последний раз Уотерман был размещен на северо-западной развилке ледника Рут 1 апреля. Его следы вели к восточной опоре Денали, прямо через лабиринт гигантских расселин, что свидетельствовало о том, что он не предпринимал явных усилий, чтобы избежать очевидных опасностей. Больше его не видели; предполагается, что он прорвался через тонкий снежный мост и разбился насмерть на дне одной из глубоких трещин. Служба национальных парков обыскивала предполагаемый маршрут Уотермана с воздуха в течение недели после его исчезновения, но не нашла его следов. Некоторые альпинисты

позже обнаружили записку на коробке со снаряжением Уотермана в горном доме Шелдона. «3-13-81», - гласило оно. «Мой последний поцелуй в 13:42. «Возможно, неизбежно проводятся параллели между Джоном Уотерманом и Крисом МакКэндлессом. Сравнения также проводились между МакКэндлессом и Карлом МакКанном, приветливым рассеянным техасцем, который переехал в Фэрбенкс во время нефтяного бума 1970-х годов и нашел прибыльную работу на проекте строительства Транс-Аляскинского трубопровода. В начале марта 1981 года, когда Уотерман совершал свое последнее путешествие в Аляскинский хребет, МакКанн нанял лоцмана, чтобы тот высадил его на отдаленном озере у реки Колин, примерно в семидесяти пяти милях к северо-востоку от форта Юкон на южной окраине ручьев. Диапазон. Тридцатипятилетний фотограф-любитель МакКанн сказал друзьям, что главной целью поездки была съемка дикой природы. Он прилетел в страну с пятью сотнями рулонов пленки. 22-и. 30-. Винтовки 30-го калибра, дробовик и четырнадцать сотен фунтов провизии. Он намеревался остаться в пустыне до августа. Однако каким-то образом он забыл договориться с пилотом, чтобы вернуть его в цивилизацию в конце лета, и это стоило МакКанну жизни. Эта поразительная оплошность не стала большой неожиданностью для Марка Стоппеля, молодого жителя Фэрбенкса, который хорошо знал МакКанна за девять месяцев их совместной работы над трубопроводом, незадолго до того, как долговязый техасец отправился в Брукс-Рейндж. «Карл был дружелюбным, чрезвычайно популярным и скромным парнем,- вспоминает Стоппель. «И он казался умным парнем. Но была в нем сторона, которая была немного мечтательной, немного оторванной от реальности. Он был ярким. Он любил повеселиться. Он мог быть чрезвычайно ответственным, но иногда имел склонность к резкости, к импульсивным поступкам, обходясь бравадой и стилем. Нет, думаю, меня не удивляет, что Карл пошел туда и забыл договориться, чтобы его забрали. Но тогда меня не так-то просто шокировать. У меня было несколько друзей, которые утонули, были убиты или погибли в странных несчастных случаях. На Аляске привыкаешь к странным вещам. «В конце августа, когда дни стали короче, а воздух в хребте Брукс стал резким и осенним, МакКанн начал беспокоиться, когда никто не прибыл, чтобы вылететь с ним. «Думаю, мне следовало проявить больше предусмотрительности при организации моего отъезда», - признался он в своем дневнике, значительная часть которого была опубликована посмертно в пятисерийном рассказе Криса Кэпса в Fairbanks Daily News-Miner. «Скоро узнаю. «Неделю за неделей он чувствовал, как приближается зима. По мере того, как его запасы еды становились скудными, МакКанн глубоко сожалел о том,

что бросил в озеро все патроны для дробовика, кроме дюжины. «Я продолжаю думать обо всех патронах для дробовика, которые я выбросил около двух месяцев назад»,- написал он. «У меня было пять коробок, и когда я продолжал видеть их там, я чувствовал себя довольно глупо из-за того, что принес так много. (Чувствовал себя воином.) . . . очень ярко. Кто бы знал, что они могут мне понадобиться, чтобы не умереть с голоду. «Тогда бодрым сентябрьским утром казалось, что избавление близко. МакКанн охотился на уток с остатками боеприпасов, когда тишину нарушил гул самолета, который вскоре появился над головой. Пилот, заметив лагерь, дважды сделал круг на малой высоте, чтобы рассмотреть его поближе. МакКанн дико замахал флуоресцентно-оранжевым чехлом спального мешка. Самолет был оснащен колесами, а не поплавками, и поэтому не мог приземлиться, но МакКанн был уверен, что его заметили, и не сомневался, что пилот вызовет гидросамолет, чтобы вернуться за ним. Он был настолько уверен в этом, что записал в журнале, что «я перестал махать после первого прохода. Затем я занялся сбором вещей и готовился разбить лагерь. «Но ни в тот день, ни на следующий день, ни на следующий самолет не прибыл. В конце концов МакКанн посмотрел на оборотную сторону своего охотничьего билета и понял, почему. На маленьком квадратике бумаги были напечатаны рисунки аварийных ручных сигналов для связи с самолетами с земли. «Я помню, как поднял правую руку на уровне плеча и потряс кулаком во время второго прохода самолета»,- написал МакКанн. «Это было немного радостно, когда твоя команда забила тачдаун или что-то в этом роде. К сожалению, как он понял слишком поздно, поднятие одной руки является общепризнанным сигналом «все в порядке; помощь не нужна. Сигнал «SOS; пошлите немедленную помощь»,- это две поднятые руки. «Вероятно, поэтому после того, как они отлетели немного в сторону, они вернулись для еще одного прохода, и на этом я вообще не подавал сигнала (на самом деле, я мог даже повернуться спиной к самолету, когда он проходил)»,- философски размышлял МакКанн. «Вероятно, они выставили меня чудачком. «К концу сентября в тундре скопился снег, и озеро замерзло. Когда продукты, которые он принес, закончились, МакКанн попытался собрать плоды шиповника и поймать кроликов. В какой-то момент ему удалось собрать мясо больного северного оленя, который забрел в озеро и умер. Однако к октябрю он усвоил большую часть своего жира, и ему было трудно согреться долгими холодными ночами. «Конечно, кто-то в городе должен был догадаться, что что-то не так- я еще не вернулся»,- отметил он. Но так и не появился самолет. «Было бы похоже на Карла предположить, что кто-то волшебным образом появится, чтобы спасти его»,-

говорит Стоппель. «Он был водителем грузовика, поэтому у него было много свободного времени на работе, он просто сидел на своей заднице в своей машине и мечтал, вот как ему пришла в голову идея поездки на Брукс-Рейндж. Для него это был серьезный квест: он провел большую часть года, думая об этом, планируя, выясняя, разговаривая со мной во время наших перерывов о том, какое снаряжение взять. Но при всем тщательном планировании он также предавался некоторым диким фантазиям. «Например,- продолжает Стоппель,- Карл не хотел лететь в кусты один. Изначально его большой мечтой было уехать и жить в лесу с какой-нибудь красивой женщиной. Ему нравилось, по крайней мере, пара разных девушек, которые работали с нами, и он тратил много времени и энергии, пытаясь уговорить Сью, или Барбару, или кого-то еще, чтобы они сопровождали его, что само по себе было в значительной степени чистой страной фантазий. Этого не могло случиться. Я имею в виду, что в поселке трубопроводов, где мы работали, на насосной станции 7, на каждую женщину приходилось, наверное, сорок парней. Но Карл был чуваком-мечтателем, и вплоть до того, как он прилетел в Брукс-Рейндж, он все надеялся, надеялся, надеялся, что одна из этих девушек передумает и решит пойти с ним. Точно так же, объясняет Стоппель, «Карл был из тех парней, у которых были бы нереалистичные ожидания, что кто-то в конце концов поймет, что у него проблемы, и прикроет его. Даже когда он был на грани голодной смерти, он, вероятно, все еще воображал, что Большая Сью прилетит в последнюю минуту с самолетом, загруженным едой, и закрутит с ним этот дикий роман. Но его фантастический мир был настолько далек от масштаба, что никто не мог с ним связаться. Карл становился голоднее и голоднее. К тому времени, когда он, наконец, понял, что никто не собирается его спасать, он сморщился до такой степени, что уже было слишком поздно что-либо с этим делать. «Поскольку запасы еды МакКанна почти полностью иссякли, он написал в своем дневнике: «Я более чем обеспокоен. Честно говоря, я начинаю немного бояться. Стрелка термометра опустилась до минус пяти градусов по Фаренгейту. На пальцах рук и ног образовались болезненные, наполненные гноем волдыри от обморожения. В ноябре он закончил последний свой паек. Он чувствовал слабость и головокружение; мурашки сотрясали его изможденное тело. В дневнике записано: «Руки и нос продолжают ухудшаться, как и ноги. Кончик носа очень опухший, в волдырях и корках. . . Это, несомненно, медленная и мучительная смерть. МакКанн подумывал покинуть безопасный лагерь и отправиться пешком в форт Юкон, но пришел к выводу, что он недостаточно силен, что он поддастся истощению и холоду задолго до того, как доберется туда. «Та часть интерьера,

куда отправился Карл,- это отдаленная, очень пустая часть Аляски,- говорит Стоппель. «Зимой там чертовски холодно. Некоторые люди в его ситуации могли бы найти способ уйти или, может быть, перезимовать, но для этого нужно быть чрезвычайно изобретательным. Тебе действительно нужно собраться. Ты должен быть тигром, убийцей, чертовым животным. И Карл был слишком расслаблен. Он был тусовщиком. «Боюсь, я не могу продолжать в том же духе»,- написал МакКанн где-то в конце ноября в конце своего дневника, который к настоящему времени занимал сотню листов тетрадной бумаги с вкладными листами в синей разливке. «Дорогой Бог на Небесах, пожалуйста, прости мне мою слабость и мои грехи. Пожалуйста, присмотри за моей семьей. А потом он полулежал в своей стенной палатке, приставил намордник. 30-. 30 против головы и нажал на спусковой крючок. Два месяца спустя, 2 февраля 1982 года, солдаты штата Аляска наткнулись на его лагерь, заглянули внутрь палатки и обнаружили изможденный труп, застывший, как камень. Есть сходство между Роселлини, Уотерманом, Макканном и МакКэндлессом. Подобно Роселлини и Уотерману, МакКэндлесс был искателем и имел непрактичное очарование суровой стороны природы. Подобно Уотерману и МакКанну, он демонстрировал поразительную нехватку здравого смысла. Но, в отличие от Уотермана, МакКэндлесс не был психически болен. И в отличие от Макканна, он не пошел в кусты, предполагая, что кто-то автоматически появится, чтобы спасти его бекон, прежде чем он потерпит неудачу. МакКэндлесс не особенно хорошо соответствовал стереотипу о жертвах в кустах. Хотя он был опрометчивым, незнакомым с обычаями сельской местности и неосторожным до безрассудства, он не был некомпетентным- в противном случае он не продержался бы и 113 дней. И он не был сумасшедшим, он не был социопатом, он не был изгоем. МакКэндлесс был кем-то другим, хотя точно сказать трудно. Паломник, наверное. Некоторое понимание трагедии Криса МакКэндлесса можно получить, изучая его предшественников, вырезанных из той же экзотической ткани. А для этого нужно заглянуть за пределы Аляски, в каньоны с голыми скалами на юге Юты. Там в 1934 году странный двадцатилетний юноша ушел в пустыню и так и не вышел. Его звали Эверетт Рюсс.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ДЭВИС ГУЛЧ

Когда я посещу цивилизацию, думаю, это будет не скоро. Я не устал от пустыни; скорее я наслаждаюсь его красотой и бродячей жизнью, которую веду, с каждым разом все острее. Я предпочитаю седло трамваю, звездное небо- крыше, неясную и трудную тропу, ведущую в неизвестность, любой мощеной дороге, а глубокий покой дикой природы- недовольству, порождаемому городами. Вы вините меня за то, что я остаюсь здесь, где я чувствую, что я принадлежу и являюсь единым целым с окружающим миром? Это правда, что я скучаю по разумному общению, но так мало тех, с кем я могу поделиться тем, что так много значит для меня, что я научился сдерживать себя. Достаточно того, что я окружен красотой... Даже по твоему скудному описанию я знаю, что не вынесу рутины и будничности той жизни, которую ты вынужден вести. Не думаю, что когда-нибудь смогу успокоиться. Я уже познал слишком много жизненных глубин, и я бы предпочел что угодно разочарованию. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО, ПОЛУЧЕННОЕ ОТ ЭВЕРЕТТА РЮЕССА ЕГО БРАТУ УОЛДО, ОТ 11 НОЯБРЯ 1934 ГОДА Эверетт Рюсс стремился к красоте, а красоту он понимал в довольно романтических терминах. Мы могли бы посмеяться над экстравагантностью его поклонения красоте, если бы в его целеустремленной преданности ей не было чего-то почти великолепного. Эстетика как салонная жеманность смехотворна и иногда немного непристойна; как образ жизни он иногда достигает достоинства. Если мы смеемся над Эвереттом Рюссом, нам придется смеяться и над Джоном Мьюиром, потому что между ними не было почти никакой разницы, кроме возраста. Уоллес Стегнер, страна мормонов Дэвис-Крик большую часть года представляет собой лишь ручеек, а иногда и того меньше. Берущий начало у подножия высокой скалы, известной как Пятимайл-Пойнт, ручей течет всего в четырех милях по плитам розового песчаника в южной части Юты, прежде чем отдать свои скромные воды озеру Пауэлл, гигантскому водохранилищу, которое простирается на сто девяносто миль над плотиной Глен-Каньон. . Ущелье Дэвис-небольшой водораздел по любым меркам, но прекрасный, и путешественники по этой сухой, суровой стране на протяжении веков полагались на оазис, который существует на дне щелевидного ущелья. Его отвесные стены украшают жуткие девятисотлетние петроглифы и пиктограммы. Осыпающиеся каменные жилища давно исчезнувшей Кайенты Анасази, создателей этого наскального искусства, приютились в защитных уголках. Древние глиняные черепки анасази смешиваются в песке с ржавыми жестяными банками, выброшенными скотоводами на рубеже веков, кото-

рые пасли и поили своих животных в каньоне. На протяжении большей части своей короткой длины Ущелье Дэвис существует как глубокая извилистая щель в гладкой скале, достаточно узкая в некоторых местах, чтобы через нее можно было плевать, окруженная нависающими стенами из песчаника, преграждающими доступ к дну каньона. Однако в его нижнем конце есть скрытый путь в ущелье. Прямо вверх по течению от того места, где Дэвис-Крик впадает в озеро Пауэлл, от западного края каньона зигзагами спускается естественный скат. Недалеко от дна ручья пандус заканчивается, и появляется грубая лестница, выдолбленная в мягком песчанике скотоводами-мормонами почти столетие назад. Местность, окружающая Дэвис-Галч, представляет собой высохшее пространство голых скал и кирпично-красного песка. Растительность скудная. Тени от палящего солнца практически нет. Однако спуститься в пределы каньона- значит попасть в другой мир. Тополь изящно склоняется над сугробами цветущей опунции. Высокие травы качаются на ветру. Эффектное цветение лилии сего выглядывает из-под носка девяностофутовой каменной арки, а каньонные крапивники жалобно кричат туда-сюда с соломы кустарникового дуба. Высоко над ручьем со скалы струится родник, орошая заросли мха и адиантума, свисающие со скал пышными зелеными коврами. Шесть десятилетий назад в этом очаровательном убежище, менее чем в миле вниз по течению от того места, где мормонские ступени сходятся со дном ущелья, двадцатилетний Эверетт Рюсс вырезал свой псевдоним на стене каньона под панелью с пиктограммами анасази. сделал это снова в дверях небольшого каменного строения, построенного анасази для хранения зерна. «НМО 1934»,- нацарапал он, несомненно, движимый тем же импульсом, который заставил Криса МакКэндлесса написать «Александр Супербродяга/Май 1992» на стене автобуса Сушана- импульс, возможно, не так уж отличающийся от того, который вдохновил анасази. чтобы украсить скалу своими собственными теперь неразборчивыми символами. В любом случае, вскоре после того, как Рюсс вырезал свою метку на песчанике, он покинул Дэвис-Галч и таинственным образом исчез, по-видимому, намеренно. Тщательные поиски не пролили свет на его местонахождение. Он просто исчез, целиком поглощенный пустыней. Шестидесят лет спустя мы до сих пор почти ничего не знаем о том, что с ним стало. Эверетт родился в Окленде, штат Калифорния, в 1914 году, младший из двух сыновей, воспитанных Кристофером и Стеллой Рюсс. Кристофер, выпускник Гарвардской школы богословия, был поэтом, философом и министром-унитарием, хотя зарабатывал себе на жизнь бюрократором в пенитенциарной системе Калифорнии. Стелла была упрямой женщиной с богемными вкусами и

большими художественными амбициями как для себя, так и для своих близких; она самостоятельно издавала литературный журнал «Квартет Рюсса», на обложке которого красовалось семейное изречение: «Прославляй час. Дружная семья, Рюссы также были кочевой семьей, переезжая из Окленда во Фресно, в Лос-Анджелес, в Бостон, в Бруклин, в Нью-Джерси и в Индиану, прежде чем окончательно обосноваться в южной Калифорнии, когда Эверетту было четырнадцать. В Лос-Анджелесе Эверетт посещал Художественную школу Отиса и Голливудскую школу. В шестнадцатилетнем возрасте он отправился в свое первое долгое одиночное путешествие, проведя лето 1930 года в автостопе и походах через Йосемити и Биг-Сур, в конечном итоге оказавшись в Кармеле. Через два дня после прибытия в последнее сообщество он нагло постучал в дверь Эдварда Уэстона, который был настолько очарован взволнованным молодым человеком, что потакал ему. В течение следующих двух месяцев выдающийся фотограф поощрял неравномерные, но многообещающие усилия мальчика в рисовании и гравюре и разрешил Рюссу окопачиваться в своей студии со своими сыновьями, Нилом и Коулом. В конце лета Эверетт вернулся домой ровно настолько, чтобы получить аттестат о среднем образовании, который он получил в январе 1931 года. Менее чем через месяц он снова был в пути, в одиночестве бродя по землям каньонов Юты, Аризоны и Нью-Мексико, тогда региона почти такого же малонаселенного и окутанного мистикой, как Аляска сегодня. За исключением короткого и несчастливого пребывания в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (он бросил учебу после одного семестра, к непрекращающемуся разочарованию отца), двух продолжительных визитов к родителям и зимы в Сан-Франциско (где он проник в компанию Доротеи Ланж, Ансель Адамс и художник Мейнард Диксон), Рюсс провел остаток своей стремительной жизни в движении, живя из рюкзака на очень небольшие деньги, спал в грязи, бодро голодал целыми днями. Рюсс был, по словам Уоллеса Стегнера, «молодым романтиком, юным эстетом, атактистическим странником по пустошам». романтические пустоши мира. Ни один человек, в котором есть хоть капля отрочества, не забыл этих снов. Особенность Эверетта Рюсса заключалась в том, что он выходил и делал то, о чем мечтал, не просто на двухнедельный отдых в цивилизованной и благоустроенной стране чудес, а на месяцы и годы в самом разгаре чудес... Намеренно он наказал свое тело, напрягал свою выносливость, проверял его способность к напряжению. Он намеренно шел по тропам, против которых его предостерегали индейцы и старожилы. Он взбирался на утесы, которые не раз оставляли его болтаться на полпути между осыпью и краем... Из своих лагерей у вод-

ных карманов или каньонов или высоко на бревенчатых хребтах горы Навахо он писал длинные, пышные, восторженные письма своей семье и друзьям, осуждая стереотипы цивилизации, напевая свой варварский юношеский рык в зубы миру. Рюсс напечатал много таких писем с почтовыми штемпелями отдаленных поселений, через которые он проезжал: Кайента, Чинле, Лукачукай; Зайон-Каньон, Гранд-Каньон, Меса-Верде; Эскаланте, Радужный мост, Каньон де Шелли. Читая эту переписку (собранную в В. Л. В тщательно проработанной биографии Рушо «Эверетт Рюсс: бродяга за красотой») поражает тяга Рюсса к связи с миром природы и его почти зажигательная страсть к стране, по которой он шел. «С тех пор, как я написал тебе в последний раз, я пережил потрясающие впечатления в дикой природе- непреодолимое, ошеломляющее»,- сказал он своему другу Корнелу Тенгелу. «Но тогда я всегда ошеломлен. Мне это нужно для поддержания жизни. «Переписка Эверетта Рюсса обнаруживает сверхъестественные параллели между Рюссом и Крисом МакКэндлессом. Вот выдержки из трех писем Рюсса: Я все больше и больше думал о том, что всегда буду одиноким скитальцем в глуши. Боже, как манит меня тропа. Вы не можете понять его непреодолимое очарование для меня. В конце концов, одинокая тропа- лучшая. . . Я никогда не перестану скитаться. И когда придет время умирать, я найду самое дикое, самое одинокое, самое заброшенное место. Красота этой страны становится частью меня. Я чувствую себя более отстраненным от жизни и как-то мягче. . . У меня здесь есть хорошие друзья, но никто не понимает, зачем я здесь и чем занимаюсь. Однако я не знаю никого, кто имел бы более чем частичное понимание; Я зашел слишком далеко один. Я всегда был неудовлетворен жизнью, которой живет большинство людей. Всегда хочется жить насыщеннее и насыщеннее. В своих странствиях в этом году я рискнул и пережил больше диких приключений, чем когда-либо прежде. И какую великолепную страну я видел - дикие, громадные пустоши, затерянные плоскогорья, голубые горы, вздымающиеся ввысь из ярко-красных песков пустыни, каньоны шириной в пять футов внизу и глубиной в сотни футов, ливни, ревущие по безымянным каньонам, и сотни домов жителей скал, покинутых тысячу лет назад. Полвека спустя МакКэндлесс звучит устрашающе, как Рюсс, когда он заявляет на открытке Уэйну Вестербергу: «Я решил, что буду жить этой жизнью какое-то время. Свобода и простая красота слишком хороши, чтобы отказываться от них. Отголоски Рюсса можно услышать и в последнем письме МакКэндлесса к Рональду Францу (см. стр. 56-58). Рюсс был таким же романтичным, как и МакКэндлесс, если не больше, и столь же пренебрежительно относился к личной безопасности. Клейборн Ло-

кетт, археолог, который ненадолго нанял Рюсса в качестве повара при раскопках жилища анасази в скале в 1934 году, сказал Рушо, что «он был потрясен кажущейся безрассудной манерой, с которой Эверетт передвигался по опасным скалам. Действительно, сам Рюсс хвастается в одном из своих писем: «Сотни раз я доверял свою жизнь осыпающемуся песчанику и почти вертикальным краям в поисках водных или скалистых жилищ. Дважды меня чуть не зарезал дикий бык. Но до сих пор я всегда оставался невредимым и отправлялся в другие приключения. И в своем последнем письме Рюсс небрежно признается своему брату: я несколько раз чудом спасся от гремучей змеи и осыпающихся скал. Последнее несчастье произошло, когда Шоколадо [его ослик] разбудил несколько диких пчел. Еще несколько укусов, возможно, было бы слишком много для меня. Три или четыре дня я открывал глаза и восстанавливал способность пользоваться руками. Как и МакКэндлесс, Рюсс не боялся физического дискомфорта; временами он, казалось, приветствовал это. «Вот уже шесть дней я страдаю от полугодовой болезни ядовитого плюща- мои страдания далеки от завершения»,- говорит он своему другу Биллу Джейкобсу. Он продолжает: Два дня я не мог понять, жив я или мертв. Я корчился и корчился на жаре, по мне ползали полчища муравьев и мух, а яд сочился и покрывал коркой мое лицо, руки и спину. Я ничего не ел - ничего не оставалось делать, как философски страдать... Я получаю это каждый раз, но я отказываюсь быть изгнанным из леса. И подобно МакКэндлессу, отправляясь в свою последнюю одиссею, Рюсс взял новое имя или, скорее, ряд новых имен. В письме от 1 марта 1931 года он сообщает своей семье, что стал называть себя Лан Рамо, и просит их «пожалуйста, уважать мое имя кисти... Как это сказать по-французски? *Nomme de broushe*, что ли? Однако два месяца спустя в другом письме объясняется, что «я снова сменил имя на Эверт Рулан. Те, кто знал меня раньше, считали мое имя причудливым и притворством француза. », а затем в августе того же года, без объяснения причин, он снова начинает называть себя Эвереттом Рюссом и продолжает называть себя так в течение следующих трех лет- пока не забредет в Дэвис-Галч. Там, по какой-то неведомой причине, Эверетт дважды выгравировал на мягком песчанике навахо имя Немо (лат. «никто»), а затем исчез. Ему было двадцать лет. Последние письма, полученные от Рюсса, были отправлены из мормонского поселения Эскаланте, в пятидесяти семи милях к северу от ущелья Дэвис, 11 ноября 1934 года. Адресованные его родителям и брату, они указывают, что он будет находиться без связи с внешним миром «месяц или два. Через восемь дней после отправки их по почте Рюсс встретил двух пастухов примерно в миле от ущелья и провел

две ночи в их лагере; эти люди были последними людьми, которые, как известно, видели юношу живым. Примерно через три месяца после того, как Рюсс уехал из Эскаланте, его родители получили пачку нераспечатанной почты, пересланной почтмейстером в Мраморном каньоне, штат Аризона, куда Эверетт уже давно должен был прийти. Обеспокоенные, Кристофер и Стелла Рюсс связались с властями Эскаланте, которые организовали поисковую группу в начале марта 1935 года. Начав с стоябища овец, где в последний раз видели Рюсса, они начали прочесывать окрестности и очень быстро нашли двух осликов Эверетта на дне ущелья Дэвис, которые довольно паслись за импровизированным загоном, сделанным из кустов и ветвей деревьев. Ослики были заперты в верхней части каньона, чуть выше по течению от того места, где мормонские ступени пересекают дно ущелья; на небольшом расстоянии вниз по течению поисковики обнаружили безошибочные доказательства лагеря Рюсса, а затем, в дверях амбара анасази под великолепной естественной аркой, они наткнулись на «НЕМО 1934», высеченное на каменной плите. Рядом на скале были аккуратно расставлены четыре горшка анасази. Три месяца спустя искатели наткнулись на еще одно граффито Немо чуть дальше по ущелью (поднимающиеся воды озера Пауэлл, которое начало наполняться после завершения строительства плотины Глен-Каньон в 1963 году, давно стерли обе надписи), но кроме осликов и их снаряжения, ничего из имущества Рюсса- его принадлежностей для кемпинга, журналов и картин- так и не нашли. Широко распространено мнение, что Рюсс разбился насмерть, карабкаясь по той или иной стене каньона. Учитывая предательский характер местной топографии (большинство утесов, которые пронизывают регион, состоят из песчаника навахо, рассыпчатого слоя, который выветривается в гладкие, выпуклые пропасти) и склонность Рюсса к опасному лазанию, это правдоподобный сценарий. Однако тщательные поиски скал вблизи и вдали не привели к обнаружению человеческих останков. И как объяснить тот факт, что Рюсс покинул ущелье с тяжелым грузом снаряжения, но без выючных животных? Эти сбивающие с толку обстоятельства привели некоторых следователей к выводу, что Рюсс был убит группой угонщиков скота, которые, как известно, находились в этом районе, которые затем украли его имущество и закопали его останки или бросили их в реку Колорадо. Эта теория тоже правдоподобна, но никаких конкретных доказательств, подтверждающих ее, не существует. Вскоре после исчезновения Эверетта его отец предположил, что мальчик, вероятно, был вдохновлен назвать себя Немо книгой Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой»- книгой, которую Эверетт читал много раз,- в которой чистосердечный главный герой, ка-

питан Немо, бежит от цивилизации и разрывает свою жизнь. каждый галстук на земле. Биограф Эверетта У. Л. Рушо соглашается с оценкой Кристофера Рюсса, утверждая, что «отход Эверетта от организованного общества, его презрение к мирским удовольствиям и его подпись как НЕМО в Дэвис-Галч- все это убедительно свидетельствует о том, что он близко отождествлял себя с персонажем Жюль Верна. «Очевидное увлечение Рюсса капитаном Немо вызвало слухи среди более чем нескольких мифографов Рюсса о том, что Эверетт быстро разыграл мир после того, как покинул Дэвис-Галч и был- или был- очень даже жив, тихо проживая где-то под вымышленным именем. Год назад, заправляя свой грузовик бензином в Кингмане, штат Аризона, я случайно завел разговор о Рюссе с заправщиком средних лет, маленьким нервным мужчиной с пятнышками скоала в уголках рта. Говоря с убедительной убежденностью, он поклялся, что «знал парня, который определенно столкнулся с Рюссом» в конце 1960-х в отдаленном хогане в индейской резервации навахо. По словам друга дежурного, Рюсс был женат на женщине навахо, с которой он воспитал по крайней мере одного ребенка. Излишне говорить, что достоверность этого и других сообщений об относительно недавних наблюдениях Рюсса крайне сомнительна. Кен Слейт, потративший на разгадку Эверетта Рюсса столько же времени, сколько и любой другой человек, убежден, что мальчик умер в 1934 или начале 1935 года, и считает, что знает, как встретил свой конец Рюсс. Слейт, 65 лет, профессиональный речной проводник и крыса пустыни, воспитан мормонами и имеет репутацию наглеца. Когда Эдвард Эбби писал «Банду гаечного ключа», свой плутовской роман об экологическом терроризме в стране каньонов, его приятель Кен Слейт, как говорили, вдохновил на создание персонажа Редко замечаемого Смита. Слейт прожил в этом районе сорок лет, побывал практически во всех местах, где побывал Рюсс, разговаривал со многими людьми, которые пересекались с Рюссом, взял старшего брата Рюсса, Уолдо, в ущелье Дэвис, чтобы посетить место исчезновения Эверетта. «Уолдо думает, что Эверетта убили,- говорит Слейт. «Но я так не думаю. Я жил в Эскаланте два года. Я разговаривал с людьми, которых обвиняют в его убийстве, и я просто не думаю, что они это сделали. Но кто знает? Вы никогда не сможете точно сказать, что человек делает втайне. Другие считают, что Эверетт упал со скалы. Ну да, он мог это сделать. Это будет легко сделать в этой стране. Но я не думаю, что это произошло. «Я скажу вам, что я думаю: я думаю, что он утонул. «Много лет назад, прогуливаясь по Большому ущелью, притоку реки Сан-Хуан, примерно в сорока пяти милях к востоку от ущелья Дэвис, Слейт обнаружил имя Немо, вырезанное на мягком глиняном растворе амбара

анасази. Слейт предполагает, что Рюсс написал этот Немо вскоре после того, как покинул Дэвис-Галч. «После того, как он загнал своих осликов в Дэвис,- говорит Слейт,- Рюсс спрятал все свои вещи где-то в пещере и скрылся, играя в капитана Немо. У него были друзья-индейцы в резервации навахо, и я думаю, что именно туда он и направлялся. Логичный путь в страну навахо пролегал бы через реку Колорадо в Дыре-в-Скале, затем по извилистой тропе, проложенной в 1880 году мормонскими поселенцами через Уилсон-Меса и Глиняные холмы, и, наконец, вниз по Большому ущелью к Река Сан-Хуан, за которой располагалась резервация. «Эверетт вырезал своего Немо на руинах в Гранд-Галч, примерно в миле ниже того места, где впадает Коллинз-Крик, а затем продолжил свой путь вниз к Сан-Хуану. А когда он попытался переплыть реку, то утонул. Вот что я думаю. Слейт считает, что если бы Рюсс переправился через реку живым и достиг резервации, ему было бы невозможно скрыть свое присутствие, «даже если бы он все еще играл в свою игру Немо». Эверетт был одиночкой, но он слишком любил людей, чтобы оставаться там и жить втайне до конца своей жизни. Многие из нас такие- я такой, Эд Эбби был таким, и похоже, что этот МакКэндлесс был таким: Мы любим компанию, понимаете, но мы не можем долго находиться рядом с людьми. . Так что мы идем заблудиться, возвращаемся ненадолго, а потом снова убираемся к черту. Именно это и делал Эверетт. «Эверетт был странным,- признает Слейт. «Как-то по-другому. Но он и МакКэндлесс, по крайней мере, пытались следовать своей мечте. Вот что было в них прекрасно. Они пытались. Не многие. «При попытке понять Эверетта Рюсса и Криса МакКэндлесса полезно рассмотреть их дела в более широком контексте. Полезно смотреть на аналоги издали и на век отдаленнее. У юго-восточного побережья Исландии находится низкий барьерный остров под названием Папос. Безлесный и скалистый, постоянно омываемый бурями, дующими с Северной Атлантики, он получил свое название от своих первых поселенцев, ныне давно ушедших, ирландских монахов, известных как папар. Прогуливаясь по этому искривленному берегу одним летним днем, я наткнулся на матрицу из тусклых каменных прямоугольников, встроенных в тундру: остатки древних жилищ монахов, на сотни лет старше даже руин анасази в ущелье Дэвис. Монахи прибыли еще в пятом и шестом веках нашей эры. д. , отплыв и гребя от западного побережья Ирландии. Отправляясь в путь на маленьких открытых лодках, называемых карра, сделанных из воловьей кожи, натянутой на легкие плетеные каркасы, они пересекли один из самых коварных участков океана в мире, не зная, что они найдут на другом берегу. Папар рисковал своими жизнями- и терял их бесчисленными

толпами- не в погоне за богатством или личной славой и не в погоне за новыми землями от имени какого-нибудь деспота. Как отмечает великий исследователь Арктики, лауреат Нобелевской премии Фритъоф Нансен, «эти замечательные путешествия были... предприняты главным образом из желания найти уединенные места, где эти отшельники могли бы обитать в мире, не потревоженные суматохой и соблазнами мира. Когда в девятом веке на берегах Исландии появилась первая горстка норвежцев, папа решил, что страна стала слишком густонаселенной, хотя она все еще была почти необитаемой. Реакцией монахов было забрать свои карги и поплыть в сторону Гренландии. Их влекло через раздираемый штормами океан, увлекало на запад за край известного мира не более чем душевный голод, стремление такой странной силы, что оно не поддается современному воображению. Читая об этих монахах, восхищаешься их мужеством, безрассудной невинностью и настойчивостью их желания. Читая этих монахов, невольно думаешь об Эверетте Рюссе и Крисе МакКэндлессе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ФЭРБЭНКС

В прошлое воскресенье молодой турист, получивший травму, был найден мертвым в отдаленном лагере во внутренних районах Аляски. Никто еще точно не знает, кем он был. Но его дневник и две записи, найденные в лагере, рассказывают мучительную историю его отчаянных и все более тщетных попыток выжить. В дневнике указано, что мужчина, который, как считается, был американцем в возрасте от 20 до 30 лет, мог получить травму при падении и затем застрял в лагере более чем на три месяца. В нем рассказывается, как он пытался спасти себя, охотясь на дичь и поедая дикие растения, но тем не менее слабел. Одна из двух его записок - мольба о помощи, адресованная всем, кто может наткнуться на лагерь, пока путешественник обыскивал окрестности в поисках еды. Вторая записка прощается с миром. . . Вскрытие в офисе coronera штата в Фэрбенксе на этой неделе показало, что мужчина умер от голода, вероятно, в конце июля. Власти обнаружили среди вещей мужчины имя, которое, по их мнению, принадлежит ему. Но до сих пор им не удалось подтвердить его личность, а до тех пор они отказывались раскрывать имя. Нью-Йорк Таймс, 13 сентября 1992 г. К тому времени, когда The New York Times опубликовала статью о путешественнике, полицейские штата Аляска уже неделю пытались выяснить, кто он такой. Когда он умер, МакКэндлесс был одет в синюю толстовку с логотипом буксирной компании Санта-Барбары; когда с ним связались, аварийная служба заявила, что ничего не знает ни о нем, ни о том, как он приобрел рубашку. Многие записи в кратком, загадочном дневнике, обнаруженном вместе с телом, представляли собой краткие наблюдения за флорой и фауной, что породило предположение, что МакКэндлесс был полевым биологом. Но и это в итоге ни к чему не привело. 10 сентября, за три дня до того, как в «Таймс» появилось сообщение о погибшем туристе, эта история была опубликована на первой полосе «Анкоридж Дейли Ньюс». Когда Джим Галлиен увидел заголовок и прилагаемую карту, указывающую, что тело было найдено в двадцати пяти милях к западу от Хили на тропе Стампид, он почувствовал, как волосы у основания скальпа зашевелились: Алекс. Галлиен до сих пор помнил странного, близкого по духу юношу, шагающего по тропе в сапогах, которые ему на два размера больше, - собственных ботинках Галлиена, старых коричневых кроссовках Xtratuf, которые он уговорил мальчишку взять. «Из газетной статьи, как мало было информации, это звучало так, как будто это один и тот же человек, - говорит Галлиен, - поэтому я позвонил в полицию и сказал: «Эй, кажется, я подвез этого парня. «Хорошо, конечно», - ответил полицейский Роджер

Эллис на другом конце линии. "Что заставляет вас думать так? Вы шестой человек за последний час, которому звонят и говорят, что им известна личность путешественника. Но Галлиен был настойчив, и чем больше он говорил, тем больше отступал скептицизм Эллиса. Галлиен описал несколько единиц оборудования, не упомянутых в газетном отчете, которые соответствовали найденному наряду с телом. И тут Эллис заметил, что первая загадочная запись в дневнике путешественника гласила: «Выходите из Фэрбенкса. Сидящий Галлиан. День кролика. «К этому времени солдаты проявили катушку пленки в «Минолте» туриста, которая включала несколько очевидных автопортретов. «Когда они принесли фотографии на место работы, где я работал,- говорит Галлиен,- у меня не было двух вариантов. Парнем на фотографиях был Алексей. «Поскольку МакКэндлесс сказал Галлиену, что он из Южной Дакоты, солдаты немедленно переключили свои поиски на ближайших родственников путешественника. Всеобщий бюллетень обнаружил пропавшего без вести человека по имени МакКэндлесс из восточной части Южной Дакоты, по совпадению из маленького городка всего в двадцати милях от дома Уэйна Вестерберга в Картидже, и какое-то время солдаты думали, что нашли своего человека. Но и это оказалось ложным следом. Вестерберг ничего не слышал от друга, которого знал как Алекса МакКэндлесса, с тех пор, как прошлой весной получил открытку из Фэрбенкса. 13 сентября он катил пустую ленту асфальтобетона за пределами Джеймстауна, Северная Дакота, ведя свою уборочную бригаду домой в Картидж после завершения четырехмесячного сезона лесозаготовок в Монтане, когда VHP ожил. «Уэйн!»- раздался в радиии встревоженный голос из одного из других грузовиков экипажа. «Это Боб. У тебя включено радио? - Да, Бобби. Уэйн здесь. Как дела?» «Быстрее включай АМ и слушай Пола Харви. Он говорит о каком-то ребенке, который умер от голода на Аляске. Полиция не знает, кто он. Очень похоже на Алекса. Вестерберг нашел станцию как раз вовремя, чтобы поймать конец передачи Пола Харви, и был вынужден согласиться: из-за нескольких отрывочных деталей анонимный путешественник выглядел удручающе похожим на его друга. Как только он добрался до Картиджа, подавленный Вестерберг позвонил в полицию штата Аляска, чтобы поделиться тем, что он знал о МакКэндлессе. Однако к тому времени истории о погибшем туристе, в том числе выдержки из его дневника, широко освещались в газетах по всей стране. Как следствие, солдаты были завалены звонками от людей, утверждавших, что знают личность путешественника, поэтому они были еще менее восприимчивы к Вестербергу, чем к Галлиену. «Полицейский сказал мне, что у них было более ста пятидесяти звонков от людей,

которые думали, что Алекс был их ребенком, их другом, их братом», - говорит Вестерберг. «Ну, к тому времени я был немного зол из-за того, что получил отговорку, поэтому я сказал ему: «Послушай, я не просто очередной чудака. Я знаю, кто он. Он работал на меня. Кажется, у меня даже где-то здесь есть его номер социального страхования. Вестерберг рылся в папках на элеваторе, пока не нашел две формы W-4, заполненные МакКэндлессом. В верхней части первого, датируемого первым визитом МакКэндлесса в Карфаген в 1990 году, он нацарапал «исключено, освобождено, освобождено, освобождено» и назвал свое имя Айрис Фусиу. Адрес: «Не твое чертово дело. Номер социального страхования: «Я забыл. Но во второй форме от 30 марта 1992 года, за две недели до отъезда на Аляску, он подписался своим именем: «Крис Дж. МакКэндлесс. И в поле для номера социального страхования он написал: «228-31-6704. Вестерберг снова позвонил на Аляску. На этот раз солдаты отнеслись к нему серьезно. Номер социального страхования оказался подлинным и указал постоянное место жительства МакКэндлесса в северной Вирджинии. Власти Аляски связались с правоохранительными органами этого штата, которые, в свою очередь, начали прочесывать телефонные справочники в поисках МакКэндлесса. Уолт и Билли МакКэндлесс к тому времени переехали на берег Мэриленда, и у них больше не было номера телефона в Вирджинии, но старший ребенок Уолта от первого брака жил в Аннандейле и был в книге; Ближе к вечеру 17 сентября Сэму МакКэндлессу позвонил детектив из отдела убийств округа Фэрфакс. Сэм, который был на девять лет старше Криса, за несколько дней до этого видел короткую статью о туристе в «Вашингтон пост», но, как он признается, «мне не приходило в голову, что туристом мог быть Крис. Никогда даже не приходило мне в голову. Это иронично, потому что, когда я прочитал статью, я подумал: «Боже мой, какая ужасная трагедия». Мне очень жаль семью этого парня, кем бы они ни были. Какая грустная история. «Сэм вырос в Калифорнии и Колорадо, в доме своей матери, и не переезжал в Вирджинию до 1987 года, когда Крис уехал из штата, чтобы поступить в колледж в Атланте, так что Сэм плохо знал своего сводного брата. Но когда детектив из отдела по расследованию убийств начал спрашивать, похож ли этот турист на кого-то из его знакомых, Сэм сообщает: «Я был почти уверен, что это был Крис. Тот факт, что он уехал на Аляску, что он уехал один, - все это совпало. «По требованию детектива Сэм отправился в полицейское управление округа Фэрфакс, где офицер показал ему фотографию туриста, присланную по факсу из Фэрбенкса. «Это было увеличение восемь на десять, - вспоминает Сэм, - выстрел в голову. У него были длинные волосы, и у него была борода.

У Криса почти всегда были короткие волосы, и он был чисто выбрит. И лицо на снимке было крайне изможденным. Но я сразу понял. Не было никаких сомнений. Это был Крис. Я пошел домой, забрал Мишель, мою жену, и поехал в Мэриленд, чтобы рассказать об этом отцу и Билли. Я не знал, что собираюсь сказать. Как вы скажете кому-нибудь, что их ребенок умер?»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ЧЕСПИКСКИЙ БИЧ

Все внезапно изменилось- тон, моральный климат; ты не знал, что думать, кого слушать. Как будто всю жизнь тебя вели за руку, как маленького ребенка, и вдруг ты оказался сам по себе, тебе пришлось научиться ходить самому. Вокруг не было никого, ни семьи, ни людей, чье мнение ты уважал. В такое время вы чувствовали потребность посвятить себя чему-то абсолютному- жизни, истине или красоте- подчиняться им вместо созданных человеком правил, которые были отброшены. Вам нужно было отдаться какой-то такой конечной цели более полно, более безоговорочно, чем вы когда-либо делали в старые знакомые, мирные дни, в старой жизни, которая теперь упразднена и ушла навсегда. Борис Пастернак, отрывок из «Доктора Живаго», выделенный в одной из книг, найденных вместе с останками Криса МакКэндлесса. «Необходимость для цели» было написано рукой МакКэндлесса на полях над отрывком. Сэмюэл Уолтер МакКэндлесс-младший, пятидесяти шести лет, бородастый, молчаливый мужчина с длинными седыми волосами, зачесанными назад с высокого лба. Высокий и крепко сложенный, он носит очки в проволочной оправе, придающие ему вид профессора. Спустя семь недель после того, как тело его сына было найдено на Аляске, завернутое в синий спальный мешок, который Билли сшила для Криса из комплекта, Уолт изучает парусную лодку, мчащуюся под окном его дома на набережной. «Как получилось,- удивляется он вслух, глядя на Чесапикский залив,- что ребенок с таким большим состраданием может причинить своим родителям столько боли?» Дом МакКэндлесс в Чесапик-Бич, штат Мэриленд, со вкусом оформлен, безупречен, лишен беспорядка. Окна от пола до потолка открывают туманную панораму залива. У входа припаркованы большой Chevy Suburban и белый Cadillac, в гараже стоит тщательно отреставрированный Corvette 69-го года, у причала пришвартован тридцатифутовый прогулочный катамаран. Четыре больших квадрата картона, покрытые десятками фотографий, запечатлевших всю короткую жизнь Криса, уже много дней занимают обеденный стол. Преднамеренно перемещаясь по витрине, Билли указывает на Криса в виде малыша верхом на лошадке, Криса в виде восторженного восьмилетнего мальчика в желтом дождевике, отправляющегося в свой первый туристический поход, и Криса на выпускном в старшей школе. «Самое сложное,- говорит Уолт, останавливаясь на кадре, где его сын дурачится на семейном отдыхе, и его голос почти незаметно ломается,- это просто то, что его больше нет рядом. Я провел много времени с Крисом, возможно, больше, чем с любым из моих других детей. Мне очень нравилась его компания,

хотя он так часто нас расстраивал. На Уолте серые спортивные штаны, кроссовки для ракетбола и атласная бейсбольная куртка с вышитым логотипом Лаборатории реактивного движения. Несмотря на повседневную одежду, он излучает авторитет. В рядах своей загадочной области-передовой технологии, называемой радаром с синтезированной апертурой, или SA R,- он занимает видное место. Поисково-спасательная служба является компонентом широкомасштабных космических миссий с 1978 года, когда на околоземную орбиту был выведен первый оборудованный поисково-спасательным аппаратом спутник Seasat. Руководителем проекта НАСА по этому новаторскому запуску Seasat был Уолт МакКэндлесс. Первая строка резюме Уолта гласит: «Допуск: действующий U. S. Министерство обороны совершенно секретно. Чуть ниже на странице начинается отчет о его профессиональном опыте: «Я предоставляю частные консультационные услуги, связанные с проектированием удаленных датчиков и спутниковых систем, а также с соответствующими задачами по обработке сигналов, сокращению данных и извлечению информации. Коллеги называют его гениальным. Уолт привык командовать. Взятие под контроль- это то, что он делает бессознательно, рефлексивно. Хотя он говорит мягко, в неторопливой интонации американского Запада, в его голосе есть резкость, а сжатые челюсти выдают скрытую нервную энергию. Даже из другого конца комнаты видно, что по его проводам трещит какое-то очень высокое напряжение. Нет никаких сомнений в том, откуда взялась интенсивность Криса. Когда Уолт говорит, люди слушают. Если что-то или кто-то ему не нравится, его глаза сужаются, а речь становится отрывистой. По словам членов большой семьи, его настроение может быть мрачным и переменчивым, хотя они говорят, что его знаменитый характер в последние годы потерял большую часть своей изменчивости. После того, как в 1990 году Крис ускользнул от всех, в Уолте что-то изменилось. Исчезновение сына напугало и наказало его. На первый план выступила более мягкая, более терпимая сторона его личности. Уолт вырос в бедности в Грили, штат Колорадо, сельскохозяйственном городке на высоких, продуваемых всеми ветрами равнинах недалеко от границы с Вайомингом. Его семья, как ни в чем не бывало, заявляет он, «была не с той стороны пути. «Умный и целеустремленный ребенок, он выиграл академическую стипендию в Университете штата Колорадо в соседнем Форт-Коллинзе. Чтобы сводить концы с концами, в колледже он подрабатывал на разных работах, в том числе в морге, но самый стабильный заработок он получал от игры с Чарли Новаком, лидером популярного джазового квартета. Группа Новака с Уолтом, сидящим за фортепиано, работала в региональных залах, исполняя танце-

вальные номера и старые стандарты в дымном хонки-тонке вверх и вниз по Переднему хребту. Вдохновленный музыкант с большим природным талантом, Уолт время от времени до сих пор играет профессионально. В 1957 году Советы запустили «Спутник-1», отбросив тень страха на всю Америку. В последовавшей национальной истерии Конгресс направил миллионы долларов в аэрокосмическую промышленность Калифорнии, и бум начался. Для молодого Уолта МакКэндлесса- только что окончившего колледж, женатого и готовящего ребенка- Sputnik открыл дверь новым возможностям. Получив диплом бакалавра, Уолт устроился на работу в компанию Hughes Aircraft, которая отправила его на три года в Тусон, где он получил степень магистра теории антенн в Аризонском университете. Как только он завершил свою диссертацию- «Анализ конических спиралей»,- он перешел в большой калифорнийский офис Хьюза, где и развернулись настоящие действия, стремясь оставить свой след в космической гонке. Он купил маленькое бунгало в Торрансе, много работал, быстро продвигался по карьерной лестнице. Сэм родился в 1959 году, и четверо других детей- Стейси, Шона, Шелли и Шеннон- быстро последовали за ним. Уолт был назначен директором по испытаниям и руководителем отдела миссии Surveyor 1, первого космического корабля, совершившего мягкую посадку на Луну. Его звезда была яркой и восходящей. Однако к 1965 году его брак оказался в беде. Он и его жена Марсия расстались. Уолт начал встречаться с секретаршей в Хьюзе по имени Вильгельмина Джонсон- все называли ее Билли- которой было двадцать два года, и у нее были темные поразительные глаза. Они влюбились и стали жить вместе. Билли забеременела. Начнем с того, что она была очень миниатюрной, за девять месяцев она набрала всего восемь фунтов и даже никогда не носила одежду для беременных. 12 февраля 1968 года Билли родила сына. Он был маловесным, но здоровым и оживленным. Уолт купил Билли гитару Gianini, на которой она играла колыбельные, чтобы успокоить суетливого новорожденного. Двадцать два года спустя рейнджеры из Службы национальных парков найдут ту же самую гитару на заднем сиденье желтого Datsun, брошенного на берегу озера Мид. Неизвестно, за что отвечает неясная конвергенция хромосомной материи, динамика родителя-ребенка и выравнивание космоса, но Кристофер Джонсон МакКэндлесс появился на свет с необычными способностями и волей, которую нелегко отклонить от траектории. В возрасте двух лет он встал посреди ночи, нашел выход на улицу, не разбудив родителей, и вошел в дом по улице, чтобы ограбить ящик для сладостей соседа. В третьем классе, получив высокий балл на стандартизированном тесте успеваемости, Крис был помещен на уско-

ренную программу для одаренных учеников. «Он был недоволен этим,- вспоминает Билли,- потому что это означало, что ему нужно было делать дополнительные школьные задания. Поэтому он провел неделю, пытаясь выйти из программы. Этот маленький мальчик пытался убедить учителя, директора- всех, кто готов был слушать,- что результаты тестов были ошибочными, что ему действительно не место. Об этом мы узнали на первом собрании родительского комитета. Его учитель отвел нас в сторону и сказал, что «Крис идет к другому барабанщику».- Она только покачала головой. «Даже когда мы были маленькими,- говорит Карин, родившаяся через три года после Криса,- он был очень замкнут в себе. Он не был асоциален- у него всегда были друзья, и все его любили,- но он мог уйти и развлекаться часами. Казалось, ему не нужны игрушки или друзья. Он мог быть один, не будучи одиноким. «Когда Крису было шесть лет, Уолту предложили должность в НАСА, после чего он переехал в столицу страны. Они купили двухуровневый дом на Уиллет Драйв в пригороде Аннандейла. Зеленые ставни, эркер, красивый двор. Через четыре года после прибытия в Вирджинию Уолт бросил работу в НАСА и основал консалтинговую фирму User Systems, Incorporated, которую они с Билли управляли из дома. С деньгами было туго. Помимо финансового напряжения, связанного с обменом стабильной зарплаты на капризы самозанятости, разлука Уолта с первой женой оставила ему две семьи, которые нужно было поддерживать. Чтобы добиться успеха, говорит Карин, «мама и папа работали невероятно много часов. Когда мы с Крисом просыпались утром, чтобы пойти в школу, они работали в офисе. Когда мы приходили домой во второй половине дня, они работали в офисе. Когда мы ложились спать ночью, они работали в офисе. У них был очень хороший бизнес вместе, и в конце концов они начали зарабатывать кучу денег, но они все время работали. «Это было напряженное существование. И Уолт, и Билли напряжены, эмоциональны и не хотят уступать. Время от времени напряжение перерастало в словесные перепалки. В моменты гнева то один, то другой часто угрожали разводом. Злоба была скорее дымом, чем огнем, говорит Карин, но «я думаю, что это была одна из причин, по которой мы с Крисом были так близки. Мы научились рассчитывать друг на друга, когда мама и папа не ладили. «Но были и хорошие времена. По выходным и во время школьных каникул семья отправлялась в путь: они ездили в Вирджиния-Бич и на побережье Каролины, в Колорадо, чтобы навестить детей Уолта от первого брака, на Великие озера, в горы Голубого хребта. «Мы расположились в задней части грузовика Chevy Suburban,- объясняет Уолт. «Позже мы купили прицеп Airstream и путешествовали с ним. Крис лю-

бил эти поездки, чем дальше, тем лучше. В семье всегда была небольшая тяга к путешествиям, и с самого начала было ясно, что Крис унаследовал ее. «Во время своих путешествий семья посетила Айрон-Маунтин, штат Мичиган, небольшой шахтерский городок в лесах Верхнего полуострова, который был домом детства Билли. Она была одной из шести детей. Лорен Джонсон, отец Билли, якобы работал водителем грузовика, «но он никогда не задерживался ни на одной работе надолго»,- говорит она. «Папа Билли не совсем вписался в общество,- объясняет Уолт. «Во многих отношениях он и Крис были очень похожи. «Лорен Джонсон был гордым, упрямым и мечтательным лесником, музыкантом-самоучкой, писателем стихов. Вокруг Железной Горы о его взаимопонимании с лесными существами ходили легенды. «Он всегда выращивал диких животных,- говорит Билли. «Он находил какое-нибудь животное в капкане, приносил домой, ампутировал раненую конечность, вылечивал, а потом снова отпускал. Однажды мой папа сбил своим грузовиком мать-олениху, оставив ее олененка сиротой. Он был раздавлен. Но он принес олененка домой и вырастил его в доме, за дровяной печкой, точно так же, как это был один из его детенышей. «Чтобы поддержать свою семью, Лорен предпринял ряд предпринимательских начинаний, но ни одно из них не увенчалось успехом. Какое-то время он выращивал кур, потом норки и шиншиллы. Он открыл конюшню и продавал туристам конные прогулки. Большая часть еды, которую он поставил на стол, была получена с охоты, несмотря на то, что ему было неудобно убивать животных. «Мой папа плакал каждый раз, когда стрелял в оленя,- говорит Билли,- но нам нужно было есть, и он это сделал. Он также работал проводником на охоте, что причиняло ему еще большую боль. «Мужчины из города приезжали на своих больших кадиллаках, и мой папа возил их на неделю в свой охотничий лагерь за трофеем. Он гарантировал им доллар до отъезда, но большинство из них были такими паршивыми стрелами и так много пили, что не могли ни во что попасть, так что ему обычно приходилось стрелять для них в оленей. Боже, он ненавидел это. Лорен, что неудивительно, была очарована Крисом. А Крис обожал своего дедушку. Глубинная смекалка старика, его тяга к дикой природе произвели на мальчика глубокое впечатление. Когда Крису было восемь лет, Уолт взял его с собой в свой первый поход с ночевкой- трехдневный поход в Шенандоа для восхождения на Олд Рэг. Они поднялись на вершину, и всю дорогу Крис нес свой рюкзак. Походы на гору стали традицией отца и сына; После этого они поднимались на Old Rag почти каждый год. Когда Крис подрос, Уолт взял Билли и его детей от обоих браков на пик Лонгс-Пик в Колорадо, на высоту 14 256 футов, самую высокую вер-

шину национального парка Роки-Маунтин. Уолт, Крис и младший сын Уолта от первого брака достигли высоты 13 000 футов. Там, у заметной выемки под названием «Замочная скважина», Уолт решил развернуться. Он устал и чувствовал высоту. Маршрут выше выглядел грязным, открытым и опасным. «У меня было это, хорошо,- объясняет Уолт,- но Крис хотел продолжать идти к вершине. Я сказал ему ни за что. Ему тогда было всего двенадцать, поэтому он мог только жаловаться. Если бы ему было четырнадцать или пятнадцать, он бы просто ушел без меня. Уолт замолкает, рассеянно глядя вдаль. «Крис был бесстрашным, даже когда был маленьким,- говорит он после долгой паузы. «Он не думал, что шансы применимы к нему. Мы всегда пытались оттащить его от края. «Крис был отличником почти во всем, что привлекало его внимание. Академически он принес домой Аса без особых усилий. Только однажды он получил оценку ниже В: F по физике в средней школе. Увидев табель успеваемости, Уолт назначил встречу с учителем физики, чтобы узнать, в чем проблема. «Он был полковником ВВС в отставке,- вспоминает Уолт,- старым парнем, традиционным, довольно жестким. В начале семестра он объяснил, что, поскольку у него около двухсот студентов, лабораторные отчеты должны быть написаны в особом формате, чтобы сделать их оценку легко выполнимой задачей. Крис подумал, что это глупое правило, и решил его игнорировать. Он делал лабораторные отчеты, но не в том формате, поэтому учитель поставил ему пятерку. Поговорив с этим парнем, я пришел домой и сказал Крису, что он получил заслуженную оценку. «И Крис, и Карин разделяли музыкальные способности Уолта. Крис взялся за гитару, фортепиано, валторну. «Было странно видеть в ребенке его возраста,- говорит Уолт,- но он любил Тони Беннета. Он пел такие номера, как «Ночь нежна», а я аккомпанировал ему на фортепиано. Он был хорош. Действительно, в дурацком видео, снятом Крисом в колледже, можно услышать, как он с впечатляющим размахом распевает «Summers by the sea/Sailboats in Capri», напевая, как профессиональный лаунж-певец. Одаренный валторнист, в подростковом возрасте он был членом Симфонического оркестра Американского университета, но ушел, по словам Уолта, после того, как возражал против правил, наложенных лидером школьной группы. Карин вспоминает, что дело было не только в этом: «Он бросил играть отчасти из-за того, что не любил, когда ему говорят, что делать, но также и из-за меня. Я хотел быть похожим на Криса, поэтому тоже начал играть на валторне. И это оказалось единственной вещью, в которой я был лучше, чем он. Когда я был первокурсником, а он старшекласником, я занял первое место в старшей группе, и он никак не мог сесть позади своей проклятой

сестры. «Однако их музыкальное соперничество, похоже, не повредило отношениям между Крисом и Карин. Они были лучшими друзьями с раннего возраста, часами вместе строили крепости из подушек и одеял в своей гостиной в Аннандейле. «Он всегда был очень добр ко мне,- говорит Карин,- и всегда защищал меня. Он держал меня за руку, когда мы шли по улице. Когда он учился в младших классах, а я еще в начальной школе, он уходил раньше меня, но тусовался в доме своего друга Брайана Пасковица, чтобы мы могли идти домой вместе. «Крис унаследовал ангельские черты лица Билли, особенно ее глаза, черная глубина которых выдавала все его эмоции. Хотя он был маленьким- на школьных фотографиях он всегда в первом ряду, самый низкий ребенок в классе- Крис был сильным для своего роста и хорошо скоординирован. Он пробовал свои силы во многих видах спорта, но у него не хватало терпения изучать тонкости любого из них. Когда он катался на лыжах во время семейного отдыха в Колорадо, он редко удосужился повернуться; он просто приседал, как горилла, широко расставляя ноги для устойчивости и направляя доски прямо вниз по склону. Точно так же, говорит Уолт, «когда я пытался научить его играть в гольф, он отказался признать, что форма- это все. Каждый раз Крис делал самый большой замах, который вы когда-либо видели. Иногда он отбивал мяч на триста ярдов, но чаще отбрасывал его на следующий фервей. «У Криса было так много природного таланта,- продолжает Уолт,- но если вы попытаетесь тренировать его, отточить его мастерство, вывести последние десять процентов, стена вырастет. Он сопротивлялся инструкциям любого рода. Я серьезно играю в ракетбол и научил Криса играть, когда ему было одиннадцать. К тому времени, когда ему было пятнадцать или шестнадцать, он регулярно бил меня. Он был очень, очень быстрым и обладал большой силой; но когда я предложил ему поработать над пробелами в его игре, он отказался слушать. Однажды на турнире он столкнулся с сорокапятилетним мужчиной с большим опытом. Крис набрал кучу очков прямо из ворот, но парень методично проверял его, прощупывая его слабости. Как только он понял, какой выстрел доставил Крису больше всего хлопот, Крис увидел только этот выстрел, и все было кончено. «Нюансы, стратегия и все, что выходит за рамки рудиментарной техники, было потрачено на Криса впустую. Единственный способ, которым он хотел справиться с вызовом,- это прямо сейчас, приложив всю тяжесть своей необычайной энергии. И из-за этого часто разочаровывался. Только когда он занялся бегом, занятием, которое вознаграждает волю и решительность больше, чем ловкость или хитрость, он нашел свое спортивное призвание. В возрасте десяти лет он принял участие в сво-

ем первом соревновании по бегу- десятикилометровой шоссейной гонке. Он финишировал шестьдесят девятым, обойдя более тысячи взрослых, и попался на крючок. К тому времени, когда он был подростком, он был одним из лучших бегунов на длинные дистанции в регионе. Когда Крису было двенадцать, Уолт и Билли купили Карине щенка, шотландскую овчарку по кличке Бакли, и у Криси появилась привычка брать питомца с собой на ежедневные тренировки. «Бакли якобы был моей собакой,- говорит Карин,- но они с Крисом стали неразлучны. Бак был быстр и всегда опережал Крису, когда они бежали. Я помню, как Крис был так взволнован, когда впервые добрался до дома раньше Бакли. Он метался по всему дому, крича: «Я побил Бака! Я победил Бака!»» В W. T. Средняя школа Вудсона- крупное государственное учебное заведение в Фэрфаксе, штат Вирджиния, известное своими высокими академическими стандартами и побеждающими в спортивных командах,- Крис был капитаном команды по кроссу. Он наслаждался этой ролью и придумал новые изнурительные режимы тренировок, которые его товарищи по команде до сих пор хорошо помнят. «Он действительно старался изо всех сил,- объясняет Горди Кукуллу, младший член команды. «Крис изобрел эту тренировку, которую он назвал «Воины дороги»: он вел нас на длинные убийственные пробежки через такие места, как фермерские поля и строительные площадки, места, где мы не должны были быть, и намеренно пытался сбить нас с толку. Мы бежали так далеко и так быстро, как только могли, по незнакомым дорогам, через леса, да куда угодно. Вся идея заключалась в том, чтобы потерять ориентацию, толкнуть себя на неизвестную территорию. Затем мы бежали чуть медленнее, пока не находили дорогу, которую узнали, и снова мчались домой на полной скорости. В определенном смысле именно так Крис прожил всю свою жизнь. «МакКэндлесс считал бег исключительно духовным упражнением, граничащим с религией. «Крис использовал духовный аспект, чтобы попытаться мотивировать нас»,- вспоминает Эрик Хэтэуэй, еще один друг в команде. «Он говорил нам подумать обо всем зле в мире, всей ненависти и представить, что мы бежим против сил тьмы, против стены зла, которая пыталась помешать нам бежать изо всех сил. Он считал, что преуспевать- это все умственно, просто вопрос использования любой доступной энергии. Мы, впечатлительные старшеклассники, были поражены такими разговорами. «Но бег не был исключительно делом духа; это также было соревновательным мероприятием. Когда МакКэндлесс бежал, он бежал, чтобы победить. «Крис очень серьезно относился к бегу»,- говорит Крис Макси Гиллмер, партнерша по команде, которая, возможно, была ближайшей подругой МакКэндлесса в Вудсоне. «Я пом-

ню, как стоял на финише, смотрел, как он бежит, и знал, как сильно он хотел преуспеть и как был бы разочарован, если бы сделал хуже, чем ожидал. После неудачной гонки или даже неудачной гонки на время во время тренировки он мог быть очень строг к себе. И не хотел бы об этом говорить. Если я пытался его утешить, он раздражался и отмахивался от меня. Он усвоил разочарование. Он уходил один куда-нибудь и корил себя. «Это был не просто бег, к которому Крис относился так серьезно», - добавляет Гиллмер. «Он был таким во всем. Вы не должны думать о сверхмощных вещах в старшей школе. Но я это сделал, и он тоже, поэтому мы поладили. Мы болтались во время обеденного перерыва у его шкафчика и говорили о жизни, о состоянии мира, о серьезных вещах. Я черный, и я никогда не мог понять, почему все придает такое большое значение расе. Крис говорил со мной о таких вещах. Он понял. Он всегда задавал вопросы таким же образом. Он мне очень понравился. Он был действительно хорошим парнем. «МакКэндлесс близко к сердцу принял несправедливость жизни. На последнем курсе в Вудсоне он стал одержим расовым угнетением в Южной Африке. Он серьезно говорил со своими друзьями о контрабанде оружия в эту страну и участии в борьбе за ликвидацию апартеида. «Иногда мы спорили по этому поводу», - вспоминает Хэтэуэй. «Крис не любил лазить по каналам, работать внутри системы, дожидаясь своей очереди. Он говорил: «Давай, Эрик, мы можем собрать достаточно денег, чтобы поехать в Южную Африку самостоятельно, прямо сейчас». Это просто вопрос решения сделать это. Я бы возразил, сказав, что мы всего лишь пара детей, что мы не можем что-то изменить. Но с ним не поспоришь. Он возвращался с чем-то вроде: «О, я думаю, тебе просто все равно, что правильно, а что нет. «По выходным, когда его школьные приятели посещали «бочонки» и пытались проникнуть в бары Джорджтауна, МакКэндлесс бродил по более захудалым кварталам Вашингтона, болтая с проститутками и бездомными, угощая их едой, искренне предлагая способы, которыми они могли бы заняться. улучшить свою жизнь. «Крис не понимал, как можно позволять людям голодать, особенно в этой стране», - говорит Билли. «Он мог бредить такими вещами часами. «Однажды Крис подобрал бездомного на улице Б. С. , привезли его домой, в зеленый, богатый Аннандейл, и тайно поселили парня в трейлере Airstream, который его родители припарковали рядом с гаражом. Уолт и Билли так и не узнали, что у них бродяга. В другой раз Крис подъехал к дому Хэтэуэя и объявил, что они едут в центр города. "Прохладный!" Хэтэуэй вспоминает, как думал. «Это был вечер пятницы, и я предположил, что мы направляемся в Джорджтаун на вечеринку. Вместо этого Крис припарковался на Четырнадцатой улице, которая в

то время была очень плохой частью города. Затем он сказал: «Знаешь, Эрик, ты можешь читать об этом, но ты не сможешь понять это, пока не проживешь». Сегодня вечером это то, что мы собираемся сделать. Следующие несколько часов мы провели в жутких местах, разговаривая с сутенерами, проститутками и подонками. Я был, типа, напуган. «Ближе к концу вечера Крис спросил меня, сколько у меня денег. Я сказал пять долларов. У него было десять. «Хорошо, ты купишь бензин,- сказал он мне; ‘Я собираюсь принести немного еды. Так что он потратил десять баксов на большую сумку гамбургеров, и мы разъезжали, раздавая их вонючим парням, спящим на решетке. Это был самый странный вечер пятницы в моей жизни. Но Крис часто делал такие вещи. «В начале своего последнего года обучения в Вудсоне Крис сообщил своим родителям, что не собирается поступать в колледж. Когда Уолт и Билли предположили, что ему нужно высшее образование, чтобы сделать карьеру, приносящую удовлетворение, Крис ответил, что карьера- это унижительные «изобретения двадцатого века», скорее помеха, чем актив, и что он прекрасно справится и без нее, спасибо. «Это нас немного взволновало,- признается Уолт. «Мы с Билли из семей рабочих. Высшее образование- это то, к чему мы не относимся легкомысленно, и мы упорно трудились, чтобы иметь возможность отправлять наших детей в хорошие школы. Так что Билли усадила его и сказала: «Крис, если ты действительно хочешь изменить мир, если ты действительно хочешь помочь людям, которым повезло меньше, сначала найди себе рычаги влияния». Поступи в колледж, получи юридическое образование, и тогда ты сможешь оказать реальное влияние. «Крис приносил домой хорошие оценки,- говорит Хэт-эуэй. «У него не было проблем, он был отличником, он делал то, что должен был. У его родителей действительно не было оснований жаловаться. Но они взялись за его дело о поступлении в колледж; и что бы они ему ни сказали, это, должно быть, сработало. Потому что в итоге он пошел к Эмори, хотя считал это бессмысленным, пустой тратой времени и денег. «Несколько удивительно, что Крис уступил давлению Уолта и Билли по поводу учебы в колледже, когда он отказался слушать их о столь многих других вещах. Но в отношениях между Крисом и его родителями недостатка в явных противоречиях никогда не было. Когда Крис навещал Криса Гиллмера, он часто выступал против Уолта и Билли, изображая их неразумными тиранами. Тем не менее своим приятелям-мужчинам- Хэтэуэю, Кукулму и еще одной звезде трека, Энди Хоровитцу,- он почти не жаловался. «У меня сложилось впечатление, что его родители были очень хорошими людьми,- говорит Хэтэуэй,- на самом деле ничем не отличающимися от моих или чьих-либо родителей. Крису просто не

нравилось, когда ему говорили, что делать. Я думаю, что он был бы недоволен любыми родителями; у него были проблемы с самой идеей родителей. «Личность МакКэндлесса поражала своей сложностью. Он был очень закрытым, но мог быть компанейским и общительным до крайности. И, несмотря на его чрезмерно развитую общественную совесть, он не был молчаливым, вечно мрачным благодетелем, который не одобрял забавы. Наоборот, он любил время от времени опрокидывать стакан и был неисправимым хамом. Возможно, самый большой парадокс касался его отношения к деньгам. Уолт и Билли оба познали бедность, когда были молоды, и после того, как изо всех сил пытались подняться над ней, не видели ничего плохого в том, чтобы наслаждаться плодами своего труда. «Мы очень, очень много работали»,- подчеркивает Билли. «Мы обходились без денег, когда дети были маленькими, откладывали то, что зарабатывали, и инвестировали на будущее. Когда будущее наконец наступило, они не стали выставлять напоказ свое скромное богатство, а купили красивую одежду, кое-какие украшения для Билли, «кадиллак». В конце концов они купили таунхаус в заливе и парусную лодку. Они возили детей в Европу, катались на лыжах в Брекенридже, в круизе по Карибскому морю. И Крис, признает Билли, «был смущен всем этим. «Ее сын, толстовец-подросток, считал богатство постыдным, развращающим и злом по своей сути- что иронично, потому что Крис был прирожденным капиталистом со сверхъестественным умением делать деньги. «Крис всегда был предпринимателем,- смеется Билли. "Всегда. «В возрасте восьми лет он выращивал овощи за домом в Аннандейле, а затем продавал их от двери к двери по всему району. «Вот этот симпатичный маленький мальчик вез тележку, полную свежесобраных бобов, помидоров и перца»,- говорит Карин. «Кто мог устоять? И Крис это знал. У него было бы такое выражение лица, как будто я чертовски милый! Хочешь купить бобов?» К тому времени, как он вернется домой, фургон будет пуст, а в руке у него будет куча денег. «Когда Крису было двенадцать, он напечатал стопку листовок и открыл копировальный бизнес по соседству, Chris's Fast Copies, предложив бесплатный самовывоз и доставку. Используя копировальный аппарат в офисе Уолта и Билли, он платил своим родителям несколько центов за копию, брал с покупателей на два цента меньше, чем в магазине на углу, и получал приличную прибыль. В 1985 году, после первого года обучения в Вудсоне, местный строительный подрядчик нанял Крису, чтобы он проводил опросы по районам на предмет продажи, подгоняя сайдинг и переделывая кухни. И он был удивительно успешным продавцом, которому не было равных. За несколько месяцев под его началом работало полдюжины других студентов, и он

положил на свой банковский счет семь тысяч долларов. Часть денег он потратил на покупку желтого Datsun, подержанного B210. Крис обладал таким выдающимся умением продавать, что весной 1986 года, когда Крис приближался к окончанию средней школы, владелец строительной компании позвонил Уолту и предложил оплатить обучение Криса в колледже, если Уолт убедит своего сына остаться в Аннандейле и сохранить работать, пока он ходит в школу, вместо того, чтобы бросить работу и уехать в Эмори. «Когда я упомянул об этом предложении Крису,- говорит Уолт,- он даже не стал его рассматривать. Он сказал своему боссу, что у него есть другие планы. «Как только школа закончится, заявил Крис, он собирается сесть за руль своей новой машины и провести лето, разъезжая по стране. Никто не предполагал, что это путешествие станет первым в череде длительных трансконтинентальных приключений. И никто в его семье не мог предвидеть, что случайное открытие во время этого начального путешествия в конечном итоге повернет его внутрь и прочь, вовлекая Криса и тех, кто его любил, в трясину гнева, непонимания и печали.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ АННАНДЕЙЛ

Вместо любви, денег и славы дай мне правду. Я сидел за столом, где была богатая еда и вино в изобилии, подобострастное обслуживание, но не было искренности и правды; и я ушел голодный от негостеприимного стола. Гостеприимство было холодным, как лед. Генри Дэвид Торо, Уолден, или жизнь в лесу, отрывок, выделенный в одной из книг, найденных с останками Криса МакКэндлесса. Вверху страницы рукой МакКэндлесса большими печатными буквами было написано слово «правда». Ведь дети невинны и любят справедливость, тогда как большинство из нас злы и, естественно, предпочитают милосердие. Г. К. Честертон В 1986 году, в знойные весенние выходные, когда Крис окончил среднюю школу Вудсона, Уолт и Билли устроили для него вечеринку. День рождения Уолта был 10 июня, всего через несколько дней, и на вечеринке Крис преподнес отцу подарок: очень дорогой телескоп Questar. «Я помню, как сидела там, когда он подарил папе телескоп,- говорит Карин. «Той ночью Крис выпил несколько рюмок и был изрядно ошеломлен. Он стал очень эмоциональным. Он почти плакал, сдерживая слезы, говоря папе, что, несмотря на то, что у них были разногласия за эти годы, он благодарен за все, что папа сделал для него. Крис сказал, как сильно он уважает папу за то, что он начал с нуля, проучился в колледже, рвал задницу, чтобы содержать восьмерых детей. Это была трогательная речь. Там все задыхались. А потом он уехал в свое путешествие. «Уолт и Билли не пытались воспрепятствовать отъезду Криса, хотя уговорили его взять кредитную карту Уолта Техасо на случай непредвиденных обстоятельств и потребовали от сына обещания звонить домой каждые три дня. «Все время, пока его не было, у нас было сердце во рту,- говорит Уолт,- но остановить его было невозможно. «Покинув Вирджинию, Крис поехал на юг, а затем на запад через плоские равнины Техаса, через жару Нью-Мексико и Аризоны и прибыл на побережье Тихого океана. Поначалу он соблюдал договоренность регулярно звонить, но с течением лета звонки становились все реже и реже. Он вернулся домой только за два дня до начала осеннего семестра в Эмори. Когда он вошел в дом Аннандейлов, у него была неряшливая борода, длинные спутанные волосы, и он сбросил тридцать фунтов в своем и без того худощавом теле. «Как только я узнала, что он дома,- говорит Карин,- я побежала к нему в комнату, чтобы поговорить с ним. Он был на кровати, спал. Он был таким худым. Он был похож на те картины с изображением Иисуса на кресте. Когда мама увидела, как сильно он похудел, она была в полном отчаянии. Она начала готовить как сумасшедшая, чтобы попытаться наложить немного мяса

обратно на его кости. «Ближе к концу своего путешествия выяснилось, что Крис заблудился в пустыне Мохаве и чуть не умер от обезвоживания. Его родители были крайне встревожены, когда услышали об этом столкновении с катастрофой, но не знали, как убедить Криса быть более осторожным в будущем. «Крис был хорош почти во всем, что он когда-либо пробовал,- размышляет Уолт,- что делало его в высшей степени самоуверенным. Если вы попытаетесь отговорить его от чего-то, он не будет спорить. Он просто вежливо кивал, а затем делал именно то, что хотел. «Поэтому сначала я ничего не говорил об аспекте безопасности. Я играл с Крисом в теннис, говорил о других вещах, а затем, в конце концов, обсудил с ним риски, на которые он пошел. К тому времени я уже понял, что прямой подход- «Ей-богу, тебе лучше не повторять такой трюк!»- с Крисом не работает. Вместо этого я попытался объяснить, что мы не возражаем против его путешествий; мы просто хотели, чтобы он был немного осторожнее и лучше информировал нас о своем местонахождении. К ужасу Уолта, Крис рассердился на этот маленький отеческий совет. Единственный эффект, который это, казалось, имело, состоял в том, чтобы сделать его еще менее склонным делиться своими планами. «Крис,- говорит Билли,- думал, что мы идиоты, раз беспокоимся о нем. «Во время своих путешествий Крис приобрел мачете и пистолет. 30-06, и когда Уолт и Билли отвезли его в Атланту, чтобы поступить в колледж, он настоял на том, чтобы взять с собой большой нож и пистолет. «Когда мы поднялись с Крисом в его комнату в общежитии,- смеется Уолт,- я подумал, что у родителей его соседа по комнате сейчас же случится инсульт. Сосед по комнате был опрятным парнем из Коннектикута, одетым как «Джо Колледж», и Крис входит с косматой бородой и изношенной одеждой, похожий на Джеремайю Джонсона, с мачете и ружьем для охоты на оленей. Но вы знаете, что? Через девяносто дней опрятный сосед по комнате бросил учебу, а Крис попал в список декана. «К приятному удивлению родителей, поскольку учебный год затянулся, Крис, казалось, был в восторге от пребывания в Эмори. Он побрился, подстригся и снова принял чисто выбритый вид, который у него был в старшей школе. Его оценки были почти идеальными. Он начал писать для школьной газеты. Он даже с энтузиазмом говорил о том, что после выпуска получит степень юриста. «Эй,- однажды похвастался Крис Уолту,- я думаю, что моих оценок будет достаточно, чтобы поступить в Гарвардскую юридическую школу. «Летом после первого года обучения в колледже Крис вернулся в Аннандейл и работал в компании своих родителей, разрабатывая компьютерное программное обеспечение. «Программа, которую он написал для нас тем летом, была безупречной,- говорит Уолт. «Мы используем

ее до сих пор и продали копии программы многим клиентам. Но когда я попросил Криса показать мне, как он это написал, объяснить, почему это работает именно так, он отказался. «Все, что вам нужно знать, это то, что это работает»,- сказал он.- Тебе не нужно знать, как и почему. Крис просто был Крисом, но меня это бесило. Из него вышел бы отличный агент ЦРУ- я серьезно; Я знаю парней, которые работают на ЦРУ. Он рассказал нам то, что, по его мнению, нам нужно было знать, и ничего более. Он был таким во всем. «Многие аспекты личности Криса сбивали с толку его родителей. Он мог быть щедрым и заботливым до предела, но у него была и более темная сторона, характеризующаяся мономанией, нетерпением и непоколебимой эгоцентричностью- качества, которые, казалось, усилились в студенческие годы. «Я видел Криса на вечеринке после второго года обучения в Эмори,- вспоминает Эрик Хэтэуэй,- и было очевидно, что он изменился. Он казался очень замкнутым, почти холодным. Когда я сказал: «Привет, рад тебя видеть, Крис», он ответил цинично: «Да, конечно, все так говорят». Было трудно заставить его открыться. Его учёба была единственной вещью, о которой ему было интересно говорить. Социальная жизнь в Эмори вращалась вокруг братств и женских клубов, чего Крис не хотел принимать. Я думаю, что когда все начали переходить на греческий язык, он как бы отстранился от своих старых друзей и больше погрузился в себя. «Летом между вторым и младшим курсами Крис снова вернулся в Аннандейл и устроился доставщиком пиццы в Domino's. «Его не волновало, что это не круто»,- говорит Карин. «Он заработал кучу денег. Я помню, как он приходил домой каждую ночь и вел бухгалтерию за кухонным столом. Неважно, насколько он устал; он подсчитывал, сколько миль он проехал, сколько Domino заплатила ему за бензин, сколько бензин на самом деле стоил, его чистую прибыль за вечер, как она по сравнению с тем же вечером прошлой неделей. Он за всем следил и показывал мне, как это делать, как заставить бизнес работать. Похоже, его интересовали не столько деньги, сколько тот факт, что он умел их зарабатывать. Это было похоже на игру, а деньги были способом вести счет. Отношения Криса с родителями, которые были необычайно вежливы с момента его окончания средней школы, тем летом значительно ухудшились, и Уолт и Билли понятия не имели, почему. По словам Билли, «он стал чаще злиться на нас, стал более замкнутым- нет, это не то слово. Крис никогда не был отозван. Но он не говорил нам, что у него на уме, и проводил больше времени в одиночестве. Тлеющий гнев Криса, как оказалось, подогревался открытием, которое он сделал двумя годами ранее, во время своих странствий по пересеченной местности. Приехав в Калифорнию, он посетил район

Эль-Сегундо, где провел первые шесть лет своей жизни. Он позвонил нескольким старым друзьям семьи, которые все еще жили там, и из их ответов на его вопросы Крис собрал воедино факты о предыдущем браке своего отца и последующих фактах развода, в которые он не был посвящен. Расставание Уолта с его первой женой Марсией не было чистым или дружеским расставанием. Спустя долгое время после того, как он влюбился в Билли, спустя много времени после того, как она родила Криса, Уолт тайно продолжал свои отношения с Марсией, деля свое время между двумя домохозяйствами, двумя семьями. Ложь была рассказана, а затем разоблачена, порождая новую ложь, чтобы объяснить первоначальные обманы. Через два года после рождения Криса у Уолта родился еще один сын- Куинн МакКэндлесс- от Марсии. Когда всплыла двойная жизнь Уолта, разоблачения нанесли ему глубокие раны. Все стороны ужасно пострадали. В конце концов, Уолт, Билли, Крис и Карин переехали на Восточное побережье. Развод с Марсией был, наконец, завершен, что позволило Уолту и Билли узаконить свой брак. Все они, как могли, оставили суматоху позади и продолжили свою жизнь. Прошло два десятилетия. Мудрость накопилась. Вина, обида и ревнивая ярость ушли в далекое прошлое; оказалось, что буря утихла. А затем, в 1986 году, Крис поехал в Эль-Сегундо, объехал старый район и узнал об этом эпизоде во всех его болезненных подробностях. «Крис был из тех, кто размышляет о вещах,- замечает Карин. «Если бы его что-то беспокоило, он бы не вышел и не сказал об этом. Он держал это при себе, скрывая свое негодование, позволяя плохим чувствам накапливаться и накапливаться. Похоже, именно это и произошло после открытий, сделанных им в Эль-Сегундо. Дети могут быть суровыми судьями, когда дело касается их родителей, не склонными к помилованию, и это было особенно верно в случае с Крисом. Даже больше, чем большинство подростков, он склонен видеть вещи в черно-белых тонах. Он измерял себя и окружающих невероятно строгим моральным кодексом. Любопытно, что Крис не предъявлял всем одинаковые строгие стандарты. Одним из тех, кем он заявлял, что последние два года своей жизни очень восхищается, был пьяница и неисправимый аферист, который регулярно избивал своих по-друг. Крис прекрасно знал о недостатках этого человека, но сумел их простить. Он также умел прощать или не замечать недостатки своих литературных героев: Джек Лондон был известным пьяницей; Толстой, несмотря на свою знаменитую пропаганду безбрачия, в молодости был энтузиастом сексуальных авантюристов и стал отцом по меньшей мере тринадцати детей, некоторые из которых были зачаты в то же время, когда суровый граф громил в печати о пороках секса. Как и многие лю-

ди, Крис судил о художниках и близких друзьях по их работе, а не по жизни, но по темпераменту он был неспособен проявить такую снисходительность к отцу. Всякий раз, когда Уолт МакКэндлесс в своей суровой манере делал отеческое замечание Крису, Карине или их сводным братьям и сестрам, Крис заикливался на не совсем безупречном поведении своего отца много лет назад и молча осуждал его как мудака. ханжеский лицемер. Крис вел аккуратный счет. И со временем он довел себя до ярости самодовольного негодования, которую было невозможно сдержать. После того, как Крис раскопал подробности развода Уолта, прошло два года, прежде чем его гнев начал просачиваться на поверхность, но в конце концов это произошло. Мальчик не мог простить ошибок, допущенных его отцом в юности, и еще меньше он хотел простить попытку сокрытия. Позже он заявил Карине и другим, что из-за обмана, совершенного Уолтом и Билли, «все его детство кажется вымыслом. Но он не противопоставлял своим родителям то, что знал, ни тогда, ни когда-либо. Вместо этого он предпочел скрыть свое темное знание и выразить свою ярость косвенно, в молчании и угрюмой замкнутости. В 1988 году, по мере того как обида Криса на своих родителей усиливалась, росло и его чувство возмущения несправедливостью в мире в целом. Тем летом, вспоминает Билли, «Крис начал жаловаться на всех богатых детей в Эмори. Все больше и больше занятий, которые он посещал, касались таких насущных социальных проблем, как расизм, мировой голод и несправедливость в распределении богатства. Но, несмотря на его отвращение к деньгам и демонстративное потребление, политические пристрастия Криса нельзя было назвать либеральными. Действительно, ему нравилось высмеивать политику Демократической партии, и он был ярким поклонником Рональда Рейгана. В Эмори он зашел так далеко, что стал соучредителем Республиканского клуба колледжа. Казалось бы, аномальная политическая позиция Криса, пожалуй, лучше всего выражена в заявлении Торо в «Гражданском неповиновении»: «Я всем сердцем принимаю девиз: «Лучше то правительство, которое правит меньше всего». «Кроме того, его взгляды было нелегко охарактеризовать. В качестве помощника редактора редакционной страницы The Emory Wheel он написал множество комментариев. Читая их спустя полвека, вспоминаешь, каким молодым был МакКэндлесс и каким страстным. Мнения, которые он выражал в печати, аргументированные идиосинкразической логикой, были повсюду. Он высмеивал Джимми Картера и Джо Байдена, призывал к отставке генерального прокурора Эдвина Миза, раскритиковал сторонников библейских правых христиан, призывал к бдительности в отношении советской угрозы, критиковал японцев за охоту на китов и за-

щищал Джесси Джексона как жизнеспособного кандидата в президенты. В типично несдержанном заявлении главная фраза редакционной статьи МакКэндлесса от 1 марта 1988 года гласит: «Сейчас начался третий месяц 1988 года, и он уже обещает стать одним из самых политически коррумпированных и скандальных годов в истории. современная история...» Крис Моррис, редактор газеты, вспоминает МакКэндлесса как «интенсивного». «Для его сокращающегося числа собратьев МакКэндлесс с каждым месяцем становился все более интенсивным. Как только занятия закончились весной 1989 года, Крис отправился на своем Datsun в еще одну длительную импровизированную поездку. «За все лето мы получили от него только две открытки,- говорит Уолт. «Первый сказал: «Направился в Гватемалу. Когда я прочитал это, я подумал: «Боже мой, он идет туда, чтобы сражаться за повстанцев». Его собираются поставить перед стеной и расстрелять. Затем, ближе к концу лета, пришла вторая карточка, и все, что в ней было сказано, было: «Завтра уезжаем из Фэрбенкса, увидимся через пару недель». Выяснилось, что он передумал и вместо того, чтобы ехать на юг, поехал на Аляску. «Грязная, пыльная дорога по Алясскому шоссе была первым визитом Криса на Крайний Север. Это была сокращенная поездка- он провел немного времени в Фэрбенксе, затем поспешил на юг, чтобы вернуться в Атланту как раз к началу осенних занятий,- но его поразила необъятность земли, призрачный оттенок ледников. , под прозрачным субарктическим небом. Никогда не было вопроса, что он вернется. На последнем курсе в Эмори Крис жил за пределами кампуса в своей голой, спартанской комнате, обставленной ящиками из-под молока и матрасом на полу. Немногие из его друзей когда-либо видели его вне занятий. Профессор дал ему ключ для доступа в нерабочее время в библиотеку, где он проводил большую часть своего свободного времени. Энди Горовиц, его близкий школьный друг и товарищ по команде по пересеченной местности, однажды рано утром перед выпускным наткнулся на Криса среди стогов. Хотя Горовиц и МакКэндлесс были одноклассниками в Эмори, прошло уже два года с тех пор, как они виделись. Несколько минут они неловко разговаривали, затем МакКэндлесс скрылся в кабинке. В тот год Крис редко связывался со своими родителями, а поскольку у него не было телефона, они не могли легко связаться с ним. Уолта и Билли все больше беспокоила эмоциональная дистанция их сына. В письме Крису Билли умоляла: «Ты полностью отдалился от всех, кто любит тебя и заботится о тебе. Что бы это ни было, с кем бы вы ни были, вы думаете, что это правильно? Крис увидел в этом вмешательство и назвал письмо «глупым», когда разговаривал с Карин.- Что она имеет в виду под «с кем бы я ни бы-

ла»? Крис ругал сестру. «Она, должно быть, с ума сошла. Вы знаете, что я ставлю? Бьюсь об заклад, они думают, что я гомосексуал. Как им вообще пришла в голову эта идея? Что за сборище имбецилов. «Весной 1990 года, когда Уолт, Билли и Карин присутствовали на выпускной церемонии Криса, они думали, что он выглядит счастливым. Когда они смотрели, как он шагает по сцене и берет свой диплом, он улыбался от уха до уха. Он указал, что планирует еще одну продолжительную поездку, но дал понять, что перед тем, как отправиться в путь, навестит свою семью в Ан-нандале. Вскоре после этого он пожертвовал остаток своего банковского счета организации ОХФМ, загрузил машину и исчез из их жизни.

С тех пор он тщательно избегал контактов ни со своими родителями, ни с Кариной, сестрой, о которой он якобы очень заботился. «Мы все волновались, когда ничего от него не слышали,- говорит Карин,- и я думаю, что беспокойство моих родителей было смешано с болью и гневом. Но я не чувствовал себя обиженным из-за того, что он не написал. Я знал, что он счастлив и делает то, что хочет; Я понимал, что ему важно увидеть, насколько независимым он может быть. И он знал, что если он напишет или позвонит мне, мама и папа узнают, где он, прилетят туда и попытаются вернуть его домой. Уолт не отрицает этого. «У меня нет вопросов,- говорит он. «Если бы у нас была хоть малейшая идея, где искать- ладно,- я бы тут же отправился туда, установил его местонахождение и привел бы нашего мальчика домой. «По мере того, как проходили месяцы, а о Крисе не было ни слова, а затем и годы, тревога нарастала. Билли никогда не выходила из дома, не оставив на двери записку для Криса. «Всякий раз, когда мы ехали и видели автостопщика,- говорит она,- если он был хоть немного похож на Криса, мы оборачивались и кружили назад. Это было ужасное время. Хуже всего было ночью, особенно когда было холодно и ветрено. Вы спросите: «Где он? Он теплый? Он ранен? Он одинок? С ним все в порядке?» «В июле 1992 года, через два года после того, как Крис уехал из Атланты, Билли спала в Чесапик-Бич, когда резко села посреди ночи, разбудив Уолта. «Я была уверена, что услышала, как Крис зовет меня»,- настаивает она, слезы катятся по ее щекам. «Я не знаю, как я когда-нибудь переживу это. Я не мечтал. Я этого не представлял. Я слышал его голос! Он умолял: «Мама! Помогите мне!» Но я не мог ему помочь, потому что не знал, где он. И это было все, что он сказал: «Мама! Помогите мне!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ВИРДЖИНИЯ-БИЧ

Физическое владение страны имело во мне своего двойника. Следы, которые я проложил, вели наружу, в холмы и болота, но они также вели внутрь. И из изучения вещей под ногами, из чтения

и размышлений пришло своего рода исследование себя и земли. Со временем эти двое стали одним в моем сознании. С собирательной силой сущностной вещи, реализующей себя из ранней почвы, я столкнулся в себе со страстным и цепким стремлением- навсегда отложить в сторону мысль и все хлопоты, которые она приносит, все, кроме ближайшего желания, прямого и ищущего. Идти по следу и не оглядываться. Будь то пешком, в кеды или на санях, в летние холмы и их тени позднего мороза - высокое пламя, беговая дорожка в снегу укажет, куда я ушел. Пусть остальное человечество найдет меня, если сможет. Джон Хейнс, звезды, снег, огонь: двадцать пять лет в северной глуши Две фотографии в рамках стоят на каминной полке в доме Карин МакКэндлесс в Вирджиния-Бич: на одной Крис учится в средней школе, на другой Крис семилетняя девочка в маленьком костюме и с кривым галстуком стоит рядом с Кариной, на которой платье с оборками и новая пасхальная шляпка. «Что удивительно,- говорит Карин, изучая фотографии своего брата,- так это то, что, несмотря на то, что фотографии были сделаны с разницей в десять лет, выражение его лица идентично. Она права: на обеих фотографиях Крис смотрит в объектив с таким же задумчивым непокорным прищуром, как будто его прервали на середине важной мысли, и он раздражен тем, что тратит время перед камерой. Выражение его лица наиболее поразительно на пасхальной фотографии, потому что оно так сильно контрастирует с буйной улыбкой Карин в том же кадре. «Это Крис»,- говорит она с ласковой улыбкой, проводя кончиками пальцев по поверхности изображения. «Он часто получал такой взгляд. «На полу у ног Карин лежит Бакли, шотландская овчарка, к которой Крис был так привязан. Сейчас ему тринадцать лет, у него побелела морда, и он ковыляет с артритной хромотой. Однако, когда Макс, восемнадцатимесячный ротвейлер Карин, вторгается на территорию Бакли, большая маленькая собачка ничего не думает о том, чтобы столкнуться с гораздо более крупным животным громким лаем и серией метких укусов, заставляя 130-фунтового зверя бежать. для безопасности. «Крис был без ума от Бака,- говорит Карин. «Тем летом, когда он исчез, он хотел взять Бака с собой. После того, как он закончил Эмори, он спросил маму и папу, может ли он приехать за Баком, но они отказались, потому что Бакли только что сбила машина, и он все еще выздоравливал. Теперь, конечно, они сомневаются в решении, хотя Бак действительно сильно пострадал; Ветеринар сказал, что после той аварии он больше никогда не сможет ходить. Мои родители не могут не задаться вопросом- и я, признаюсь, тоже не могу,- как все могло бы обернуться иначе, если бы Крис взял Бака с собой. Крис не раздумывал, прежде чем рисковать собственной

жизнью, но он никогда бы не стал подвергать Бакли какой бы то ни было опасности. Он бы ни за что не рискнул, если бы Бак был с ним. «При росте пять футов восемь дюймов, Карин МакКэндлесс такого же роста, как и ее брат, может быть, на дюйм выше, и выглядит настолько похожей на него, что люди часто спрашивали, не близнецы ли они. Оживленная болтушка, она отбрасывает с лица волосы до талии, встряхивая головой, когда говорит, и рассекает воздух маленькими выразительными руками для акцента. Она босиком. На ее шее свисает золотое распятие. На ее аккуратно выглаженных джинсах спереди есть складки. Как и Крис, Карин энергична и уверена в себе, успешна и быстро высказывает свое мнение. Как и Крис, в подростковом возрасте она яростно конфликтовала с Уолтом и Билли. Но различий между братьями и сестрами было больше, чем сходства. Карин помирилась с родителями вскоре после исчезновения Криса и сейчас, в свои двадцать два года, называет их отношения «чрезвычайно хорошими». «Она гораздо более общительна, чем Крис, и не может представить себе, что уйдет в пустыню или вообще куда-нибудь еще в одиночестве. И хотя она разделяет возмущение Криса по поводу расовой несправедливости, Карин не возражает против богатства- моральных или иных. Недавно она купила новый дорогой дом и регулярно работает по четырнадцать часов в день в C. A. P. Services, Incorporated, авторемонтный бизнес, которым она владеет вместе со своим мужем Крисом Фишем в надежде заработать свой первый миллион в раннем возрасте. «Я всегда вмешивалась в дело мамы и папы, потому что они все время работали и никогда не были рядом,- размышляет она с самодовольным смехом,- а теперь посмотри на меня: я делаю то же самое. Крис, признается она, высмеивала ее капиталистическое рвение, называя ее герцогиней Йоркской, Ивановой Трамп МакКэндлесс и «восходящей преемницей Леоны Хелмсли». Однако его критика сестры никогда не выходила за рамки добродушных насмешек; Крис и Карин были необычайно близки. В письме, описывающем его ссоры с Уолтом и Билли, Крис однажды написал ей: «В любом случае, мне нравится говорить с тобой об этом, потому что ты единственный человек в мире, который может понять, о чем я говорю. «Спустя десять месяцев после смерти Криса Карин все еще глубоко скорбит о своем брате. «Кажется, я не могу прожить и дня без слез»,- говорит она с недоумением. «Почему-то хуже всего, когда я один в машине. Ни разу мне не удавалось совершить двадцатиминутную поездку от дома до магазина, не думая о Крисе и не ломаясь. Я справляюсь с этим, но когда это происходит, это тяжело. «Вечером 17 сентября 1992 года Карин купала своего ротвейлера, когда Крис Фиш остановился на подъездной дорожке. Она была удивлена, что

он так рано вернулся домой; обычно Фиш работал до поздней ночи в С. А. Р. Услуги. «Он вел себя забавно,- вспоминает Карин. «У него было ужасное выражение лица. Он вошел внутрь, вернулся и начал помогать мне мыть Макса. Тогда я понял, что что-то не так, потому что Рыба никогда не моет собаку. «Мне нужно поговорить с тобой,- сказал Фиш. Карина последовала за ним в дом, прополоскала ошейники Макса в кухонной раковине и прошла в гостиную. «Фиш сидел на диване в темноте с опущенной головой. Он выглядел совершенно обиженным. Пытаясь подшутить над его настроением, я сказал: «Что с тобой?» Я подумал, что его приятели, должно быть, трахнули его на работе, может быть, сказали ему, что видели меня с другим парнем или что-то в этом роде. Я засмеялся и спросил: «Ребята тебя утомили?» Но он не засмеялся в ответ. Когда он посмотрел на меня, я увидел, что его глаза были красными. «Это твой брат,- сказал Фиш. «Они нашли его. Он мертв. Сэм, старший ребенок Уолта, позвонил Фишу на работу и сообщил ему новости. Глаза Карины затуманились, и она почувствовала начало туннельного зрения. Невольно она начала мотать головой взад-вперед, взад-вперед. «Нет,- поправила она его,- Крис не умер. Потом она начала кричать. Ее причитания были такими громкими и непрерывными, что Фиш забеспокоился, что соседи решат, что он причиняет ей вред, и вызовут полицию. Карина свернулась калачиком на кушетке в позе эмбриона и безостановочно завывала. Когда Фиш попытался утешить ее, она оттолкнула его и закричала, чтобы он оставил ее в покое. Она оставалась в истерике в течение следующих пяти часов, но к одиннадцати часам она достаточно успокоилась, чтобы бросить одежду в сумку, сесть в машину с Фишем и позволить ему отвезти ее к дому Уолта и Билли в Чесапик-Бич. -часовая поездка на север. По пути из Вирджиния-Бич Карин попросила Фиша остановиться в их церкви. «Я вошла и просидела у алтаря около часа, а Фиш остался в машине»,- вспоминает Карин. «Я хотел получить ответы от Бога. Но я ничего не получил. «Ранее вечером Сэм подтвердил, что на фотографии неизвестного путешественника, отправленной по факсу с Аляски, действительно был Крис, но коронеру в Фэрбенксе потребовались стоматологические записи Криса, чтобы установить окончательную идентификацию. Чтобы сравнить рентгеновские снимки, потребовалось больше дня, и Билли отказывалась смотреть на фотографию, отправленную по факсу, пока не была завершена идентификация зубов и не осталось никаких сомнений в том, что голодный мальчик, найденный в автобусе у реки Сушана, был ее сын. На следующий день Карин и Сэм полетели в Фэрбенкс, чтобы забрать домой останки Криса. В офисе coronera им передали горстку вещей, найденных вместе с телом: вин-

товку Криса, бинокль, удочку, которую дал ему Рональд Франц, один из швейцарских армейских ножей, который дал ему Ян Буррес, книгу по растениям, в котором был написан его дневник, фотоаппарат «Минолта» и пять рулонов пленки- больше ничего. Коронер передал ей через стол какие-то бумаги; Сэм подписал их и вернул обратно. Менее чем через двадцать четыре часа после приземления в Фэрбенксе Кэрин и Сэм полетели в Анкоридж, где тело Криса было кремировано после вскрытия в Научной лаборатории по расследованию преступлений. Морг доставил прах Криса в отель в пластиковой коробке. «Я была удивлена, насколько большой была коробка,- говорит Карин. «Его имя было напечатано неправильно. На этикетке было написано Кристофер Р.

Его средний инициал на самом деле J. Меня напрягло, что они не поняли. Я был безумен. Тогда я подумал: «Крису все равно. Он бы подумал, что это смешно. «На следующее утро они сели на самолет в Мэриленд. Карина носила прах брата в своем рюкзаке. Во время полета домой Карин съела все, что бортпроводники поставили перед ней, «хотя,- говорит она,- это была ужасная еда, которую подают в самолетах. Я просто не мог вынести мысли о том, чтобы выбросить еду, так как Крис умер от голода. Однако в последующие недели она обнаружила, что ее аппетит пропал, и она похудела на десять фунтов, что заставило ее друзей беспокоиться о том, что у нее началась анорексия. Вернувшись в Чесапик-Бич, Билли тоже перестала есть. Крошечная сорокавосемилетняя женщина с девичьими чертами лица сбросила восемь фунтов, прежде чем к ней наконец вернулся аппетит. Уолт реагировал иначе, навязчиво ел и набрал восемь фунтов. Месяц спустя Билли сидит за своим обеденным столом, просматривая фотографии последних дней Криса. Это все, что она может сделать, чтобы заставить себя изучить нечеткие снимки. Изучая фотографии, она время от времени срывается, плача так, как может плакать только мать, пережившая ребенка, выдавая чувство потери настолько огромной и непоправимой, что разум отказывается принять меры. Такая тяжелая утрата, наблюдаемая с близкого расстояния, делает даже самые красноречивые извинения за опасные действия звучащими глупо и пусто. «Я просто не понимаю, почему он должен был так рисковать»,- протестует Билли сквозь слезы. «Я просто вообще ничего не понимаю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ СТИКИНСКАЯ ЛЕДЯНАЯ ШАПКА

Рос буйным телом, но с нервным, жаждущим умом. Хотелось чего-то большего, чего-то осязаемого. Он напряженно искал реальность, всегда как будто ее не было... Но вы сразу видите, что я делаю. Я поднимаюсь. John Menlove Edwards, «письмо от мужчины» / сейчас не могу точно сказать, это было так давно, при каких обстоятельствах я впервые поднялся наверх, только то, что я содрогался, когда шел (у меня есть смутное воспоминание о том, что я провел ночь в одиночестве), - и затем я неуклонно поднимался по скалистому хребту, наполовину покрытому тонкими деревьями, где обитали дикие звери, пока я полностью не потерял себя в верхнем воздухе и облаках, как будто пройдя воображаемую линию, которая отделяет холм, просто нагромождение земли, с горы в надземное величие и величественность. Что отличает эту вершину над земной чертой, так это то, что она неуправляемая, ужасная, величественная. Оно никогда не может стать привычным; вы потеряны в тот момент, когда ступите туда. Ты знаешь путь, но блуждаешь, взволнованный, по голой и бездорожной скале, как если бы она была застывшим воздухом и облаком. Эта скалистая туманная вершина, спрятанная в облаках, была гораздо более волнующе ужасной и возвышенной, чем кратер вулкана, извергающего огонь. Генри Дэвид Торо, журнал В последней открытке, которую он отправил Уэйну Вестербергу, МакКэндлесс написал: «Если это приключение окажется фатальным и вы больше никогда обо мне не услышите, я хочу, чтобы вы знали, что вы великий человек. Теперь я иду в дикую природу. Когда приключение действительно оказалось роковым, это мелодраматическое заявление породило многочисленные слухи о том, что мальчик с самого начала был склонен к самоубийству, что, когда он вошел в кусты, он не собирался когда-либо снова выходить. Однако я не уверен. Мое подозрение, что смерть МакКэндлесса была незапланированной, что это был ужасный несчастный случай, исходит от чтения тех немногих документов, которые он оставил после себя, и от прослушивания мужчин и женщин, которые проводили с ним время в последний год его жизни. Но мое понимание намерений Криса МакКэндлесса также исходит из более личной точки зрения. В юности, как мне рассказывали, я был своенравным, эгоцентричным, временами безрассудным, капризным. Я разочаровал отца обычным способом. Подобно МакКэндлессу, фигуры мужского авторитета вызывали во мне сбивающую с толку смесь скрытой ярости и жажды угодить. Если что-то захватывало мое недисциплинированное воображение, я преследовал его с рвением, граничащим с одержимостью, и с семнадцати до двадцати

лет этим занятием было альпинизм. Большую часть времени бодрствования я посвящал фантазиям, а затем и предпринятию восхождений на далекие горы Аляски и Канады — на неизвестные шпильки, крутые и пугающие, о которых никто в мире, кроме горстки альпинистов-гиков, никогда не слышал. Из этого действительно вышло что-то хорошее. Сосредоточиваясь на одной вершине за другой, мне удавалось не сбиться с пути в густом пост-юношеском тумане. Скалолазание имело значение. Опасность залила мир галогенным сиянием, отчего все — изгиб скалы, оранжевые и желтые лишайники, текстура облаков — выступило в ярком рельефе. Жизнь загудела на более высокой ноте. Мир стал реальным. В 1977 году, размышляя на стуле в баре в Колорадо, к несчастью ковыряясь в своих экзистенциальных болячках, мне пришла в голову мысль взобраться на гору под названием «Дьявольский палец». Вторжение диорита, вылепленное древними ледниками в пик огромных и впечатляющих размеров, Большой Палец особенно внушительный с севера: его великая северная стена, на которую никто никогда не поднимался, отвесно и чисто возвышается на шесть тысяч футов над ледником на его вершине. база, вдвое превышающая высоту Эль-Капитана в Йосемити. Я поеду на Аляску, проеду на лыжах от моря через тридцать миль ледникового льда и поднимусь на этот могучий нордванд. Более того, я решил сделать это один. Мне было двадцать три года, на год моложе Криса МакКэндлесса, когда он вошел в буш Аляски. Мои рассуждения, если их можно так назвать, были воспламенены разбросанными юношескими страстями и литературной диетой, чрезмерно богатой произведениями Ницше, Керуака и Джона Менлова Эдвардса, последнего, глубоко обеспокоенного писателя и психиатра, который до положивший конец своей жизни с помощью капсулы с цианистым калием в 1958 году, был одним из выдающихся британских скалолазов того времени. Эдвардс считал скалолазание «психоневротической склонностью»; он лез не ради спорта, а чтобы найти убежище от внутренней муки, которая обрамляла его существование. Когда я сформулировал свой план восхождения на Большой палец, я смутно осознавал, что могу залезть выше головы. Но это только добавило привлекательности схеме. В том, что это будет нелегко, был весь смысл. У меня была книга, в которой была фотография Дьявольского пальца, черно-белое изображение, сделанное выдающимся гляциологом по имени Мейнард Миллер. На аэрофотоснимке Миллера гора выглядела особенно зловеще: огромный плавник из отслоившегося камня, темный и перепачканный льдом. Эта картина была для меня почти порнографическим очарованием. Как бы я себя чувствовал, гадал я, балансируя на этом похожем на лезвие вершинном гребне, беспоко-

ясь о грозовых облаках, сгущающихся вдалеке, сгорбившись от ветра и пронизывающего холода, созерцая обрывы с обеих сторон? Мог ли человек сдерживать свой ужас достаточно долго, чтобы достичь вершины и спуститься вниз? И если бы мне это удалось... Я боялся позволить себе представить триумфальное последствие, чтобы не навлечь проклятие. Но я никогда не сомневался, что восхождение на Devils Thumb изменит мою жизнь. А как же иначе? Я тогда работал странствующим плотником, возводя кондоминиумы в Боулдере за 3 доллара. 50 в час. Однажды днём, после девяти часов возни и забивания шестнадцатипенсовых гвоздей, я сказал своему боссу, что увольняюсь: «Нет, не через пару недель, Стив; прямо сейчас было больше похоже на то, что я имел в виду. «Мне потребовалось несколько часов, чтобы убрать свои инструменты и другие вещи из ветхого трейлера на рабочей площадке, где я сидел на корточках. А потом я сел в машину и уехал на Аляску. Как всегда, я был удивлен тем, насколько легким был акт ухода и каким приятным он был. Мир внезапно обогатился возможностями. Большой палец дьявола демаркирует границу Аляски и Британской Колумбии к востоку от Петербурга, рыбацкой деревни, куда можно добраться только на лодке или самолете. До Петербурга было регулярное авиасообщение, но сумма моих ликвидных активов составляла Pontiac Star Chief 1960 года и двести долларов наличными, чего не хватало даже на билет в один конец. Так что я доехал до Гиг-Харбора, штат Вашингтон, бросил машину и ухитрился прокатиться на лососевом сейнере, идущем на север. «Королева океана» была крепкой, серьезной рабочей лодкой, построенной из толстых досок аляскинского желтого кедра и приспособленной для ловли ярусным и кошельковым ловом. В обмен на поездку на север мне нужно было только регулярно чередоваться у руля- четырехчасовая вахта каждые двенадцать часов- и помогать привязывать бесконечные коньки палтусового снаряжения. Медленное путешествие по Внутреннему проходу превратилось в смутную задумчивость предвкушения. Я был в пути, движимый императивом, который был за пределами моей способности контролировать или понимать. Солнечный свет отражался от воды, когда мы пыхтали через пролив Джорджия. Склоны круто поднимались от кромки воды, покрытые бородой во мраке болиголова, кедра и дубины дьявола. Чайки кружили над головой. У острова Малькольм лодка разделила стайку из семи косаток. Их спинные плавники, некоторые ростом с человека, разрезали стеклянную поверхность на расстоянии плевка от перил. Во вторую ночь, за два часа до рассвета, я рулил с мостика, когда в свете прожектора материализовалась голова оленя-мула. Животное находилось посреди пролива Фитц-Хью, плывя по холодной черной воде бо-

лее чем в миле от канадского берега. Его сетчатка вспыхнула красным в слепящем луче; он выглядел измученным и обезумевшим от страха. Я повернул руль на правый борт, лодка проскользнула мимо, и олень дважды качнулся за нами, прежде чем исчезнуть в темноте. Большая часть Внутреннего прохода проходит по узким каналам, похожим на фьорды. Однако, когда мы миновали остров Дандас, обзор внезапно расширился. На западе теперь был открытый океан, полный размахов Тихого океана, и лодка качалась и качалась на двенадцатифутовой западной зыби. Волны разбивались о рельсы. Вдалеке у правого борта показалась мешанина низких скалистых пиков, и мой пульс ускорился при виде этого. Эти горы возвестили о приближении моего желания. Мы прибыли на Аляску. Через пять дней после выхода из Гиг-Харбора «Королева океана» пришвартовалась в Петербурге, чтобы заправиться топливом и водой. Я перепрыгнул через планшир, взвалил на плечи свой тяжелый рюкзак и пошел по пирсу под дождем. Не зная, что делать дальше, я укрылся под навесом городской библиотеки и сел на свою ношу. Санкт-Петербург- город небольшой и чопорный по меркам Аляски. Мимо прошла высокая худощавая женщина и завела разговор. Ее звали Кай, сказала она, Кай Сэндберн. Она была веселой, общительной, с ней было легко общаться. Я рассказал ей о своих планах восхождения, и, к моему облегчению, она не засмеялась и не вела себя так, как будто они были особенно странными. «В ясную погоду,- просто предложила она,- можно увидеть Палец из города. Это красиво. Он вон там, прямо напротив пролива Фредерик. Я последовал за ее протянутой рукой, которая указывала на восток, на низкую стену облаков. Кай пригласил меня домой на ужин. Позже я развернул свой спальный мешок на ее полу. Еще долго после того, как она заснула, я лежал без сна в соседней комнате, слушая ее мирные выдохи. В течение многих месяцев я убеждал себя, что на самом деле меня беспокоит не отсутствие близости в моей жизни, отсутствие настоящей человеческой связи, а удовольствие, которое я испытал в компании этой женщины- звонкий ее смех, невинное прикосновение. руки на моей руке- разоблачил мой самообман и оставил во мне пустоту и боль. Петербург лежит на острове; Палец Дьявола находится на материке, поднимаясь из замерзшей лысины, известной как Ледяная шапка Стикин. Огромная и лабиринтная ледяная шапка держится на хребте Пограничных хребтов, словно панцирь, от которого длинные голубые языки многочисленных ледников медленно спускаются к морю под тяжестью веков. Чтобы добраться до подножия горы, мне пришлось преодолеть двадцать пять миль по соленой воде, а затем проехать на лыжах тридцать миль вверх по одному из этих ледников, Бэрд, ледяной долине, на которой не было

человеческих следов. вполне определенно, через много-много лет. Я поехал с несколькими плантаторами деревьев к началу залива Томас, где меня высадили на галечный пляж. Широкий, усыпанный щебнем конец ледника был виден за милю. Через полчаса я вскарабкался на его замерзшее рыло и начал долгий путь к Большому. На льду не было снега, и его покрывал крупный черный песок, который хрустел под стальными наконечниками моих кошек. Через три-четыре мили я вышел на снежную черту и там поменял кошки на лыжи. Положив на ноги доски, я избавился от ужасной нагрузки на спину на пятнадцать фунтов и, кроме того, ускорил движение. Но снег скрыл многие расщелины ледников, увеличивая опасность. В Сиэтле, предвидя эту опасность, я зашел в скобяной магазин и купил пару крепких алюминиевых карнизов, каждый в десять футов длиной. Я соединил стержни вместе, чтобы образовался крест, затем привязал оснастку к поясному ремню рюкзака так, чтобы стержни выступали горизонтально над снегом. Медленно ковыляя вверх по леднику под своим перегруженным рюкзаком, неся этот нелепый металлический крест, я чувствовал себя странным кающимся. Однако, если бы я прорвался через снежный покров над скрытой расщелиной, карнизы занавеса- я надеялся, сильно- перекрыли бы щель и не позволили бы мне упасть в ледяные глубины Бэрда. В течение двух дней я неуклонно брел вверх по ледяной долине. Погода была хорошая, маршрут очевиден и без серьезных препятствий. Однако, поскольку я был один, даже обыденное казалось наполненным смыслом. Лед казался более холодным и загадочным, небо приобрело более чистый оттенок голубого. Безымянные пики, возвышающиеся над ледником, были больше, милевиднее и бесконечно более угрожающими, чем если бы я был в компании другого человека. И мои эмоции были так же усилены: максимумы были выше; периоды отчаяния были глубже и темнее. Для хладнокровного молодого человека, опьяненного разворачивающейся драмой собственной жизни, все это имело огромную привлекательность. Через три дня после отъезда из Петербурга я прибыл под Стикинскую ледяную шапку, где длинный рукав Бэрда сливается с основной массой льда. Здесь ледник резко выходит за край высокого плато, опускаясь к морю через пропасть между двумя горами в фантазмагории битого льда. Глядя на суматоху с расстояния в милю, я впервые после отъезда из Колорадо по-настоящему испугался. Ледопад был испещрен трещинами и шатающимися сераками. Издалека это напоминало крушение поезда, как будто десятки прозрачных белых товарных вагонов сошли с рельсов на краю ледяной шапки и волей-неволей покатались вниз по склону. Чем ближе я подходил, тем неприятнее это выглядело. Мои десятифутовые карнизы казались

плохой защитой от расщелин шириной сорок футов и глубиной в сотни футов. Прежде чем я смог проложить логический курс через ледопад, поднялся ветер, и из-за облаков начал сильно накрываться снег, обжигая мое лицо и уменьшая видимость почти до нуля. Большую часть дня я вслепую блуждал по лабиринту в белой мгле, возвращаясь из одного тупика в другой. Время от времени я думал, что нашел выход, но оказывался в темно-синем тупике или на вершине отколовшегося ледяного столба. Звуки, доносившиеся из-под ног, придавали моим усилиям ощущение безотлагательности. Мадригал скрипов и резких звуков- своего рода протест, который издает большая еловая ветка, когда она медленно сгибается до предела,- служил напоминанием о том, что природа ледников двигаться, а сераки- привычка опрокидываться. Я переступил через снежный мост, перекинутый через такую глубокую щель, что я не мог видеть ее дна. Чуть позже я прорвал еще один мост до пояса; шесты удержали меня от стофудовой расщелины, но после того, как я выбрался, я согнулся пополам в сухих потугах, думая о том, каково было бы лежать в куче на дне расселины, ожидая смерти, и никто не знал, как и где я встретил свой конец. К тому времени, когда я выбрался с вершины склона серака на пустынный, продуваемый ветром простор высокого ледникового плато, уже почти наступила ночь. В шоке и продрогнув до глубины души, я проехал на лыжах достаточно далеко от ледопада, чтобы не слышать его грохота, разбил палатку, забрался в спальный мешок и погрузился в прерывистый сон. Я планировал провести от трех недель до месяца на ледяной шапке Стикин. Не радуясь перспективе нести на спине четырехнедельный груз еды, тяжелое зимнее туристическое снаряжение и альпинистское снаряжение, я заплатил пилоту из буша в Петербурге 150 долларов- последние деньги- за то, чтобы шесть картонных коробок с припасами упали с самолета, когда я добрался до подножия Большого пальца. На его карте я указал лоцману точное место, где собирался быть, и сказал, чтобы он дал мне три дня, чтобы добраться туда; он пообещал прилететь и совершить посадку, как только позволит погода. 6 мая я разбил базовый лагерь на ледяной шапке к северо-востоку от Большого пальца и стал ждать десантирования. В течение следующих четырех дней шел снег, лишив возможности полета. Слишком напуганный расселинами, чтобы уходить далеко от лагеря, я проводил большую часть времени лежа в палатке- потолок был слишком низким, чтобы я мог сидеть прямо,- борясь с нарастающим хором сомнений. Шли дни, и я все больше беспокоилась. У меня не было ни радио, ни каких-либо других средств связи с внешним миром. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо посещал эту часть ледяной шапки Стикин, и, вероятно,

пройдет еще много лет, прежде чем кто-нибудь снова посетит ее. У меня почти закончилось топливо для печи, и у меня остался один кусок сыра, моя последняя упаковка лапши рамэн и полкоробки какао-паффов. Я полагал, что этого хватит на три-четыре дня, если потребуется, но что мне тогда делать? Потребовалось всего два дня, чтобы спуститься на лыжах вниз по Бэрду к заливу Томас, но легко могла пройти неделя или больше, прежде чем мимо проходил рыбак, который мог бы подбросить меня обратно в Петербург (сажатели деревьев, с которыми я ездил, были располагались лагерем в пятнадцати милях вниз по непроходимому усеянному мысами побережью, и добраться до него можно было только на лодке или самолете). Когда я ложился спать вечером 10 мая, все еще шел снег и дул сильный ветер. Через несколько часов я услышал слабый, краткий визг, едва ли громче комара. Я распахнул дверь палатки. Большая часть облаков рассеялась, но самолета не было видно. Вой вернулся, на этот раз более настойчивый. Потом я увидел это: крошечное красно-белое пятнышко высоко в западной части неба, жужжащее в мою сторону.

Через несколько минут самолет пролетел прямо над головой. Однако пилот был непривычен к полетам на леднике и сильно ошибся в оценке местности. Обеспокоенный тем, что он может лететь слишком низко и быть прибитым неожиданной турбулентностью, он держался по крайней мере в тысяче футов надо мной- все это время полагая, что он только что оторвался от палубы,- и так и не увидел мою палатку в плоском вечернем свете. Мои махания и крики были напрасны; с его высоты я был неотличим от груды камней. В течение следующего часа он кружил над ледяной шапкой, безуспешно изучая ее голые очертания. Но пилот, к его чести, оценил серьезность моего затруднительного положения и не сдался. В отчаянии я привязал свой спальный мешок к одному из карнизов и махал им изо всех сил. Самолет резко накренился и направился прямо на меня. Пилот прожужжал мою палатку три раза подряд, сбрасывая при каждом проходе по два ящика; потом самолет исчез за хребтом, и я остался один. Когда над ледником снова воцарилась тишина, я почувствовал себя покинутым, уязвимым, потерянным. Я понял, что рыдаю. Смущенный, я прекратил реветь, выкрикивая непристойности, пока не охрип. Я проснулся рано 11 мая от ясного неба и относительно теплой температуры в двадцать градусов по Фаренгейту. Напуганный хорошей погодой, морально не готовый к началу восхождения, я, тем не менее, поспешно собрал рюкзак и поехал на лыжах к основанию Большого пальца. Две предыдущие экспедиции на Аляску научили меня тому, что я не могу позволить себе терять редкий день идеальной пого-

ды. Небольшой висячий ледник простирается от края ледяной шапки, ведя вверх и пересекая северную сторону Большого пальца, как подиум. Мой план состоял в том, чтобы пройти по этой дорожке до выступающего скального выступа в центре стены и, таким образом, обогнуть уродливую, изрытую лавиной нижнюю половину стены. Подиум оказался чередой ледяных полей под углом в пятьдесят градусов, покрытых рыхлым снегом высотой по колено и изрешеченных трещинами. Глубина снега делала движение медленным и утомительным; к тому времени, когда я направил стрелу вперед на нависающую стену самого верхнего бергшрунда, примерно через три или четыре часа после выхода из лагеря, меня избили. А до настоящего восхождения я еще не дошел. Это начнется сразу наверху, где висячий ледник уступает место вертикальной скале. Скала с недостатком трюмов и покрытая шестью дюймами рыхлого инея не выглядела многообещающе, но слева от главного носа был неглубокий угол, залитый замерзшей талой водой. Эта ледяная лента тянулась вверх на триста футов, и если бы лед оказался достаточно прочным, чтобы выдержать кирки моих ледорубов, маршрут мог бы стать возможным. Я проковылял к нижней части угла и осторожно вонзил один из своих инструментов в лед двухдюймовой толщины. Прочный и пластиковый, он был тоньше, чем мне хотелось бы, но в остальном надеживающим. Подъем был крутым и настолько незащищенным, что у меня закружилась голова. Под моими подошвами «Вибрам» стена уходила на три тысячи футов в грязный, потрепанный лавиной цирк ледника «Котел ведьм». Наверху нос властно взмывал к вершинному гребню, на полмили выше по вертикали. Каждый раз, когда я устанавливал один из своих ледорубов, это расстояние сокращалось еще на двадцать дюймов. Все, что удерживало меня на склоне горы, все, что удерживало меня в мире, были два тонких шипа из хромомолибдена, воткнутых на полдюйма в пятно замерзшей воды, но чем выше я поднимался, тем удобнее мне становилось. В начале сложного подъема, особенно сложного одиночного восхождения, вы постоянно чувствуете, как бездна тянет вас за спину. Сопротивление требует огромных сознательных усилий; вы не смеете ослабить бдительность ни на мгновение. Песня сирен пустоты заставляет вас нервничать; это делает ваши движения неуверенными, неуклюжими, отрывистыми. Но по мере подъема привыкаешь к разоблачению, привыкаешь к общению с гибелью, начинаешь верить в надежность своих рук, ног и головы. Вы учитесь доверять своему самоконтролю. Мало-помалу ваше внимание становится настолько сосредоточенным, что вы больше не замечаете, как затекли суставы пальцев, судороги в бедрах, напряжение, необходимое для поддержания непрерывной концентрации. Трансо-

вое состояние оседает на ваши усилия; восхождение становится ясным сном. Часы тянутся, как минуты. Накопившийся беспорядок повседневного существования- угрызания совести, неоплаченные счета, неумелые возможности, пыль под диваном, неизбежная тюрьма ваших генов- все это временно забыто, вытеснено из ваших мыслей всепоглощающей ясностью. цели и серьезности поставленной задачи. В такие моменты что-то похожее на счастье действительно шевелится в твоей груди, но это не та эмоция, на которую хочется сильно опереться. В одиночном лазании все предприятие держится лишь на наглости, не на самом надежном клее. В конце дня на северной стороне Большого пальца я почувствовал, как клей рассыпался от взмаха ледоруба. Я набрал почти семьсот футов высоты с тех пор, как сошёл с всячего ледника, и всё это на передних концах кошек и кирках моих топоров. Лента замерзшей талой воды закончилась на высоте трехсот футов, а за ней последовала рыхлая броня из морозных перьев. Иней едва хватало, чтобы выдержать вес тела, иней покрывал скалу толщиной в два-три фута, так что я продолжал карабкаться вверх. Стена, однако, становилась незаметно круче, и при этом морозные перья становились тоньше. Я погрузился в медленный, гипнотический ритм-свинг, свинг; удар, удар; качаться, качаться; удар, удар - когда мой левый ледоруб врезался в плиту диорита в нескольких дюймах от инея. Я попробовал налево, потом направо, но продолжал ударять по камням. Стало очевидно, что морозные перья, поддерживающие меня, были толщиной около пяти дюймов и имели структурную целостность черствого кукурузного хлеба. Внизу было тридцать семь сотен футов воздуха, и я балансировал на карточном домике. Кислый привкус паники подступил к моему горлу. У меня помутнело зрение, я начал учащенно дышать, мои икры начали трястись. Я проковылял еще на несколько футов правее, надеясь найти более толстый лед, но сумел только согнуть ледоруб о скалу. Неловко, окоченевший от страха, я начал пробираться обратно вниз. Иней постепенно сгущался. Спустившись примерно на восемьдесят футов, я вернулся на достаточно твердую землю. Я остановился на долгое время, чтобы дать нервам успокоиться, затем откинулся от своих инструментов и уставился на поверхность сверху, ища намек на твердый лед, какие-то вариации в нижележащих слоях горных пород, что-нибудь, что позволило бы пройти через матовые плиты. Я смотрел, пока не заболела шея, но ничего не появилось. Восхождение было окончено. Единственное место, куда можно было пойти, было вниз.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ СТИКИНСКАЯ ЛЕДЯНАЯ ШАПКА

Но мы мало знаем, пока не испытали, сколько в нас неконтролируемого, стремящегося через ледники и потоки и взбираясь на опасные высоты, как бы запретил рассудок. Джон Мьюир, калифорнийские горы. А вы заметили, как уголки рта Сэма Х. слегка изгибаются, когда он смотрит на вас? Это означает, что он не хотел, чтобы вы назвали его Сэмом II, во-первых, а во-вторых, это означает, что у него обрезана левая штанина, а в правой штанине крюк, и он готов убить тебя любым из них, если представится возможность. Отец ошеломлен. Что он обычно говорит в такой конфронтации: «Я поменял тебе подгузники, маленький сопляк. «Это не то, что нужно говорить. Во-первых, это неправда (матери меняют девять подгузников из десяти), а во-вторых, это моментально напоминает Сэму II, от чего он без ума. Он злится из-за того, что был маленьким, когда ты была большой, но нет, это не так, он злится из-за того, что был беспомощен, когда ты была могущественна, но нет, и не из-за этого, он злится из-за того, что он был случайным, когда ты была необходима, не совсем так. , он сумасшедший, потому что, когда он любил тебя, ты этого не замечала. Дональд Бартельм, покойный отец После того, как я спустился со стороны Пальца Дьявола, сильный снегопад и сильный ветер удерживали меня в палатке большую часть следующих трех дней. Часы тянулись медленно. Пытаясь поторопить их, я непрерывно курил, пока хватало сигарет, и читал. Когда у меня закончились материалы для чтения, мне пришлось изучать узор из рипстопа, вплетенный в потолок палатки. Я делал это часами, лежа на спине, участвуя в горячем споре с самим собой: следует ли мне отправиться на побережье, как только испортится погода, или мне следует оставаться на месте достаточно долго, чтобы предпринять еще одну попытку взойти на гору? По правде говоря, моя авантюра на северной стене выбила меня из колеи, и мне совсем не хотелось снова подниматься на Палец. Но мысль о возвращении в Боулдер с поражением тоже не очень привлекала. Я слишком легко мог представить самодовольные выражения соболезнований, которые я получал от тех, кто был уверен в моей неудаче с самого начала. К третьему дню шторма я больше не мог этого выносить: комья замороженного снега кололи меня в спину, липкие нейлоновые стены касались моего лица, невероятный запах доносился из глубины моего спального мешка. Я рылся в беспорядке у своих ног, пока не нашел небольшой зеленый мешочек, в котором была металлическая банка из-под пленки, в которой находились детали того, что, как я надеялся, должно было стать чем-то вроде победной сигары. Я собирался приберечь его для возвращения с

вершины, но что за ерунда? Не похоже, что я побываю на вершине в ближайшее время. Я вылил большую часть содержимого банки на лист папиросной бумаги, свернул его в кривой косяк и быстро выкурил плотве. От марихуаны, конечно, палатка казалась еще более тесной, удушающей, невыносимой. Это также сделало меня ужасно голодным. Я решил, что немного овсянки все исправит. Однако его приготовление было долгим и до смешного запутанным процессом: нужно было собрать горшок снега на улице в бурю, собрать и разжечь печь, найти овсянку и сахар, остатки вчерашнего обеда соскоблить с моей миски. Я затопила печку и растапливала снег, когда почувствовала запах гари. Тщательная проверка печи и ее окрестностей ничего не выявила. Озадаченный, я был готов списать это на мое химически усиленное воображение, когда услышал, как что-то потрескивало у меня за спиной. Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть мешок с мусором, в который я бросил спичку, которую использовал, чтобы зажечь факел в небольшом пожаре. Подбивая огонь руками, я потушил его за несколько секунд, но не раньше, чем большая часть внутренней стены палатки испарилась у меня на глазах. Встроенная мушка избежала пламени, так что она все еще была более или менее защищена от непогоды; теперь, однако, внутри было градусов на тридцать холоднее. Моя левая ладонь начала жечь. Осмотрев его, я заметил розовый рубец ожога. Но больше всего меня беспокоило то, что палатка даже не была моей: дорогой кров я одолжил у отца. Он был новым еще до моей поездки- бирки все еще были прикреплены- и его неохотно одолжили. Несколько минут я сидел ошарашенный, глядя на обломки некогда изящной формы палатки среди едкого запаха паленых волос и расплавленного нейлона. Ты должен был передать это мне, подумал я: у меня был талант оправдывать самые худшие ожидания старика. Мой отец был изменчивым, чрезвычайно сложным человеком, обладавшим дерзким поведением, скрывавшим глубокую неуверенность. Если он хоть раз в жизни признал свою неправоту, меня не было рядом, чтобы быть свидетелем этого. Но именно мой отец, альпинист выходного дня, научил меня лазать. Он купил мне мою первую веревку и ледоруб, когда мне было восемь лет, и повел меня в Каскадный хребет, чтобы штурмовать Южную сестру, пологий вулкан высотой десять тысяч футов недалеко от нашего дома в Орегоне. Ему и в голову не приходило, что однажды я попытаюсь построить свою жизнь вокруг скалолазания. Добрый и щедрый человек, Льюис Кракауэр глубоко любил своих пятерых детей, потцовски деспотично, но его мировоззрение было окрашено безжалостно соперничающей натурой. Жизнь, как он ее видел, была соревнованием. Он читал и перечитывал произведения Стивена Поттера- английского

писателя, придумавшего термины «превосходство» и «умение играть», - не как социальную сатиру, а как руководство по практическим уловкам. Он был чрезвычайно честолюбив, и, как и Уолт МакКэндлесс, его устремления распространялись и на его потомство. Еще до того, как я пошел в детский сад, он начал готовить меня к блестящей карьере в медицине или, если это не удалось, в юриспруденции в качестве слабого утешения. На Рождество и дни рождения я получил такие подарки, как микроскоп, химический набор и Британскую энциклопедию. От начальной школы до старшей школы меня и моих братьев и сестер заставляли преуспевать в каждом классе, выигрывать медали на научных ярмарках, быть избранными принцессами выпускного бала, побеждать на выборах в студенческое самоуправление. Мы узнали, что таким образом и только таким образом мы можем рассчитывать на поступление в правильный колледж, который, в свою очередь, позволит нам поступить в Гарвардскую медицинскую школу: единственный верный путь жизни к значимому успеху и прочному счастью. Вера моего отца в этот план была непоколебима. В конце концов, это был путь, по которому он шел к процветанию. Но я не был клоном своего отца. В подростковом возрасте, когда я пришел к этому пониманию, я постепенно отклонялся от намеченного курса, а затем резко. Мое восстание вызвало много криков. Окна нашего дома грохотали от грома ультиматумов. К тому времени, как я уехал из Корваллиса, штат Орегон, чтобы поступить в далекий колледж, где не рос плющ, я разговаривал с отцом либо стиснув зубы, либо вообще не говорил. Когда четыре года спустя я закончил учебу и не поступил ни в Гарвард, ни в какую-либо другую медицинскую школу, а вместо этого стал плотником и бездельником-альпинистом, непреодолимая пропасть между нами увеличилась. В раннем возрасте мне была дарована необычная свобода и ответственность, за что я должен был бы быть чрезвычайно благодарен, но я не был. Вместо этого меня угнетали ожидания старика. Мне внушили, что все, что меньше победы, равнозначно провалу. По впечатлительности сыновей я не рассматривал это риторически; Я поверил ему на слово. И вот почему позже, когда всплыли давние семейные тайны, когда я заметил, что это божество, просившее только о совершенстве, само не было совершенным, что на самом деле он вовсе не был божеством, - ну, я не мог пожать плечами. Вместо этого меня поглотила ослепляющая ярость. Откровение, что он был всего лишь человеком, и ужасно таковым, было выше моих сил простить. Спустя два десятилетия после того факта я обнаружил, что моя ярость ушла, и это было в течение многих лет. На смену ему пришла печальная симпатия и что-то похожее на привязанность. Я понял, что сбил с толку и разозлил

отца не меньше, чем он сбил с толку и разозлил меня. Я увидел, что был эгоистичным, непреклонным и гигантской занозой в заднице. Он построил для меня мост привилегий, вымощенную вручную эстакаду к хорошей жизни, и я отплатил ему тем, что срубил его и нагадил на обломки. Но это прозрение произошло только после вмешательства времени и несчастья, когда самодовольное существование моего отца начало рушиться под ним. Все началось с предательства его плоти: через тридцать лет после приступа полиомиелита симптомы таинственным образом вспыхнули вновь. Покалеченные мышцы еще больше усохли, синапсы не срабатывали, истощенные ноги отказывались ходить. Из медицинских журналов он сделал вывод, что страдает недавно выявленным заболеванием, известным как постполиомиелитный синдром. Боль, временами мучительная, наполняла его дни пронзительным и постоянным шумом. В опрометчивой попытке остановить упадок он начал принимать лекарства. Он никуда не выходил без чемодана из искусственной кожи, набитого десятками оранжевых пластиковых баночек из-под таблеток. Каждый час или два он рылся в пакете с лекарствами, щурясь на этикетки, и вытряхивал таблетки декседрина, прозака и депренила. Он глотал таблетки горстями, морщась, без воды. На раковине в ванной появились использованные шприцы и пустые ампулы. Все в большей и большей степени его жизнь вращалась вокруг самоуправяемой фармакопеи стероидов, амфетаминов, улучшающих настроение и болеутоляющих средств, и наркотики сбивали с толку его когда-то грозный ум. По мере того как его поведение становилось все более и более иррациональным, все более и более бредовым, последние из его друзей были изгнаны. У моей многострадальной матери, наконец, не было другого выбора, кроме как съехать. Мой отец перешел черту и впал в безумие, а затем ему почти удалось покончить с собой- поступок, при котором он удостоверился, что я присутствовал. После попытки самоубийства его поместили в психиатрическую больницу недалеко от Портленда. Когда я посетил его там, его руки и ноги были привязаны к перилам кровати. Он бессвязно бормотал и испачкался. Его глаза были дикими. Вспыхнув в один момент с вызовом, в другой- в непонимающем ужасе, они закатились далеко назад в своих глазницах, давая ясное и леденящее представление о состоянии его измученного разума. Когда медсестры пытались сменить ему постельное белье, он дергался за свои оковы и проклинал их, проклинал меня, проклинал судьбу. То, что его надежный жизненный план в конце концов привел его сюда, на эту кошмарную станцию, было иронией, не доставившей мне удовольствия и совершенно ускользнувшей от его внимания. Была еще одна ирония, которую он не смог оценить: его борьба за то,

чтобы вылепить меня по своему образу и подобию, все-таки увенчалась успехом. Старый морж действительно сумел пробудить во мне большое и жгучее честолюбие; это просто нашло выражение в непреднамеренном преследовании. Он так и не понял, что Devils Thumb- это то же самое, что медицинская школа, только другая. Я предполагаю, что именно это унаследованное, нестандартное честолюбие удерживало меня от признания поражения на ледяной шапке Стикин после того, как моя первая попытка взобраться на Большой палец провалилась, даже после того, как я чуть не сжег палатку. Через три дня после отказа от первой попытки я снова поднялся по северной стене. На этот раз я поднялся всего на 120 футов над бергшрудом, прежде чем отсутствие самообладания и приход снежного шквала заставили меня развернуться. Однако вместо того, чтобы спуститься в базовый лагерь на ледяной шапке, я решил провести ночь на крутом склоне горы, чуть ниже своей высшей точки. Это оказалось ошибкой. К вечеру шквал перерос в другой сильный шторм. Снег падал из облаков со скоростью дюйм в час. Пока я прятался в своем бивуачном мешке под краем бергшрунда, шквал лавин с шипением спускался со стены наверху и омывал меня, как прибой, медленно погребая мой уступ. Потребовалось около двадцати минут, чтобы шпинель затопила мой палаточный мешок- тонкий нейлоновый конверт, точно такой же, как мешок для сэндвичей Baggies, только больше,- до уровня дыхательной щели. Четыре раза это случалось, и четыре раза я выкапывался. После пятого захоронения с меня было достаточно. Я бросил все свое снаряжение в рюкзак и побрел к базовому лагерю. Спуск был ужасен. Из-за облаков, наземной метели и плоского угасающего света я не мог отличить склон от неба. Я беспокоился, и не без оснований, что могу слепо сойти с вершины серака и оказаться на дне Котла ведьм, на полмили ниже по вертикали. Когда я, наконец, прибыл на замерзшую равнину ледяной шапки, я обнаружил, что мои следы уже давно занесло. Я понятия не имел, как найти палатку на безликом ледниковом плато. Надеюсь, что мне повезет, и я наткнусь на свой лагерь, я целый час катался на лыжах по кругу, пока не ступил ногой в маленькую расщелину и не понял, что веду себя как идиот, что я должен пригнуться на корточках прямо там, где я был, и ждать. из бури. Я вырыл неглубокую яму, завернулся в палаточный мешок и сел на свой рюкзак в клубящемся снегу. Сугробы громоздились вокруг меня. Мои ноги онемели. Влажный холодок пополз вниз по моей груди от основания шеи, где веретено попало внутрь моей парки и промочило мою рубашку. Если бы только у меня была сигарета, подумал я, одна сигарета, я мог бы собрать в себе силу характера, чтобы сделать хорошую мину в этой долбанной ситуации, во всей дол-

банной поездке. Я плотнее натянула мешок на плечи. Ветер дул мне в спину. Помимо стыда, я обхватил голову руками и пустился в оргию жалости к себе. Я знал, что люди иногда умирают, поднимаясь в горы. Но в возрасте двадцати трех лет личная смертность- идея моей собственной смерти- все еще оставалась за пределами моего концептуального понимания. Когда я бежал из Боулдера на Аляску, голова у меня кружилась от видения славы и искупления на Дьявольском пальце, мне и в голову не приходило, что я могу быть связан теми же причинно-следственными отношениями, которые управляют действиями других. Из-за того, что я так сильно хотел взобраться на гору, из-за того, что я так долго думал о Большом пальце, казалось запредельным, что какое-то незначительное препятствие, такое как погода, трещины или покрытая инеем скала, может в конце концов помешать моей воле. На закате ветер стих, и потолок поднялся над ледником на 150 футов, что позволило мне найти свой базовый лагерь. Я вернулся в палатку целым и невредимым, но уже нельзя было игнорировать тот факт, что Большой палец нарушил мои планы. Я был вынужден признать, что одной лишь воли, какой бы мощной она ни была, мне не подняться на северную стену. Я увидел, наконец, что ничего не было. Однако возможность спасти экспедицию еще существовала. Неделий ранее я проехал на лыжах к юго-восточному склону горы, чтобы взглянуть на маршрут, по которому я собирался спуститься с вершины после восхождения на северную стену, маршрут, которым следовал легендарный альпинист Фред Бекки. в 1946 году при совершении первого восхождения на Большой палец. Во время моей рекогносцировки я заметил очевидную непройденную линию слева от маршрута Бекки-неоднородную сеть льдов, извивающихся по юго-восточной стене,- которая показалась мне относительно простым способом достижения вершины. В то время я считал этот маршрут недостойным моего внимания. Теперь, оправившись от пагубной путаницы с норд-волдом, я был готов опустить глаза. Днем 15 мая, когда метель окончательно улеглась, я вернулся на юго-восточную стену и взобрался на вершину тонкого гребня, который упирается в верхнюю вершину, как контрфорс готического собора. Я решил переночевать там, на узком гребне, в шестнадцати сотнях футов ниже вершины. Вечернее небо было холодным и безоблачным. Я мог видеть весь путь до прилива и дальше. В сумерках я, замороженный, смотрел, как на западе загораются огни Петербурга. Самое близкое к человеческому контакту, которое у меня было после сброса с воздуха, далекие огни вызвали поток эмоций, которые застали меня врасплох. Я представлял, как люди смотрят бейсбол по телевизору, едят жареную курицу на ярко освещенных кухнях, пьют пиво, занимаются любовью.

Когда я лег спать, меня охватило мучительное одиночество. Я никогда не чувствовал себя таким одиноким, никогда. В ту ночь мне снились беспокойные сны о задержании полицией, вампирах и гангстерской казни. Я услышал, как кто-то прошептал: «Кажется, он там. . .» Я резко сел и открыл глаза. Солнце вот-вот взойдет. Все небо было алым. Было еще ясно, но тонкая, тонкая пена перистых облаков распространилась по верхним слоям атмосферы, и прямо над юго-западным горизонтом виднелась темная полоса шквалов. Я натянул сапоги и поспешно пристегнул кошки. Через пять минут после пробуждения я поднимался от бивуака. У меня не было ни веревки, ни палатки, ни палаточного снаряжения, ни оборудования, кроме ледоруба. Мой план состоял в том, чтобы идти налегке и быстро, достичь вершины и спуститься до того, как погода испортится. Подталкивая себя, постоянно запыхавшись, я несся вверх и влево по небольшим снежным полям, соединенным забитыми льдом расселинами и короткими каменными ступенями. Восхождение было почти веселым-скала была покрыта большими выемками, а лед, хотя и тонкий, никогда не становился круче семидесяти градусов,- но я беспокоился о штормовом фронте, мчащемся с Тихого океана и затемняющем небо. У меня не было часов, но за очень короткое время я оказался на характерном финальном ледяном поле. К этому времени все небо было затянуто тучами. Казалось, легче продолжать поворачивать влево, но быстрее идти прямо к вершине. Опасаясь, что шторм застанет меня высоко на вершине и без укрытия, я выбрал прямой маршрут. Лед становился все толще и тоньше. Я взмахнул левым ледорубом и ударил по скале. Я прицелился в другое место, и оно снова с глухим лязгом отскочило от неподатливого диорита. И снова, и снова. Это было повторение моей первой попытки пройти северную стену. Глядя между ног, я украдкой взглянул на ледник более чем в двух тысячах футов ниже. Мой желудок заурчал. В сорока пяти футах надо мной стена опустилась на покатый выступ вершины. Я крепко вцепился в свои топоры, неподвижный, терзаемый ужасом и нерешительностью. Я снова посмотрел вниз на длинный спуск к леднику, потом вверх, потом соскоблил ледяную патину над головой. Я зацепил кирку левого топора за тонкий, как никель, выступ скалы и взвесил его. Это держалось. Я вытащил свой правый топор изо льда, потянулся и закрутил кирку в кривую полудюймовую трещину, пока она не заклинила. Теперь едва дыша, я поднял ноги, царапая кончиками кошек по вергласу. Вытянув левую руку как можно выше, я осторожно взмахнул топором по блестящей непрозрачной поверхности, не зная, во что попал под ней. Выбор вошел с твердым ударом! Через несколько минут я уже стоял на широком уступе. Сама вершина, тонкий каменный плавник, из

которого выростала гротескная смесь атмосферного льда, возвышалась на двадцать футов прямо над ней. Невещественные морозные перья гарантировали, что эти последние двадцать футов останутся тяжелыми, страшными, обременительными. Но потом вдруг выше некуда было идти. Я почувствовал, как мои потрескавшиеся губы растягиваются в болезненной ухмылке. Я был на вершине Devils Thumb. Соответственно, вершина представляла собой сюрреалистичное, зловещее место, вероятно тонкий клин скалы и изморози, не шире картотеки. Это не поощряло праздничное. Когда я оседлал самую высокую точку, южная стена провалилась под мой правый ботинок на две с половиной тысячи футов; под моим левым сапогом северная стена опускалась вдвое дальше. Я сделал несколько снимков, чтобы доказать, что был там, и потратил несколько минут, пытаясь выпрямить погнутый кирку. Тогда я встал, осторожно развернулся и направился домой. Неделю спустя я разбил лагерь под дождем у моря, дивясь виду мха, ив, комаров. Соленый воздух нес насыщенный запах приливной жизни. Вскоре в Томас-Бей въехал небольшой катер и остановился на берегу недалеко от моей палатки. Водитель лодки представился Джимом Фрименом, лесорубом из Петербурга. Это был его выходной день, сказал он; он отправился в путешествие, чтобы показать своей семье ледник и поискать медведей. Он спросил меня, «охотился ли я, что ли?» «Нет», - смущенно ответил я. «На самом деле, я только что поднялся на Devils Thumb. Я пробыл здесь двадцать дней. Фримен возился с палубной утки и ничего не сказал. Стало ясно, что он мне не верит. Он, похоже, не одобрял и мои спутанные волосы до плеч, и то, как я пахла после того, как три недели не мылась и не переодевалась. Однако, когда я спросил, может ли он подбросить меня обратно в город, он неохотно ответил: «Не понимаю, почему бы и нет. «Вода была беспокойной, и поездка через Фредерик-Саунд заняла два часа. Пока мы разговаривали, Фримен постепенно стал относиться ко мне лучше. Он все еще не был уверен, что я поднялся на Палец, но к тому времени, когда он направил скиф в Врангел-Нэрроуз, притворился, что это так. Пришвартовав лодку, он настоял на том, чтобы купить мне чизбургер. В тот вечер он пригласил меня переночевать в сломавшемся фургоне, припаркованном на его заднем дворе. Я ненадолго прилег в кузове старого грузовика, но не мог уснуть, поэтому встал и пошел в бар под названием Kite's Kave. Эйфория, всепоглощающее чувство облегчения, которые вначале сопровождали мое возвращение в Петербург, исчезли, и их место заняла неожиданная меланхолия. Люди, с которыми я болтал в Кито, похоже, не сомневались в том, что я был на вершине большого пальца; им просто было все равно. С наступлением ночи зал

опустел, кроме меня и старого беззубого тлинкита за дальним столиком. Я пил в одиночестве, клал монеты в музыкальный автомат, проигрывал одни и те же пять песен снова и снова, пока барменша сердито не закричала: «Эй! Дай ему отдохнуть, детка! Я пробормотал извинения, направился к двери и, шатаясь, вернулся к фургону Фримена. Там, окруженный сладким запахом старого моторного масла, я лег на половицы рядом с выпотрошенной коробкой передач и потерял сознание. Менее чем через месяц после того, как я посидел на вершине Большого пальца, я вернулся в Боулдер, прибывая сайдинг к таунхаусам на Спрус-стрит, тем же домам, которые я строил, когда уезжал на Аляску. Я получил прибавку до четырех долларов в час и в конце лета переехал из рабочего трейлера в дешевую квартиру-студию к западу от торгового центра в центре города. Когда вы молоды, легко поверить, что то, что вы желаете, не меньше, чем то, чего вы заслуживаете, предполагать, что если вы хотите чего-то достаточно сильно, это ваше Богом данное право иметь это. Когда в апреле того же года я решил поехать на Аляску, как и Крис МакКэндлесс, я был грубым юношей, принявшим страсть за озарение и действовавшим в соответствии с туманной, лишенной пробелов логикой. Я думал, что восхождение на Devils Thumb исправит все, что было не так в моей жизни. В итоге, конечно, почти ничего не изменилось. Но я понял, что горы — плохоеместилище для снов. И я жил, чтобы рассказать свою историю. В молодости я отличался от МакКэндлесса во многих важных отношениях; самое главное, я не обладал ни его интеллектом, ни его высокими идеалами. Но я считаю, что на нас так же повлияли искажённые отношения с нашими отцами. И я подозреваю, что у нас была такая же напряженность, такая же беспечность, подобное волнение души. Тот факт, что я выжил во время своего приключения на Аляске, а МакКэндлесс не выжил, во многом был делом случая; если бы я не вернулся с ледяной шапки Стикин в 1977 году, люди поспешили бы сказать обо мне — как теперь говорят о нем, — что я желал смерти. Спустя восемнадцать лет после этого события я теперь признаю, что страдал от высокомерия, возможно, и, конечно, от ужасающей невинности; но я не был самоубийцей. На том этапе моей юности смерть оставалась таким же абстрактным понятием, как неевклидова геометрия или брак. Я еще не оценила его ужасную завершенность и то опустошение, которое оно могло причинить тем, кто доверил покойному свое сердце. Меня взволновала темная тайна смертности. Я не мог удержаться, чтобы не подкрасться к краю обреченности и не заглянуть за грань. Намек на то, что было сокрыто в этих тенях, ужаснул меня, но я уловил что-то в проблеске, какую-то запретную и стихийную загадку, которая была не

менее захватывающей, чем сладкие, сокрытые лепестки женского пола. В моем случае- и, я думаю, в случае с Крисом МакКэндлессом- это было совсем другое, чем желание умереть.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ИНТЕРЬЕР АЛЯСКИ

хотел приобрести простоту, родные чувства и достоинства дикой жизни; избавиться от искусственных привычек, предрассудков и несовершенств цивилизации... и найти среди одиночества и величия западной глуши более правильные взгляды на человеческую природу и на истинные интересы человека. Сезон снегов был предпочтительнее, чтобы я мог испытать удовольствие от страдания и новизну опасности. Эствик Эванс, Пешеходное путешествие протяженностью четыре тысячи миль по западным штатам и территориям зимой и весной 1818 года. Пустыня привлекала тех, кто скучал или испытывал отвращение к человеку и его произведениям. Это не только предлагало бегство от общества, но также было идеальной сценой для романтического человека, чтобы практиковать культ, который он часто создавал из своей собственной души. Уединение и полная свобода дикой природы создавали идеальные условия для меланхолии или ликования. Родерик Нэш, дикая природа и американский разум 15 апреля 1992 года Крис МакКэндлесс выехал из Картиджа, Южная Дакота, в кабине грузовика Маск, перевозившего груз семян подсолнечника: его «великая аляскинская одиссея» шла полным ходом. Три дня спустя он пересек канадскую границу в Русвилле, Британская Колумбия, и направился на север через Скукумчак и Радиум-Джанкшн, Лейк-Луиз и Джаспер, Принс-Джордж и Доусон-Крик, где в центре города он сделал снимок указатель, обозначающий официальное начало шоссе на Аляску. миля «0», гласит знак, Фэрбенкс 1523 мили. Автостоп, как правило, затруднен на шоссе Аляски. Нередко на окраине Доусон-Крик можно увидеть дюжину или более унылых мужчин и женщин, стоящих вдоль плеча с вытянутыми большими пальцами. Некоторые из них могут ждать неделю или больше между поездками. Но у МакКэндлесса такой задержки не было. 21 апреля, всего через шесть дней от Карфагена, он прибыл в горячие источники Лиард-Ривер, на пороге территории Юкон. На реке Лиард есть общественный палаточный лагерь, от которого дощатый настил ведет через болото на полмили к ряду природных термальных бассейнов. Это самая популярная остановка на шоссе Аляски, и МакКэндлесс решил остановиться там, чтобы понежиться в успокаивающих водах. Однако, когда он закончил купаться и попытался поймать другую поездку на север, он обнаружил, что ему не повезло. Никто бы его не поднял. Через два дня после прибытия он все еще был в Лиард-Ривер, нетерпеливо идущий в никуда. В шесть тридцать бодрым утром в четверг, когда земля все еще сильно промерзла, Гейлорд Стаки вышел на променад к самому большому из

бассейнов, ожидая, что это место останется в его распоряжении. Поэтому он был удивлен, обнаружив кого-то уже в дымящейся воде, молодого человека, представившегося Алексом. Стаки, лысый и жизнерадостный, шестидесятитрехлетний Хузьер с круглой физиономией, направлялся из Индианы на Аляску, чтобы доставить новый дом на колесах торговцу автофургонами в Фэрбенксе. баловался после выхода на пенсию после сорока лет работы в ресторанном бизнесе. Когда он сказал МакКэндлессу, куда направляется, мальчик воскликнул: «Эй, я тоже туда еду! Но я застрял здесь на пару дней, пытаюсь подвезти. Ты не возражаешь, если я поеду с тобой?»- О, Джимини,- ответил Стаки.- Я бы с удовольствием, сынок, но не могу. Компания, в которой я работаю, строго запрещает брать автостопщиков. Это может привести к тому, что меня законсервируют. Тем не менее, пока он болтал с МакКэндлессом сквозь сернистый туман, Стаки начал пересматривать свое мнение: «Алекс был чисто выбрит, у него были короткие волосы, и по тому, как он говорил, я мог сказать, что он был настоящим проницательным парнем. Его нельзя было назвать типичным автостопщиком. Я обычно с подозрением отношусь к ним. Я полагаю, что с парнем, вероятно, что-то не так, если он даже не может позволить себе билет на автобус. Так или иначе, примерно через полчаса я сказал: «Алекс, вот что я тебе скажу: Лиард находится в тысяче миль от Фэрбенкса. Я провезу вас за пятьсот миль до Уайтхорса; вы сможете проехать оставшуюся часть пути оттуда. Однако через полтора дня, когда они прибыли в Уайт-Хорс, столицу территории Юкон и самый большой и космополитический город на Аляскинском шоссе, Стаки настолько полюбил общество МакКэндлесса, что изменил свое мнение. разум и согласился отвезти мальчика на всю дистанцию. «Поначалу Алекс не стал говорить слишком много,- сообщает Стаки. «Но это долгий и медленный путь. В общей сложности мы провели вместе три дня на этих дорогах со стиральной доской, и к концу он как бы ослабил бдительность. Вот что я вам скажу: он был щегольским парнем. Очень вежливый, и он не ругался и не использовал много этого сленга. Можно сказать, что он из хорошей семьи. В основном он говорил о своей сестре. Думаю, он не очень хорошо ладил со своими предками. Сказал мне, что его отец был гением, ученым-ракетчиком НАСА, но когда-то он был двоежёнцем, и это не нравилось Алексу. Сказал, что не видел своих родителей пару лет, с тех пор, как окончил колледж. «МакКэндлесс откровенно рассказал Стаки о своем намерении провести лето в одиночестве в буше, живя за счет земли. «Он сказал, что хотел этим заниматься с детства,- говорит Стаки. «Сказал, что не хочет видеть ни одного человека, ни самолетов, ни признаков цивилизации. Он хотел доказать себе,

что может сделать это сам, без чьей-либо помощи. Стаки и МакКэндлесс прибыли в Фэрбенкс во второй половине дня 25 апреля. Пожилой мужчина отвел мальчика в продуктовый магазин, где тот купил большой мешок риса, «а потом Алекс сказал, что хочет пойти в университет, чтобы изучить, какие растения он может есть. Ягоды и тому подобное. Я сказал ему: «Алекс, ты слишком рано. На земле еще два фута, три фута снега. Там пока ничего не растет.» Но его ум был довольно хорошо составлен. Он хватался за удила, чтобы выбраться оттуда и отправиться в поход. «Стаки поехал в кампус Университета Аляски в западной части Фэрбенкса и высадил МакКэндлесса в 17:30. м. «Прежде чем выпустить его,- говорит Стаки,- я сказал ему: «Алекс, я отвез тебя на тысячу миль. Я кормил тебя и кормил три дня подряд. Меньшее, что ты можешь сделать, это послать мне письмо, когда вернешься с Аляски.- И он пообещал, что сделает. «Я также умоляла и умоляла его позвонить родителям. Я не могу представить себе ничего хуже, чем иметь сына где-то там и годами не знать, где он, не знать, жив он или мертв. «Вот номер моей кредитной карты»,- сказал я ему. «Пожалуйста, позвоните им!» Но все, что он сказал, было: «Может быть, я буду, а может быть, и нет. После того, как он ушел, я подумала: «О, почему я не взяла номер телефона его родителей и не позвонила им сама?» Но все произошло так быстро. «Высадив МакКэндлесса в университете, Стаки поехал в город, чтобы доставить дом на колесах назначенному дилеру, но ему сказали, что человек, ответственный за регистрацию новых автомобилей, уже уехал домой и не вернется до утра понедельника. , оставив Стаки два дня, чтобы убит в Фэрбенксе, прежде чем он сможет улететь домой в Индиану. В воскресенье утром, имея свободное время, он вернулся в университетский городок. «Я надеялся найти Алекса и провести с ним еще один день, сводить его на экскурсию или что-то в этом роде. Искал пару часов, объехал всю местность, но ни шкуры, ни шерсти его не увидел. Он уже ушел. Попрощавшись со Стаки в субботу вечером, МакКэндлесс провел два дня и три ночи в окрестностях Фэрбенкса, в основном в университете. В книжном магазине кампуса, спрятанном на нижней полке секции Аляски, он наткнулся на научный, тщательно проработанный полевой справочник по съедобным растениям региона, Tanaina Plantlore/Dena'ina K'et'una: An Ethnobotany of the Dena. «Индейцы южно-центральной Аляски», Присцилла Расселл Кари. Со стойки для открыток возле кассы он взял две открытки с изображением белого медведя, на которых отправил последние сообщения Уэйну Вестербергу и Яну Берресу из университетского почтового отделения. Просматривая рекламные объявления, МакКэндлесс нашел полуавтоматический пистолет, который можно было купить.

22 калибра Remington с оптическим прицелом 4x20 и пластиковой ложей. Модель под названием Nylon 66, снятая с производства, была любимицей охотников с Аляски из-за легкого веса и надежности. Он заключил сделку на стоянке, вероятно, заплатив за оружие около 125 долларов, а затем купил в ближайшем оружейном магазине четыре коробки по сто патронов с полыми патронами для длинных винтовок. Завершив свои приготовления в Фэрбенксе, МакКэндлесс загрузил свой рюкзак и отправился в поход на запад от университета. Выйдя из кампуса, он прошел мимо Геофизического института- высокого здания из стекла и бетона, увенчанного большой спутниковой тарелкой. Тарелка, одна из самых характерных достопримечательностей на горизонте Фэрбенкса, была установлена для сбора данных со спутников, оснащенных радаром с синтезированной апертурой конструкции Уолта МакКэндлесса. На самом деле Уолт посетил Фэрбенкс во время запуска приемной станции и написал часть программного обеспечения, необходимого для ее работы. Если Геофизический институт и побудил Криса подумать об отце, когда он проходил мимо, мальчик не оставил никаких записей об этом. В четырех милях к западу от города, в вечерней прохладе, МакКэндлесс разбил свою палатку на участке сильно промерзшей земли, окруженном березами, недалеко от гребня утеса, откуда открывался вид на газовую станцию Голд-Хилл. Ликер. В пятидесяти ярдах от его лагеря проходила ступенчатая дорога, пересекавшая шоссе Джорджа Паркса, дорога, которая привела его к Тропе Панического бегства. Он проснулся рано утром 28 апреля, вышел к шоссе в предрассветных сумерках и был приятно удивлен, когда первая же попавшаяся машина остановилась, чтобы подвезти его. Это был серый пикап «Форд» с наклейкой на заднем бампере, гласившей: «Я ловлю рыбу, следовательно, я существую». Петербург, Аляска. Водитель грузовика, электрик, направлявшийся в Анкоридж, был немногим старше МакКэндлесса. Он сказал, что его зовут Джим Галлиен. Через три часа Галлиен свернул с шоссе на запад и проехал так далеко, как только мог, по нерасчищенной проселочной дороге. Когда он высадил МакКэндлесса на Тропе Стампед, температура была около тридцати градусов- ночью она опускалась до минус двадцати,- а землю покрывало полтора фута твердого весеннего снега. Мальчик с трудом сдерживал волнение. Наконец-то он был один в бескрайних дебрях Аляски. Пока он с надеждой плелся по тропе в парке из искусственного меха, с винтовкой на плече, единственной едой, которую МакКэндлесс нес, был десятифунтовый мешок длиннозернистого риса, а также два бутерброда и пакет кукурузных чипсов, которые были у Галлиена. способствовал. Годом ранее он больше месяца жил на берегу

Калифорнийского залива за счет пяти фунтов риса и изобилия рыбы, пойманной с помощью дешевой удочки и катушки. остаться в пустыне Аляски, тоже. Самым тяжелым предметом в наполовину заполненном рюкзаке МакКэндлесса была его библиотека: девять или десять книг в бумажных переплетах, большинство из которых были подарены ему Яном Берресом в Ниланде. Среди этих томов были книги Торо, Толстого и Гоголя, но МакКэндлесс не был литературным снобом: он просто брал с собой то, что, по его мнению, ему могло бы понравиться читать, в том числе популярные книги Майкла Крайтона, Роберта Пирсига и Луи Л'Амура. Забыв взять бумагу для письма, он начал лаконичный дневник на нескольких пустых страницах в конце «Танаина Планлор». В зимние месяцы по конечной остановке Хили на Stampede Trail горстка собаководов, скитуристов и энтузиастов снегоходов путешествует, но только до тех пор, пока замерзшие реки не начнут вскрываться, в конце марта или начале апреля. К тому времени, как МакКэндлесс направился в кусты, в большинстве крупных ручьев текла открытая вода, и никто не заходил слишком далеко по тропе уже две или три недели; только слабые остатки утоптанного следа снегоуборочной машины оставались ему по следу. МакКэндлесс добрался до реки Текланика на второй день. Хотя берега были покрыты зубчатым выступом замерзшего стока, ледяные мосты не пересекали русло открытой воды, поэтому он был вынужден идти вброд. В начале апреля была сильная оттепель, а в начале 1992 года оттепель наступила, но погода снова похолодала, так что, когда МакКэндлесс пересекал реку, ее объем был довольно низким, вероятно, максимум по бедро, что позволило ему плыть к самой воде. другую сторону без труда. Он и не подозревал, что тем самым переходит свой Рубикон. На неопытный взгляд МакКэндлесса ничто не указывало на то, что через два месяца, когда ледники и снежники в верховьях Текланики растают в летнюю жару, ее сток увеличится в девять или десять раз, превратив реку в глубокий бурный поток. это не имело никакого сходства с нежным ручейком, который он беспечно перешел вброд в апреле. Из его дневника мы знаем, что 29 апреля МакКэндлесс где-то провалился под лед. Вероятно, это произошло, когда он пересекал ряд тающих бобровых прудов сразу за западным берегом Текланики, но ничто не указывает на то, что он пострадал в результате несчастного случая. Днем позже, когда тропа поднялась на вершину хребта, он впервые увидел гору. Высокие ослепительно-белые фальшборты Мак-Кинли, а на следующий день, 1 мая, примерно в двадцати милях от того места, где его высадил Галлиен, он наткнулся на старый автобус у реки Сушана. Он был оборудован койкой и печью-бочкой, а предыдущие посетители

покинули импровизированное убежище со спичками, средством от насекомых и другими предметами первой необходимости. «День волшебного автобуса», - написал он в своем дневнике. Он решил немного полежать в машине и воспользоваться ее грубыми удобствами. Он был в восторге от того, что был там. В автобусе, на листе обветренной фанеры, закрывающем разбитое окно, МакКэндлесс нацарапал восторженную декларацию независимости: «Два года он ходит по земле. ни телефона, ни бассейна, ни домашних животных, ни сигарет. окончательная свобода. экстремист. анестезиолог-путешественник, чей дом - дорога. сбежал из Атланты. ты не вернешься, потому что «запад лучше всего. «И теперь, после двух бессвязных лет, наступает последнее и величайшее приключение. решающая битва за уничтожение ложного существа внутри и победоносное завершение духовной революции. десять дней и ночей товарных поездов и автостопа доставили его на великий белый север. чтобы больше не быть отравленным цивилизацией, он бежит и ходит один по земле, чтобы заблудиться в дикой природе. alexander supertramp MAY1992 Реальность, однако, быстро вмешалась в задумчивость МакКэндлесса. Ему было трудно убивать дичь, и ежедневные записи в дневнике в течение его первой недели в кустах включали «Слабость», «Снег» и «Катастрофа. 2 мая он увидел, но не выстрелил в гризли, 4 мая выстрелил в несколько уток, но промахнулся, а 5 мая, наконец, убил и съел дикушу; но больше он ничего не стрелял до 9 мая, когда поймал единственную маленькую белку, к этому моменту он написал в журнале «4-й день голода». Но вскоре после этого его судьба круто повернулась к лучшему. К середине мая солнце кружило высоко в небе, заливая тайгу светом. Солнце опускалось за северный горизонт менее чем на четыре часа из каждых двадцати четырех, а в полночь небо было еще достаточно ярким, чтобы можно было читать. Повсюду, кроме северных склонов и тенистых оврагов, снежный покров растаял до голой земли, обнажив прошлогодние плоды шиповника и брусники, которые МакКэндлесс собрал и съел в большом количестве. Он также стал намного более успешным в охоте на дичь и в течение следующих шести недель регулярно лакомился белкой, тетеревом, уткой, гусем и дикобразом. 22 мая корона упала с одного из его моляров, но это событие, похоже, не сильно испортило его настроение, потому что на следующий день он вскарабкался на безымянный, горбатый холм высотой в три тысячи футов, возвышающийся прямо к северу от автобуса, открывая ему вид на весь ледяной простор Аляскинского хребта и милю за милей необитаемой страны. Его запись в дневнике за этот день характерно лаконична, но безошибочно радостна: «ВЗЪЕМИТЕСЬ НА ГОРУ!» МакКэндлесс сказал Галлиену, что намерен оставаться в дви-

жении во время своего пребывания в кустах. «Я просто собираюсь взлететь и идти дальше на запад»,- сказал он. «Я мог бы пройти весь путь до Берингова моря. 5 мая, после четырехдневной остановки в автобусе, он возобновил свою прогулку. Судя по снимкам, полученным с помощью его «Минолты», МакКэндлесс потерял (или намеренно оставил) уже нечеткую тропу Панического бегства и направился на запад и север через холмы над рекой Сушана, охотясь на дичь. Это шло медленно. Чтобы прокормить себя, ему приходилось посвящать большую часть дня выслеживанию животных. Более того, когда земля оттаяла, его маршрут превратился в перчатку из заболоченного мускуса и непроницаемой ольхи, и МакКэндлесс с опозданием понял одну из фундаментальных (хотя и противоречащих здравому смыслу) аксиом Севера: зима, а не лето, является предпочтительным сезоном для путешествий. по суше через кусты. Столкнувшись с очевидным безумием своего первоначального стремления пройти пятьсот миль до прилива, он пересмотрел свои планы. 19 мая, проехав на запад не дальше реки Токлат- менее чем в пятнадцати милях от автобуса,- он обернулся. Через неделю он снова был на заброшенной машине, видимо, без сожаления. Он решил, что сток Сушаны достаточно дикий для его целей и что автобус номер 142 в Фэрбенксе станет прекрасным базовым лагерем на оставшуюся часть лета. По иронии судьбы, дикая местность вокруг автобуса- участок заросшей местности, где МакКэндлесс был полон решимости «заблудиться в дикой природе»- вряд ли можно назвать дикой природой по стандартам Аляски. Менее чем в тридцати милях к востоку проходит главная артерия- шоссе Джордж Паркс. Всего в шестнадцати милях к югу, за откосом Внешнего хребта, сотни туристов ежедневно с грохотом толпятся в парке Денали по дороге, патрулируемой Службой национальных парков. И без ведома Aesthetic Voyager, в радиусе шести миль от автобуса разбросаны четыре кабины (хотя летом 1992 года ни одна из них не была занята). Но, несмотря на относительную близость автобуса к цивилизации, МакКэндлесс практически был отрезан от остального мира. Всего он провел в буше почти четыре месяца, и за это время не встретил ни одной живой души. В конце концов, участок реки Сушана оказался достаточно удаленным, чтобы стоить ему жизни. В последнюю неделю мая, переместив свои немногочисленные пожитки в автобус, МакКэндлесс написал на похожей на пергамент полоске бересты список домашних дел: собирать и хранить речной лед для охлаждения мяса, закрывать недостающие окна автомобиля пластиком. , заложить запас дров, очистить печь от скопления старой золы. А под заголовком «ДОЛГОСРОЧНАЯ» он составил список более амбициозных задач: нанести на карту местность, импрови-

зировать ванну, собрать шкуры и перья для пошива одежды, построить мост через ближайший ручей, починить столовую, проложить сеть. охотничьих троп. В дневниковых записях, сделанных после его возвращения в автобус, содержится множество сведений о диком мясе. 28 мая: «Утка для гурманов!» 1 июня: «5 Белка. 2 июня: «Дикобраз, Куропатка, 4 Белка, Серая птица. 3 июня: «Еще один Дикобраз! 4 Белка, 2 Серая Птица, Пепельная Птица. 4 июня: «ТРЕТИЙ ДИКОПИН! Белка, Серая птица. 5 июня он подстрелил канадского гуся размером с рождественскую индейку. Затем, 9 июня. он получил самый большой приз из всех: «ЛОСЬ!» он записал в журнал. Вне себя от радости, гордый охотник сфотографировал себя стоящим на коленях над своим трофеем, с победоносно занесенной над головой винтовкой, его черты исказились в гримасе экстаза и изумления, как у какого-нибудь безработного уборщика, который поехал в Рио и выиграл джек-пот в миллион долларов. Хотя МакКэндлесс был достаточно реалистом, чтобы понимать, что охота на дичь является неизбежным компонентом жизни за счет земли, он всегда неоднозначно относился к убийству животных. Эта двойственность превратилась в раскаяние вскоре после того, как он застрелил лося. Он был относительно небольшим, весом, может быть, шестьсот или семьсот фунтов, но, тем не менее, представлял собой огромное количество мяса. Полагая, что морально неоправданно тратить любую часть животного, которое было застрелено для еды, МакКэндлесс провел шесть дней, трудясь, чтобы сохранить то, что он убил, прежде чем оно испортится. Он разделал тушу под густым облаком мух и комаров, сварил органы в похлебку, а затем с трудом выкопал нору на скалистом берегу ручья прямо под автобусом, в которой пытался выкурить курением огромные куски пурпурной плоти. Охотники с Аляски знают, что самый простой способ сохранить мясо в кустах- это нарезать его тонкими полосками, а затем высушить на импровизированной решетке. Но МакКэндлесс по своей наивности полагался на советы охотников, с которыми он консультировался в Южной Дакоте, которые посоветовали ему коптить мясо, что в данных обстоятельствах было непростой задачей. «Забивать чрезвычайно сложно»,- написал он в журнале 10 июня. «Мухи и полчища комаров. Удалите кишечник, печень, почки, одно легкое, стейки. Подведите заднюю часть и ногу к потоку. 11 июня: «Удалите сердце и другое легкое. Две передние ноги и голова. Отдохните, чтобы стримить. Возле пещеры. Попробуйте защитить с помощью курильщика. 12 июня: «Убрать половину грудной клетки и бифштексы. Можно работать только ночью. Продолжайте курить. 13 июня: «Поместите оставшуюся часть грудной клетки, плеча и шеи в пещеру. Начать курить. 14 июня: «Опарыши уже!

Курение оказывается неэффективным. Не знаю, похоже на катастрофу. Теперь я жалею, что никогда не стрелял в лося. Одна из величайших трагедий в моей жизни. «В этот момент он отказался от сохранения большей части мяса и бросил тушу волкам. Хотя он сурово ругал себя за эту трату жизни, которую он отнял, днем позже МакКэндлесс, казалось, обрел некоторую перспективу, поскольку в своих дневниковых заметках «отныне научится принимать свои ошибки, какими бы серьезными они ни были. «Вскоре после эпизода с лосем МакКэндлесс начал читать «Уолдена» Торо. В главе под названием «Высшие законы», в которой Торо размышляет о морали еды, МакКэндлесс подчеркнул, что «когда я поймал, почистил, приготовил и съел свою рыбу, казалось, что они не накормили меня по существу. Это было незначительно и ненужно, и стоило больше, чем стоило. «ЛОСЬ»,- написал МакКэндлесс на полях. И в том же отрывке он отмечает: «Отвращение к животной пище- следствие опыта, а инстинкт. Во многих отношениях казалось более красивым жить бедно и тяжело; и хотя я никогда этого не делал, я зашел достаточно далеко, чтобы удовлетворить свое воображение. Я считаю, что каждый человек, который когда-либо стремился сохранить свои высшие или поэтические способности в наилучшем состоянии, был особенно склонен воздерживаться от животной пищи и от большого количества пищи любого рода ... Трудно обеспечить и приготовить так просто и чисто. диета так же не оскорбит воображение; но это, я думаю, нужно кормить, когда мы кормим тело; они оба должны сесть за один стол. И все же, возможно, это можно сделать. Плоды, съеденные умеренно, не должны ни стыдить нас за наши аппетиты, ни прерывать самые достойные занятия. Но добавьте в блюдо лишнюю приправу, и она вас отравит. «ДА»,- написал МакКэндлесс, а двумя страницами позже- «Осознание еды. Ешьте и готовьте сосредоточенно... Святая пища. На последних страницах книги, служившей ему дневником, он заявил: Я переродился. Это мой рассвет. Настоящая жизнь только началась. Сознательная жизнь: сознательное внимание к основам жизни и постоянное внимание к вашему непосредственному окружению и его заботам, примеры Работа, задача, книга; все, что требует эффективной концентрации (обстоятельства не имеют значения. Это то, как человек относится к ситуации, которая имеет ценность. Весь истинный смысл заключается в личном отношении к явлению, в том, что оно значит для вас). Великая Святость ПИТАНИЯ, Жизненное Тепло. Позитивизм, непревзойденная радость жизни Эстетика. Абсолютная правда и честность. Реальность. Независимость. Завершенность-стабильность-непротиворечивость. По мере того как МакКэндлесс постепенно переставал упрекать себя за расточитель-

ство лося, удовлетворенность, начавшаяся в середине мая, возобновилась и, казалось, продолжалась до начала июля. Затем, посреди этой идиллии, произошла первая из двух поворотных неудач. Удовлетворенный, по-видимому, тем, что он узнал за два месяца уединенной жизни в дикой природе, МакКэндлесс решил вернуться к цивилизации: пришло время завершить свое «последнее и величайшее приключение» и вернуться в мир дикой природы. мужчины и женщины, где он мог выпить пива, поговорить о философии, увлечь незнакомцев рассказами о том, что он сделал. Он, казалось, преодолел свою потребность столь непреклонно отстаивать свою автономию, свою потребность отделить себя от родителей. Может быть, он был готов простить их недостатки; может быть, он даже был готов простить некоторых из своих собственных. МакКэндлесс, казалось, был готов вернуться домой. А может и нет; мы можем только догадываться о том, что он намеревался сделать после того, как вышел из кустов. Однако нет никаких сомнений в том, что он собирался уйти. Написав на куске бересты, он составил список того, что нужно сделать перед отъездом: «Залатать джинсы, побриться!, собрать вещи. . . » Вскоре после этого он поставил свою Minolta на пустую бочку из-под масла и сделал снимок, на котором желтая одноразовая бритва и ухмыляющийся в камеру, чисто выбритый, с новыми заплатками, вырезанными из армейского одеяла, пришитыми к коленям его грязных джинсов. Он выглядит здоровым, но тревожно изможденным. Его щеки уже впали. Сухожилия на его шее торчат, как натянутые тросы. 2 июля МакКэндлесс закончил чтение «Семейного счастья» Толстого, отметив несколько тронувших его отрывков: «Он был прав, говоря, что единственное истинное счастье в жизни- это жить для других. . . нашли то, что нужно для счастья. Спокойная уединенная жизнь в деревне, с возможностью быть полезным людям, которым легко делать добро и которые не привыкли, чтобы это делали им; затем работа, которая, как он надеется, может оказаться полезной; потом отдых, природа, книги, музыка, любовь к ближнему- вот мое представление о счастье. А потом, вдобавок ко всему, ты для друга, а может быть, и детей- чего еще может желать сердце мужчины? . Через два дня, на полпути, под проливным дождем он подошел к бобровым прудам, перекрывавшим доступ к западному берегу реки Текланика. В апреле они были замерзшими и не представляли собой препятствия. Теперь он, должно быть, встревожился, увидев озеро площадью три акра, закрывающее тропу. Чтобы не идти вброд по мутной воде глубиной по грудь, он вскарабкался по крутому склону холма, обогнул пруды на севере, а затем спустился обратно к реке в устье ущелья. Когда он впервые пересек реку, шестьдесят семь дней назад в апрельские морозы, это был

ледяной, но пологий ручей глубиной по колено, и он просто прогуливался по нему. Однако 5 июля Текланика была в полном разливе, набухшая от дождя и таяния снега с ледников высоко на Аляскинском хребте, холодная и быстрая. Если бы он смог добраться до дальнего берега, оставшаяся часть пути до шоссе была бы легкой, но чтобы добраться туда, ему пришлось бы преодолевать канал шириной около ста футов. Вода, непрозрачная от ледниковых отложений и всего лишь на несколько градусов теплее льда, которым она еще совсем недавно была, была цвета мокрого бетона. Слишком глубоко, чтобы идти вброд, он грохотал, как товарный поезд. Мощное течение быстро сбilo бы его с ног и унесло бы прочь. МакКэндлесс был слабым пловцом и признался нескольким людям, что на самом деле боится воды. Попытка переплыть ошеломляюще холодный поток или даже переплыть какой-то импровизированный плот казалась слишком рискованной. Прямо вниз по течению от того места, где тропа встречалась с рекой, Текланика превратилась в хаос кипящей бурной воды, ускоряясь по узкому ущелью. Задолго до того, как он сможет доплыть или доплыть до дальнего берега, его затянет в эти пороги и он утонет. В своем дневнике он теперь написал: «Катастрофа. . . Пролилась дождем. Реку смотреть невозможно. Одинокий, испуганный. Он сделал правильный вывод, что его, вероятно, унесет насмерть, если он попытается пересечь Текланику в том месте, в таких условиях. Это было бы самоубийством; это был просто не вариант. Если бы МакКэндлесс прошел мимо или около того вверх по течению, он бы обнаружил, что река расширяется в лабиринт переплетенных каналов. Если бы он тщательно разведаль местность, методом проб и ошибок он мог бы найти место, где эти косы были только по грудь. Каким бы сильным ни было течение, оно, несомненно, сбilo бы его с ног, но, гребя по-собачьи и прыгая по дну, когда он дрейфовал вниз по течению, он, вероятно, мог бы переправиться, прежде чем его унесло бы в ущелье или он умер от переохлаждения. . . Но это все равно было бы очень рискованным предложением, и в тот момент у МакКэндлесса не было причин идти на такой риск. В деревне он неплохо себя зарекомендовал. Вероятно, он понимал, что если он будет терпелив и будет ждать, река в конце концов упадет до такого уровня, что ее можно будет безопасно перейти вброд. Поэтому, взвесив все варианты, он остановился на наиболее разумном пути. Он развернулся и пошел на запад, обратно к автобусу, обратно в непостоянную сердцевину куста.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ПУТЬ ПАНИКИ

Природа была здесь чем-то диким и ужасным, хотя и прекрасным. Я с благоговением смотрел на землю, по которой ступал, чтобы увидеть, что там сотворили Силы, форму, моду и материал их работы. Это была та Земля, о которой мы слышали, сделанная из Хаоса и Старой Ночи. Здесь был не сад человека, а непроданный глобус. Это не было ни лужайки, ни пастбища, ни медовухи, ни леса, ни леса, ни пашни, ни пустоши. Это была свежая и естественная поверхность планеты Земля, какой она была сотворена навеки,- мы говорим, чтобы быть жилищем человека,- такой создала ее Природа, и человек может ею пользоваться, если может. Человек не должен был быть связан с этим. Это была Материя, необъятная, ужасающая,- не его Мать-Земля, о которой мы слышали, не для того, чтобы он ступал по ней или мог быть похоронен в ней,- нет, она была слишком знакома даже для того, чтобы позволить его костям лежать там,- дом, этот, Необходимости и Судьбы. Ясно чувствовалось присутствие силы, не обязанной быть доброй к человеку. Это было место язычества и суеверных обрядов- быть населенным людьми, более близкими родственниками к скалам и диким животным, чем мы. . . . Что значит быть допущенным в музей, увидеть мириады конкретных вещей по сравнению с тем, чтобы быть показана какая-то поверхность звезды, какая-то твердая материя в ее доме! Я благоговею перед своим телом, эта материя, к которой я привязан, стала для меня такой чужой. Я не боюсь духов, привидений, одним из которых я являюсь, - что могло бы мое тело, - но я боюсь тел, я трепещу при встрече с ними. Что это за Титан, который владеет мной? Разговор о тайнах! Подумайте о нашей жизни на природе, о ежедневном показе материи, о соприкосновении с ней, о камнях, деревьях, о ветре на щеках! твердая земля! настоящий мир! здравый смысл! Контакт! Контакт! Кто мы? Где мы? Генри Дэвид Торо, «ktaadn» Через год и неделю после того, как Крис МакКэндлесс решил не пытаться пересечь реку Текланика, я стою на противоположном берегу- восточной стороне, со стороны шоссе- и смотрю на бурлящую воду. . Я тоже надеюсь пересечь реку. Я хочу посетить автобус. Я хочу увидеть, где умер МакКэндлесс, чтобы лучше понять, почему. Это жаркий и влажный полдень, и река полна воды от быстротающего снежного покрова, который все еще покрывает ледники на возвышенностях Аляскинского хребта. Сегодня вода выглядит значительно ниже, чем на фотографиях, сделанных МакКэндлессом двенадцать месяцев назад, но пытаться перейти реку вброд здесь, в грохочущий летний паводок, тем не менее немислимо. Вода слишком глубокая, слишком холодная, слиш-

ком быстрая. Глядя в Текланику, я слышу, как камни размером с шар для боулинга шуршат по дну, катясь вниз по течению мощным течением. Меня бы сбilo с ног в нескольких ярдах от берега и столкнуло бы в каньон прямо под ним, который превратил реку в кипение порогов, продолжающееся без перерыва в течение следующих пяти миль. Однако, в отличие от МакКэндлесса, у меня в рюкзаке топографическая карта масштаба 1:63 360 (то есть карта, на которой один дюйм соответствует одной миле). Изящно детализированный, он указывает на то, что в полумиле ниже по течению, в горловине каньона, находится гидрометрическая станция, построенная У. С. Геологическая служба. В отличие от МакКэндлесса, я тоже здесь с тремя компаньонами: аляскинцами Романом Дайалом и Дэном Соли и другом Романа из Калифорнии Эндрю Лиске. Гидрометрический пост не видно с того места, где Тропа Панического бегства спускается к реке, но после двадцати минут борьбы через заросли елей и карликовых березок Роман кричит: «Вижу! Там! На сотню ярдов дальше. «Мы прибыли и обнаружили стальной трос толщиной в дюйм, перекинутый через ущелье, натянутый между пятнадцатифутовой башней на нашей стороне реки и выступом на дальнем берегу, в четырехстах футах от нас. Кабель был проложен в 1970 году для отображения сезонных колебаний Текланики; гидрологи путешествовали взад и вперед над рекой с помощью алюминиевой корзины, подвешенной на тросе с помощью шкивов. Из корзины опускали утяжеленный отвес, чтобы измерить глубину реки. Станция была выведена из эксплуатации девять лет назад из-за нехватки средств, и в то время предполагалось, что корзина будет прикована цепью к башне на нашей стороне реки, со стороны шоссе. Однако, когда мы поднялись на вершину башни, корзины там не было. Глядя на бурлящую воду, я мог видеть ее на дальнем берегу каньона, со стороны автобуса. Как оказалось, какие-то местные охотники перерезали цепь, перевезли корзину и прикрепили ее к дальней стороне, чтобы посторонним было труднее пересечь Текланику и посягнуть на их территорию. Когда МакКэндлесс пытался выйти из кустов год назад на прошлой неделе, корзина была на том же месте, что и сейчас, на его стороне каньона. Если бы он знал об этом, переход через Текланику в безопасное место был бы тривиальным делом. Однако, поскольку у него не было топографической карты, он не мог представить себе, что спасение так близко. Энди Горовиц, один из друзей МакКэндлесса из команды Вудсон Хай, размышлял, что Крис «родился не в том веке. Он искал больше приключений и свободы, чем дает людям сегодняшнее общество. Приехав на Аляску, МакКэндлесс жаждал странствовать по неизведанным землям, найти на карте белое пятно. Однако в 1992

году на карте больше не было белых пятен- ни на Аляске, ни где-либо еще. Но Крис со своей идиосинкразической логикой нашел элегантное решение этой дилеммы: он просто избавился от карты. В его собственном сознании, если не где-либо еще, terra таким образом осталась бы incognita. Поскольку у него не было хорошей карты, трос, перекинутый через реку, также остался инкогнито. Таким образом, изучая бурное течение Текланики, МакКэндлесс ошибочно пришел к выводу, что достичь восточного берега невозможно. Думая, что его путь к отступлению отрезан, он вернулся к автобусу- разумный образ действий, учитывая его невежество в топографии. Но почему он тогда остался в автобусе и голодал? Почему в августе он не попытался еще раз пересечь Текланику, когда она была значительно ниже, когда можно было безопасно переходить вброд? Озадаченный этими вопросами и обеспокоенный, я надеюсь, что ржавое Автобус 142 в Фэрбенксе даст некоторые подсказки. Но чтобы добраться до автобуса, мне тоже нужно пересечь реку, а алюминиевый трамвай все еще прикован к дальнему берегу. Стоя на вершине башни, закрепляющей восточный конец пролета, я прикрепляюсь к тросу с помощью скалолазного снаряжения и начинаю передвигаться, рука за рукой, выполняя то, что альпинисты называют тирольским траверсом. Это оказывается более напряженным предложением, чем я ожидал. Через двадцать минут после старта я, наконец, вытаскиваю себя на обнажение на другой стороне, совершенно изможденный, настолько истощенный, что едва могу поднять руки. Отдышавшись наконец, я забираюсь в корзину- прямоугольную алюминиевую тележку шириной два фута и длиной четыре фута,- отсоединяю цепь и направляюсь обратно к восточной стороне каньона, чтобы переправить своих спутников. Трос заметно провисает над серединой реки; поэтому, когда я отрываюсь от обнажения, машина быстро разгоняется под собственным весом, катясь все быстрее и быстрее по стальной пряди в поисках самой низкой точки. Это захватывающая поездка. Перескакивая через пороги со скоростью двадцать или тридцать миль в час, я слышу произвольный лай испуга, вырывающийся из моего горла, прежде чем я понимаю, что мне ничего не угрожает, и восстанавливаю самообладание. После того, как мы вчетвером окажемся на западной стороне ущелья, тридцать минут грубой борьбы с кустами возвращают нас на тропу Панического бегства. Десять миль тропы, которую мы уже преодолели,- участок между нашими припаркованными машинами и рекой- были пологими, хорошо обозначенными и относительно интенсивно пройденными. Но предстоящие десять миль носят совершенно иной характер. Поскольку в весенние и летние месяцы Текланику пересекает очень мало людей, большая часть

маршрута неясна и заросла кустарником. Сразу за рекой тропа поворачивает на юго-запад вверх по руслу быстрого ручья. И поскольку бобры построили сеть сложных плотин через этот ручей, маршрут ведет прямо через три акра стоячей воды. Бобровые пруды никогда не бывают глубже груди, но вода холодная, и, пока мы плескаемся вперед, наши ноги взбивают грязь на дне, превращая ее в зловонные миазмы разлагающейся слизи. Тропа поднимается на холм за самым верхним прудом, затем снова соединяется с извилистым каменистым руслом ручья, прежде чем снова подняться в джунгли кустарниковой растительности. Идти никогда не бывает особенно трудно, но пятнадцатифутовые заросли ольхи, давящие с обеих сторон, мрачны, клаустрофобны, угнетают. Облака комаров материализуются из липкой жары. Каждые несколько минут пронзительный вой насекомых сменяется раскатами далекого грома, грохочущего над тайгой из стены грозовых туч, темнеющих на горизонте. Заросли кедра оставляют на моих голених крестообразные кровавые рваные раны. Груды медвежьего помета на тропе и, в какой-то момент, ряд свежих следов гризли- каждый отпечаток вдвое короче отпечатка ботинка девятого размера- заставили меня нервничать. Ни у кого из нас нет оружия.- Эй, Гриз! Я кричу на подлесок, надеясь избежать неожиданной встречи. «Эй, медведь! Только что прошёл! Нет причин для раздражения!» Я был на Аляске раз двадцать за последние двадцать лет- лазить по горам, работать плотником, коммерческим ловцом лосося и журналистом, дурачиться, ковыряться. Я провел много времени в одиночестве в стране во время своих многочисленных визитов и обычно получаю от этого удовольствие. На самом деле, я собирался проделать этот путь до автобуса один, и когда мой друг Роман пригласил с собой себя и еще двоих, я разозлился. Теперь, однако, я благодарен за их компанию. Есть что-то тревожное в этом готическом, заросшем пейзаже. Он кажется более злобным, чем другие, более отдаленные уголки штата, которые я знаю,- окутанные тундрой склоны хребта Брукс, туманные леса архипелага Александра, даже замерзшие, продуваемые ветром вершины массива Денали. Я чертовски счастлив, что я здесь не один. В 21:00 м. мы делаем поворот тропы, и там, на краю небольшой поляны, стоит автобус. Розовые пучки кипрея засоряют колесные арки автомобиля, растущие выше осей. Автобус № 142 из Фэрбенкса припаркован у осино-вой рощицы, в десяти ярдах от края скромной скалы, на возвышенности, с которой открывается вид на слияние реки Сушана и небольшого притока. Это привлекательная обстановка, открытая и наполненная светом. Легко понять, почему МакКэндлесс решил сделать это своим базовым лагерем. Мы останавливаемся на некотором расстоянии от автобуса и

какое-то время молча смотрим на него. Краска меловая и шелушится. Не хватает нескольких окон. Сотни хрупких костей усеивают поляну вокруг машины, разбросанные среди тысяч игл дикобраза: остатки мелкой дичи, которая составляла основную часть рациона МакКэндлесса. А по периметру этого кладбища лежит еще один скелет гораздо большего размера: скелет лося, которого он подстрелил и впоследствии мучил. Когда я допрашивал Гордона Сэмела и Кена Томпсона вскоре после того, как они обнаружили тело МакКэндлесса, оба мужчины настаивали- непреклонно и недвусмысленно,- что большой скелет был останками карибу, и они высмеивали невежество новичков, которые ошибочно принимали убитое им животное. для лося. «Волки разбросали кости,- сказал мне Томпсон,- но было очевидно, что это был карибу. Парень не знал, какого черта он здесь делает.- Это определенно был карибу,- презрительно вставил Самел. «Когда я прочитал в газете, что он думал, что подстрелил лося, это сразу же дало мне понять, что он не аляскинец. Есть большая разница между лосем и карибу. Реально большая разница. Нужно быть довольно глупым, чтобы не отличить их друг от друга. «Доверяя Самелу и Томпсону, опытным охотникам с Аляски, которые убили много лосей и карибу, я должным образом сообщил об ошибке МакКэндлесса в статье, написанной для Outside, тем самым подтвердив мнение бесчисленных читателей о том, что МакКэндлесс был до смешного плохо подготовлен, что он не стоит отправляться в какую-либо дикую местность, не говоря уже о дебрях высшей лиги Последнего Рубежа. МакКэндлесс не только умер из-за своей глупости, как заметил один корреспондент с Аляски, но и «размах его самопровозглашенного приключения был настолько мал, что напоминал жалкое сидение в разбитом автобусе в нескольких милях от Хили, выращивание соек и белок, перепутать оленя с лосем (довольно сложно)... Всего одно слово в адрес парня: некомпетентный. «Среди писем с резкой критикой МакКэндлесса практически во всех тех, что я получил, упоминалось, что он неправильно идентифицировал карибу как доказательство того, что он ничего не знал о выживании в глубинке. Однако разгневанные авторы писем не знали, что подстреленное МакКэндлессом копытное было именно тем, о чем он говорил. Вопреки тому, что я сообщил в «Внешнем мире», это животное было лосем, как теперь показало тщательное изучение останков зверя, а несколько фотографий убитого, сделанных МакКэндлессом, позже подтвердили вне всяких сомнений. Мальчик сделал несколько ошибок на Stampede Trail, но не перепутал оленя с лосем. Проходя мимо лосиных костей, я подхожу к машине и делаю шаг через запасной выход сзади. Сразу за дверью лежит рваный матрац, испачканный и гниющий, на котором МакКэндлесс скончался.

Я почему-то ошеломлен, увидев разбросанную по его тиканию коллекцию его вещей: зеленую пластмассовую фляжку; крохотная бутылочка с таблетками для очистки воды; использованный цилиндр Chap Stick; пара утепленных летних штанов, которые продаются в магазинах военного снаряжения; экземпляр бестселлера «О Иерусалим!» в мягкой обложке со сломанным корешком; шерстяные варежки; флакон средства от насекомых Мускол; полный коробок спичек; и пара коричневых резиновых рабочих ботинок с именем Галлиен, написанным на манжетах бледно-черными чернилами. Несмотря на отсутствие окон, воздух внутри похожего на пещеру автомобиля спертый и затхлый. «Вау,- замечает Роман. «Здесь пахнет дохлыми птицами. Через мгновение я натыкаюсь на источник запаха: полиэтиленовый мешок для мусора, наполненный перьями, пухом и оторванными крыльями нескольких птиц. Похоже, что МакКэндлесс копил их для утепления своей одежды или, возможно, для изготовления подушки из пера. В передней части автобуса кастрюли и тарелки МакКэндлесса сложены на импровизированном фанерном столе рядом с керосиновой лампой. Длинные кожаные ножны искусно украшены инициалами R. E: ножны для мачете, которые Рональд Франц дал МакКэндлессу, когда уезжал из Солтон-Сити. Голубая зубная щетка мальчика лежит рядом с полупустым тюбиком Colgate, пакетом зубной нити и золотой молярной коронкой, которая, согласно его дневнику, упала с его зуба через три недели после его пребывания. В нескольких дюймах от него находится череп размером с арбуз, толстые клыки цвета слоновой кости торчат из его обесцвеченных челюстей. Это череп медведя, останки гризли, застреленного кем-то, кто посетил автобус за много лет до того, как МакКэндлесс стал президентом. Сообщение, нацарапанное аккуратной рукой Криса, заключает в скобки пулевое отверстие в черепе: приветствую призрачного МЕДВЕДЯ, ЗВЕРЯ ВНУТРИ НАС ВСЕХ. АЛЕКСАНДР СУПЕРТРАМП. МАЙ 1992 ГОДА. Подняв голову, я замечаю, что металлические стены вагона покрыты граффити, оставленными многочисленными посетителями за долгие годы. Роман указывает на сообщение, которое он написал, когда останавливался в автобусе четыре года назад во время пересечения Аляскинского хребта: едоки лапши на пути к озеру Кларк 8/89. Как и Роман, большинство людей нацарапали лишь свои имена и дату. Самое длинное и красноречивое граффито- одно из нескольких, написанных МакКэндлессом, провозглашение радости, начинающееся с намека на его любимую песню Роджера Миллера: «Два года он ходит по земле». ни телефона, ни бассейна, ни домашних животных, ни сигарет. АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА. ЭКСТРЕМИСТ. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК, КОТОРЫЙ ДОМ –

ДОРОГА... Непосредственно под этим манифестом приседает печь, изготовленная из ржавой бочки из-под масла. В открытый дверной проем втиснут двенадцатифутовый кусок елового ствола, а поперек бревна накинута две пары рваных левисов, разложенных как бы для просушки. Одна пара джинсов-талия тридцать, внутренний шов тридцать два-грубо залатана серебряной клейкой лентой; другая пара была отремонтирована более тщательно, с обрывками выцветшего покрывала, зашитыми над зияющими дырами в коленях и сиденье. Эта последняя пара также имеет пояс, сделанный из полоски одеяла. Мне пришло в голову, что МакКэндлесс, должно быть, был вынужден сделать пояс после того, как похудел настолько, что его штаны не держались без него. Усевшись на стальную койку напротив плиты, чтобы обдумать эту жуткую картину, я натываюсь на свидетельства присутствия МакКэндлесса везде, куда бы ни кинул взгляд. Вот его кусачки для ногтей на ногах, вон там его зеленая нейлоновая палатка, накинута на пропавшее окно в парадной двери. Его туристические ботинки Kmart аккуратно разложены под плитой, как будто он скоро вернется, чтобы зашнуровать их и отправиться в путь. Я чувствую себя неловко, как будто я вторгаюсь, вуайерист, который проскользнул в спальню МакКэндлесса, когда он на мгновение отсутствовал. Внезапно меня тошнит, и я выхожу из автобуса, чтобы прогуляться вдоль реки и подышать свежим воздухом. Через час мы разводим костер на улице в угасающем свете. Шквалы дождя, уже прошедшие, смыли дымку из атмосферы, и далекие холмы, освещенные контровым светом, выделяются четкими деталями. Полоса раскаленного неба горит под основанием облаков на северо-западном горизонте. Роман разворачивает несколько стейков из лося, которого он подстрелил в Аляскинском хребте в сентябре прошлого года, и кладет их поперек костра на почерневший гриль, который МакКэндлесс использовал для жарки своей дичи. Лосиный жир лопается и шипит на углях. Поедая пальцами хрящеватое мясо, мы шлепаем комаров и говорим об этом странном человеке, которого никто из нас никогда не встречал, пытаюсь понять, как он попал в беду, пытаюсь понять, почему некоторые люди, кажется, так сильно презирают его за это. умер здесь. По замыслу МакКэндлесс прибыл в страну с недостатком провизии, и ему не хватало некоторых предметов снаряжения, которые многие жители Аляски считали необходимыми: крупнокалиберная винтовка, карта и компас, топор. Это рассматривалось как свидетельство не только глупости, но и еще большего греха высокомерия. Некоторые критики даже проводят параллели между МакКэндлессом и самой печально известной трагической фигурой Арктики, сэром Джоном Франклином, британским военно-морским

офицером девятнадцатого века, чье самодовольство и высокомерие привели к гибели около 140 человек, включая его собственную. В 1819 году Адмиралтейство поручило Франклину возглавить экспедицию в дикую природу северо-западной Канады. Через два года после отъезда из Англии зима настигла его небольшую группу, когда они брели по просторам тундры, настолько обширным и пустынным, что они окрестили их Степями, под которым они известны до сих пор. У них закончилась еда. Дичи было мало, поэтому Франклину и его людям приходилось питаться лишайниками, соскребаемыми с валунов, обожженной оленьей шкурой, добытыми костями животных, собственной обувной кожей и, наконец, плотью друг друга. Прежде чем испытание закончилось, по крайней мере двое мужчин были убиты и съедены, подозреваемый в убийстве был казнен без промедления, а восемь других умерли от болезней и голода. Франклин сам был в течение дня или двух после смерти, когда он и другие выжившие были спасены группой метисов. Приветливый викторианский джентльмен, Франклин, как говорили, был добродушным неуклюжим, упрямым и невежественным, с наивными идеалами ребенка и пренебрежением к приобретению навыков удаленной местности. Он был совершенно не готов возглавить арктическую экспедицию, и по возвращении в Англию его прозвали Человеком, Который Съел Свою Обувь—однако это прозвище чаще произносилось с благоговением, чем с насмешкой. Он был провозглашен национальным героем, Адмиралтейство повысило его до звания капитана, щедро заплатило за то, чтобы он написал отчет о своих испытаниях, и в 1825 году получил командование второй арктической экспедицией. Это путешествие прошло относительно гладко, но в 1845 году, надеясь наконец открыть легендарный Северо-Западный проход, Франклин совершил ошибку, вернувшись в Арктику в третий раз. О нем и 128 человек под его командованием больше ничего не было слышно. Доказательства, обнаруженные сорока с лишним экспедициями, отправленными на их поиски, в конце концов установили, что все они погибли, став жертвами цинги, голода и невыразимых страданий. Когда МакКэндлесса нашли мертвым, его сравнили с Франклином не только потому, что оба мужчины голодали, но и потому, что обоим, как считалось, не хватало необходимого смирения; Считалось, что оба недостаточно уважали землю. Спустя столетие после смерти Франклина выдающийся исследователь Вильхьялмур Стефанссон отметил, что английский исследователь никогда не утруждал себя изучением навыков выживания, которыми пользовались индейцы и эскимосы— народы, которым удавалось процветать «в течение поколений, воспитывая своих детей и заботиться о своих стариках» в той же суровой стране, где погиб

Франклин. (Стефанссон не упомянул, что в северных широтах также голодает много индейцев и эскимосов. Однако высокомерие МакКэндлесса было не такого рода, как у Франклина. Франклин рассматривал природу как антагониста, который неизбежно подчинится силе, хорошему воспитанию и викторианской дисциплине. Вместо того, чтобы жить в согласии с землей, вместо того, чтобы полагаться на сельскую местность для пропитания, как это делали туземцы, он попытался оградить себя от северной среды с помощью неподходящих военных инструментов и традиций. МакКэндлесс, с другой стороны, зашел слишком далеко в противоположном направлении. Он пытался жить исключительно за счет деревни, и он пытался делать это, не утруждая себя заранее овладеть полным репертуаром важнейших навыков. Однако, вероятно, упускает смысл критиковать МакКэндлесса за то, что он плохо подготовился. Он был зеленым и переоценивал свою стойкость, но он был достаточно опытен, чтобы продержаться шестнадцать недель на немногим большем, чем его ум и десять фунтов риса. И он полностью осознавал, когда входил в кусты, что давал себе опасно малое право на ошибку. Он точно знал, что поставлено на карту. Нет ничего необычного в том, что молодой человек увлекается занятием, которое его старшие считают безрассудным; участие в рискованном поведении является обрядом посвящения в нашей культуре не меньше, чем в большинстве других. Опасность всегда притягивала. В значительной степени именно поэтому так много подростков водят машину слишком быстро, слишком много пьют и принимают слишком много наркотиков, вот почему странам всегда было так легко вербовать молодых людей для участия в войне. Можно утверждать, что юношеская безрассудность на самом деле является эволюционно адаптивным поведением, закодированным в наших генах. МакКэндлесс в своей манере просто довел риск до логической крайности. У него была потребность испытать себя способами, как он любил говорить, «это имело значение. Он обладал грандиозно-некоторые бы сказали грандиозно-духовными амбициями. Согласно моральному абсолютизму, который характеризует убеждения МакКэндлесса, вызов, в котором гарантирован успешный результат, вовсе не является вызовом. Конечно, на рискованные предприятия тянутся не только молодые люди. Джона Мьюира помнят в первую очередь как серьезного защитника природы и президента-основателя Sierra Club, но он также был смелым авантюристом, бесстрашным карабкающимся по пикам, ледникам и водопадам, чье самое известное эссе включает захватывающий отчет о почти падающем до своей смерти в 1872 году при восхождении на гору Калифорния в Калифорнии. Риттер. В другом эссе Мьюир восторженно

описывает, как по своему выбору пережил свирепый сьерра-шторм на самых верхних ветвях стофутовой пихты Дугласа: [Никогда] прежде я не наслаждался таким благородным возбуждением от движения. Стройные вершины изрядно хлопали и плескались в страстном потоке, изгибаясь и кружась взад и вперед, круг за кругом, чертя неопишуемые комбинации вертикальных и горизонтальных изгибов, а я цеплялся крепко напряженными мышцами, как боболинк за тростинку. В то время ему было тридцать шесть лет. Можно подозревать, что Мьюир не считал бы МакКэндлесса ужасно странным или непонятным. Даже уравновешенный, чопорный Торо, который, как известно, заявил, что достаточно «много поездить по Конкорду», почувствовал необходимость посетить более устрашающие дебри штата Мэн девятнадцатого века и взобраться на гору Катадин. Его восхождение на «дикие и ужасные, хотя и прекрасные» валы пика потрясло и напугало его, но также вызвало головокружительный трепет. Беспокойство, которое он чувствовал на гранитных высотах Катадина, вдохновило его на некоторые из его самых сильных произведений и глубоко повлияло на то, как он впоследствии думал о земле в ее грубом, необитаемом состоянии. В отличие от Мьюира и Торо, МакКэндлесс отправился в пустыню не для того, чтобы прежде всего размышлять о природе или мире в целом, а, скорее, чтобы исследовать внутреннюю страну своей собственной души. Однако вскоре он обнаружил то, что уже знали Мьюир и Торо: продолжительное пребывание в глуши неизбежно направляет внимание вовне так же, как и вовнутрь, и невозможно жить за счет земли, не развивая тонкое понимание и сильное эмоциональное состояние. связь с этой землей и всем, что она держит. Записи в журнале МакКэндлесса содержат мало абстракций о дикой природе или, если уж на то пошло, мало размышлений любого рода. Мало упоминаний об окружающих пейзажах. Действительно, как отмечает друг Романа Эндрю Лиске, прочитав фотокопию дневника: «Эти записи почти полностью о том, что он ел. Он почти ни о чем не писал, кроме еды. «Эндрю не преувеличивает: журнал представляет собой не более чем подсчет собранных растений и убитой дичи. Однако, вероятно, было бы ошибкой делать из этого вывод, что МакКэндлесс не смог оценить красоту окружающей его страны, что его не тронула сила пейзажа. Как заметил культурный эколог Пол Шепард, кочевники-бедуины не обожают пейзажи, не рисуют пейзажи и не составляют неутилитарную естественную историю. . . [Н]эта жизнь настолько тесно связана с природой, что в ней нет места абстракции, эстетике или «натурфилософия», которую можно отделить от остальной его жизни. . . Природа и его отношение к ней — дело смертельно-серьезное, предписанное условностью, тайной и опасно-

стью. Его личный досуг направлен в сторону от праздного развлечения или отстраненного вмешательства в процессы природы. Но в его жизнь встроено осознание этого присутствия, местности, непредсказуемой погоды, узкой границы, благодаря которым он поддерживается. Примерно то же самое можно сказать о МакКэндлессе в те месяцы, которые он провел у реки Сушана. Было бы легко стереотипировать Кристофера МакКэндлесса как еще одного мальчика, который слишком много чувствует, сумасшедшего молодого человека, который прочитал слишком много книг и лишен даже капельки здравого смысла. Но стереотип не годится. МакКэндлесс не был беспомощным бездельником, плывущим по течению и растерянным, терзаемым экзистенциальным отчаянием. Наоборот: его жизнь была наполнена смыслом и целью. Но смысл, который он вырвал из существования, лежал за пределами удобного пути: МакКэндлесс не доверял ценности того, что дается легко. Он требовал от себя многого - в конце концов, больше, чем мог дать. Пытаясь объяснить неортодоксальное поведение МакКэндлесса, некоторые люди придавали большое значение тому факту, что, как и Джон Уотерман, он был маленького роста и, возможно, страдал «комплексом невысокого человека», фундаментальной неуверенностью, которая заставляла его доказывать свою мужественность с помощью экстремальные физические нагрузки. Другие утверждали, что в основе его фатальной одиссеи лежал неразрешенный эдипальный конфликт. Хотя в обеих гипотезах может быть доля правды, такого рода посмертный нестандартный психоанализ является сомнительным, в высшей степени спекулятивным предприятием, которое неизбежно унижает и упрощает отсутствующего анализанда. Неясно, много ли полезного можно узнать, сведя странные духовные поиски Криса МакКэндлесса к списку обычных психологических расстройств. Роман, Эндрю и я смотрим в угли и говорим о МакКэндлессе до поздней ночи. Тридцатидвухлетний Роман, любознательный и прямолинейный, имеет докторскую степень по биологии в Стэнфорде и стойкое недоверие к общепринятым мнениям. Он провел свою юность в том же Вашингтоне, округ Колумбия. С. , пригороды, как МакКэндлесс, и находили их такими же душными. Впервые он приехал на Аляску в девятилетнем возрасте, чтобы навестить троих дядюшек, которые добывали уголь в Узибелли, большом карьере в нескольких милях к востоку от Хили, и сразу же влюбился во все, что связано с Севером. В последующие годы он неоднократно возвращался в сорок девятое состояние. В 1977 году, окончив среднюю школу шестнадцатилетним лучшим учеником в своем классе, он переехал в Фэрбенкс и сделал Аляску своим постоянным домом. В настоящее время Роман преподает в Тихоокеанском универ-

ситете Аляски в Анкоридже и пользуется известностью по всему штату благодаря длинной череде дерзких выходов в отдаленных районах: среди прочих подвигов он преодолел всю 1000-мильную длину хребта Брукс пешком и на веслах, катался на лыжах 250 миль через Арктический национальный заповедник дикой природы в минусовые зимние холода, пересек 700-мильный гребень Аляскинского хребта и совершил более тридцати первых восхождений на северные вершины и скалы. И Роман не видит большой разницы между своими уважаемыми делами и приключением МакКэндлесса, за исключением того, что МакКэндлесс имел несчастье погибнуть. Я рассказываю о высокомерии МакКэндлесса и о глупых ошибках, которые он совершил,- о двух или трех промахах, которых легко избежать, которые в итоге стоили ему жизни. «Конечно, он облажался,- отвечает Роман,- но я восхищаюсь тем, что он пытался сделать. Вот так жить полностью вне земли, месяц за месяцем, невероятно сложно. Я никогда этого не делал. И я держу пари, что очень немногие из тех, кто называет МакКэндлесса некомпетентным, если таковые вообще имеются, когда-либо делали это, не дольше недели или двух. Жить во внутренних бушах в течение длительного периода времени, питаясь только тем, что вы охотитесь и собираете,- большинство людей понятия не имеют, насколько это тяжело на самом деле. И МакКэндлесс почти справился. «Думаю, я просто не могу не отождествлять себя с этим парнем»,- признается Роман, тыча палкой в угли. «Ненавижу это признавать, но не так много лет назад я легко мог оказаться в таком же затруднительном положении. Когда я впервые начал приезжать на Аляску, думаю, я был во многом похож на МакКэндлесса: такой же зеленый, такой же нетерпеливый. И я уверен, что есть много других жителей Аляски, у которых было много общего с МакКэндлессом, когда они впервые попали сюда, включая многих его критиков. Возможно, поэтому они так строги к нему. Может быть, МакКэндлесс слишком напоминает им самих себя. «Наблюдение Романа подчеркивает, как трудно тем из нас, кто занят будничными заботами взрослой жизни, вспоминать, как сильно нас когда-то били страсти и стремления юности. Как размышлял отец Эверетта Рюсса спустя годы после того, как его двадцатилетний сын исчез в пустыне: «Пожилой человек не осознает полетов души подростка. Думаю, мы все плохо поняли Эверетта. «Роман, Эндрю и я не ложимся спать далеко за полночь, пытаюсь разобраться в жизни и смерти МакКэндлесса, но его сущность остается скользкой, расплывчатой, неуловимой. Постепенно разговор затухает и затухает. Когда я удаляюсь от костра, чтобы найти место, чтобы бросить свой спальный мешок, первые слабые мазки рассвета уже обесцвечивают край северо-

восточного неба. Хотя комаров сегодня полно, а автобус, без сомнения, мог бы стать убежищем, я решаю не ночевать в Фэрбенксе 142. Как и другие, замечаю я, прежде чем погрузиться в сон без сновидений.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ПУТЬ ПАНИКИ

Современному человеку почти невозможно представить себе, что значит жить охотой. Жизнь охотника- это тяжелые, казалось бы, непрерывные путешествия по суше... Жизнь частых опасений, что следующий перехват может не сработать, что ловушка или загон не сработают, или что стада не появятся в этом сезоне. Прежде всего жизнь охотника несет в себе угрозу лишений и голодной смерти. Джон М. Кэмпбелл, голодное лето Что такое история? Это века систематических исследований загадки смерти с целью преодоления смерти. Вот почему люди открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, поэтому они пишут симфонии. Теперь вы не можете продвигаться в этом направлении без определенной веры. Вы не можете сделать такие открытия без духовного снаряжения. И основные элементы этого снаряжения есть в Евангелиях. Кто они такие? Начнем с любви к ближнему, которая есть высшая форма жизненной энергии. Как только оно наполняет сердце человека, оно должно переполниться и израсходоваться. И затем два основных идеала современного человека- без них он немислим- идея свободной личности и идея жизни как жертвы. Борис Пастернак, доктор Живаго- отрывок, выделенный в одной из книг, найденных вместе с останками Кристофера МакКэндлесса; подчеркнуто МакКэндлессом После того, как его попытка покинуть пустыню была остановлена высоким течением Текланики, МакКэндлесс вернулся к автобусу 8 июля. Невозможно узнать, что творилось у него в голове в тот момент, потому что его дневник ничего не выдает. Вполне возможно, что его не беспокоило то, что его пути к отступлению были отрезаны; действительно, в то время у него было мало причин для беспокойства: был разгар лета, страна была плодородным буйством растительной и животной жизни, и его запасов пищи было достаточно. Вероятно, он предполагал, что если он выждет до августа, Текланика упадет настолько, что его можно будет пересечь. Восстановленный в ржавой оболочке Фэрбенкса 142, МакКэндлесс вернулся к своей рутине охоты и собирательства. Он читал «Смерть Ивана Ильича» Толстого и «Терминал» Майкла Крайтона. Он отметил в своем дневнике, что дождь шел неделю подряд. Дичи, кажется, было много: за последние три недели июля он убил тридцать пять белок, четырех глухарей, пять соек и дятлов и двух лягушек, которых он дополнил диким картофелем, диким ревенем, различными видами ягоды и большое количество грибов. Но, несмотря на это кажущееся изобилие, мясо, которое он убивал, было очень постным, и он потреблял меньше калорий, чем сжигал. Просидев в течение трех месяцев на крайне скудной

диете, МакКэндлесс столкнулся со значительным дефицитом калорий. Он балансировал на шатком краю. А затем, в конце июля, он совершил ошибку, которая погубила его. Он только что закончил читать «Доктора Живаго», книгу, побудившую его делать восторженные пометки на полях и подчеркивать несколько отрывков: «Лара шла по тропе, протоптанной паломниками, и сворачивала в поля. Тут она остановилась и, закрыв глаза, глубоко вдохнула пахнувший цветами воздух окружавшего ее простора. Он был ей дороже родных, лучше любовника, мудрее книги. На мгновение она заново открыла для себя цель своей жизни. Она была здесь, на земле, чтобы постичь смысл ее дикого очарования и назвать каждую вещь своим именем, или, если это было не в ее силах, родить из любви к жизни преемников, которые сделали бы это вместо нее. . «ПРИРОДА/ЧИСТОТА»,- напечатал он жирным шрифтом вверху страницы. О, как хочется иногда вырваться из бессмысленной тупости человеческого красноречия, из всех этих возвышенных фраз, укрыться в природе, кажущейся такой нечленораздельной, или в безмолвии долгого, кропотливого труда, крепкого сна, истинной музыки, или человеческого разума, лишённого дара речи из-за эмоций! МакКэндлесс пометил этот абзац звездочкой и заключил его в квадратные скобки, а черными чернилами обвел «убежище в природе». Рядом с «И вот оказалось, что только жизнь, подобная жизни окружающих, слившаяся с ней без ряби, есть настоящая жизнь, а неразделенное счастье- не счастье. . . И это было больше всего досадно», он отметил: «СЧАСТЬЕ НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО КОГДА ДЕЛИТСЯ. «Заманчиво рассматривать это последнее примечание как еще одно свидетельство того, что длительный одинокий творческий отпуск МакКэндлесса каким-то существенным образом изменил его. Это можно истолковать так, что он, возможно, был готов сбросить часть доспехов, которые он носил вокруг своего сердца, что по возвращении в цивилизацию он намеревался отказаться от жизни одинокого бродяги, перестать так убежать от близости, и стать членом человеческого сообщества. Но мы этого никогда не узнаем, потому что «Доктор Живаго» был последней книгой, которую когда-либо читал Крис МакКэндлесс. Через два дня после того, как он закончил книгу, 30 июля, в журнале появляется зловещая запись: «КРАЙНЕ СЛАБЫЙ. НЕИСПРАВНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЯ. СЕМЯ. МНОГО ТРУДНО ПРОСТО ВСТАТЬ. ИЗГОЛОДАВШИЙСЯ. БОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ. До этой заметки в журнале нет ничего, что указывало бы на то, что МакКэндлесс находился в ужасных обстоятельствах. Он был голоден, и из-за скудной диеты его тело превратилось в дикие крошки из хрящей и костей, но, казалось, он был в относительно хорошем здоровье. Затем, после 30 июля,

его физическое состояние резко ухудшилось. К 19 августа он умер. Было много предположений о том, что вызвало такой стремительный спад. Через несколько дней после опознания останков МакКэндлесса Уэйн Вестерберг смутно припоминал, что Крис, возможно, купил несколько семян в Южной Дакоте, прежде чем отправиться на север, в том числе, возможно, несколько семян картофеля, с помощью которых он намеревался посадить огород после того, как обосновался в кустах. Согласно одной из теорий, МакКэндлесс так и не удосужился посадить огород (я не видел признаков сада рядом с автобусом) и к концу июля проголодался настолько, что съел семена, отравившие его. Семена картофеля на самом деле слегка токсичны после того, как они начали прорастать. Они содержат соланин, яд, содержащийся в растениях семейства пасленовых, вызывающий кратковременную рвоту, диарею, головную боль и вялость, а также отрицательно влияющий на частоту сердечных сокращений и артериальное давление при приеме внутрь в течение длительного периода времени. Однако у этой теории есть серьезный недостаток: для того, чтобы МакКэндлесс был выведен из строя семенами картофеля, ему пришлось бы съесть много-много фунтов их; и, учитывая легкий вес его рюкзака, когда Галлиен высадил его, крайне маловероятно, что он нес больше нескольких граммов семян картофеля, если он вообще нес их. Но другие сценарии включают семена картофеля совершенно другого сорта, и эти сценарии более правдоподобны. На страницах 126 и 127 *Tanaina Plantlore* описывается растение, которое индейцы денайна называют диким картофелем, собравшим его похожий на морковь корень. Растение, известное ботаникам как *Hedysarum alpinum*, растет на гравийной почве по всему региону. По словам Танайны Плантлор, «корень дикого картофеля, вероятно, является самой важной пищей денайна, кроме диких фруктов. Они едят его разными способами- сырым, вареным, запеченным или жареным- и наслаждаются им, особенно обмакивая его в масло или сало, в котором они также консервируют его. Далее в цитате говорится, что лучшее время для выкапывания дикого картофеля «весной, как только оттает земля. . . Летом он явно становится сухим и жестким. «Присцилла Рассел Кари, автор *Tanaina Plantlore*, объяснила мне, что «весна была действительно тяжелым временем для людей Dena'ina, особенно в прошлом. Часто дичь, от которой они зависели в еде, не появлялась, или рыба не начинала бежать вовремя. Поэтому они зависели от дикого картофеля как основного продукта питания, пока поздней весной не появилась рыба. У него очень сладкий вкус. Это было и остается чем-то, что они действительно любят есть. «Над землей дикий картофель растет кустистой травой, высотой в два фута, со

стеблями нежных розовых цветов, напоминающих миниатюрные цветки душистого горошка. Взяв пример из книги Кари, МакКэндлесс начал выкапывать и есть корни дикого картофеля 24 июня, по-видимому, без каких-либо побочных эффектов. 14 июля он также начал есть похожие на горошину семенные коробочки растения, вероятно, потому, что корни становились слишком жесткими для еды. На фотографии, которую он сделал в этот период, виден пластиковый пакет Ziploc емкостью один галлон, до отказа набитый такими семенами.

А затем, 30 июля, запись в его дневнике гласит: «КРАЙНЕ СЛАБЫЙ. НЕИСПРАВНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЯ. СЕМЯ. . . » Через одну страницу после того, как Tanaina Plantlore перечисляет дикий картофель, он описывает близкородственный вид, дикий душистый горошек, *Hedysarum maskenzii*. Несмотря на то, что это растение немного меньшего размера, дикий душистый горошек настолько похож на дикий картофель, что даже опытные ботаники иногда с трудом различают виды. Есть только одна отличительная черта, которая абсолютно достоверна: на нижней стороне крошечных зеленых листочков дикого картофеля заметны боковые жилки; такие жилки незаметны на листочках душистого горошка. Книга Кари предупреждает, что, поскольку дикий душистый горошек очень трудно отличить от дикого картофеля и «сообщается, что он ядовит, следует позаботиться о том, чтобы точно идентифицировать их, прежде чем пытаться использовать дикий картофель в пищу. Сообщения об отравлении людей в результате употребления в пищу *H. maskenzii* отсутствуют в современной медицинской литературе, но аборигены Севера, по-видимому, тысячелетиями знали, что дикий душистый горошек токсичен, и крайне осторожны, чтобы не перепутать *H. альпинум* с *H. маккензи*. Чтобы найти задокументированное отравление диким душистым горохом, мне пришлось вернуться к анналам арктических исследований девятнадцатого века. Я наткнулся на то, что искал, в дневниках сэра Джона Ричардсона, известного шотландского хирурга, натуралиста и исследователя. Он участвовал в первых двух экспедициях незадачливого сэра Джона Франклина и выжил в обеих; именно Ричардсон расстрелял подозреваемого в убийстве-каннибале в первой экспедиции. Ричардсон также оказался ботаником, первым написавшим научное описание *H. maskenzii* и дал растению его ботаническое название. В 1848 году, возглавляя экспедицию через канадскую Арктику в поисках к тому времени пропавшего Франклина, Ричардсон провел ботаническое сравнение *H. альпинум* и *H. маккензи*. *САС. alpinum*, как он заметил в своем дневнике, дает длинные гибкие корни, которые на вкус сладкие, как лакрица, и туземцы часто едят их весной, но с на-

ступлением сезона становятся деревянистыми и теряют свою сочность и свежесть. Корень седого, стелющегося и менее элегантного, но более крупноцветкового *Hedysarum maskenzii* ядовит и чуть не убил старую индейскую женщину в Форт-Симпсон, которая приняла его за корень предыдущего вида. К счастью, это оказалось рвотным; и ее желудок отверг все, что она проглотила, она выздоровела, хотя некоторое время ее выздоровление было сомнительным. Было легко представить, как Крис МакКэндлесс совершает ту же ошибку, что и индианка, и становится таким же недееспособным. Судя по всем имеющимся свидетельствам, мало кто сомневался в том, что МакКэндлесс- опрометчивый и неосторожный по натуре- совершил небрежную ошибку, перепутав одно растение с другим, и вследствие этого умер. В статье Outside я с большой уверенностью сообщил, что *H. maskenzii*, дикий душистый горошек, убил мальчика. Практически все остальные журналисты, писавшие о трагедии МакКэндлесса, пришли к такому же выводу. Но по мере того, как шли месяцы, и у меня была возможность более подробно размышлять о смерти МакКэндлесса, этот консенсус казался все менее правдоподобным. За три недели, начиная с 24 июня, МакКэндлесс выкопал и благополучно съел десятки корней дикого картофеля, не перепутав *H. maskenzii* для *H. альпийский*; почему 14 июля, когда он начал собирать семена вместо корней, он вдруг перепутал два вида? *maskenzii* и никогда не ел его семена или любую другую часть растения. Он действительно был отравлен, но растением, которое его убило, был не дикий душистый горошек. Агентом его гибели был дикий картофель, *H. alpinum*, виды, которые в *Tanaina Plantlore* четко идентифицированы как нетоксичные. Книга сообщает только, что корни дикого картофеля съедобны. Хотя в нем ничего не говорится о том, что семена этого вида съедобны, в нем также ничего не говорится о том, что семена токсичны. Справедливости ради МакКэндлесс, следует отметить, что семена *H. alpinum* никогда не описывались как токсичные ни в одном опубликованном тексте: обширный поиск в медицинской и ботанической литературе не дал ни одного указания на то, что какая-либо часть *H. альпинум* ядовит. А вот семейство гороховых (*Leguminosae*, к которому относятся *H. alpinum*) изобилует видами, которые продуцируют алкалоиды- химические соединения, оказывающие мощное фармакологическое действие на людей и животных. (Морфин, кофеин, никотин, кураре, стрихнин и мескалин- все это алкалоиды.) А у многих видов-продуцентов алкалоидов, кроме того, токсин строго локализован внутри растения. «Что происходит со многими бобовыми,- объясняет Джон Брайант, химик-эколог из Университета Аляски в Фэрбенксе,- растения концентрируют алкалоиды в семенной

оболочке в конце лета, чтобы животные не охотились есть их семена. В зависимости от времени года растение со съедобными корнями нередко имеет ядовитые семена. Если какой-то вид действительно производит алкалоиды, то с приближением осени токсин, скорее всего, будет найден в семенах. «Во время моего визита на реку Сушана я собрал образцы *H. alpinum*, выросшего в нескольких футах от автобуса, и отправили коробочки с семенами из этого образца Тому Клаузену, коллеге профессора Брайанта по химическому факультету Университета Аляски. Окончательный спектрографический анализ еще не завершен, но предварительное тестирование, проведенное Клаузеном и одним из его аспирантов, Эдвардом Тредвеллом, показывает, что семена определенно содержат следы алкалоида. Более того, существует большая вероятность того, что алкалоидом является свайнсонин, соединение, известное владельцам ранчо и ветеринарам-животноводам как токсическое вещество, присутствующее в локоуи. Существует около пятидесяти разновидностей ядовитых локов, большая часть которых относится к роду *Astragalus*- роду, очень близкому к *Hedysarum*. Наиболее очевидными симптомами отравления локовиной являются неврологические. Согласно статье, опубликованной в Журнале Американской ассоциации ветеринарной медицины, среди признаков отравления локовиной- «депрессия, медленная, шатающаяся походка, грубая шерсть, тусклые глаза с пристальным взглядом, исхудание, нарушение координации движений и нервозность (особенно при подчеркнут). Кроме того, больные животные могут стать одиночками, с ними будет трудно обращаться, у них могут возникнуть трудности с едой и питьем. «С открытием Клаузеном и Тредуэллом того, что семена дикого картофеля могут быть хранилищами свайнсонина или какого-то аналогичного токсичного соединения, можно привести убедительные доводы в пользу того, что эти семена стали причиной смерти МакКэндлесса. Если это правда, это означает, что МакКэндлесс не был таким безрассудным или некомпетентным, каким его изображали. Он не смешивал по небрежности один вид с другим. Растение, отравившее его, не было известно как ядовитое- более того, он благополучно ел его корни в течение нескольких недель. В состоянии голода МакКэндлесс просто совершил ошибку, проглотив его семенные коробочки. Человек, лучше разбирающийся в ботанических принципах, вероятно, не стал бы их есть, но это была невинная ошибка. Тем не менее, этого было достаточно, чтобы убить его. Последствия отравления свайнсоном носят хронический характер- алкалоид редко сразу убивает. Токсин делает свое дело коварно, опосредованно, ингибируя фермент, необходимый для метаболизма гликопротеинов. Он создает как бы массивную паровую пробку в топли-

в проводках млекопитающих: тело не может превратить то, что оно ест, в источник полезной энергии. Если вы съедите слишком много свайнсонины, вы обречены на голодную смерть, независимо от того, сколько еды вы положили в желудок. Животные иногда выздоравливают от отравления свайнсоном после того, как перестают есть локовид, но только если они изначально находятся в довольно крепком состоянии. Для того, чтобы токсическое соединение было выведено с мочой, оно сначала должно соединиться с доступными молекулами глюкозы или аминокислоты. Должен присутствовать большой запас белков и сахаров, чтобы вытереть яд и выжать его из организма. «Проблема,- говорит профессор Брайант,- заключается в том, что если вы с самого начала худы и голодны, у вас, очевидно, не будет лишних белков и глюкозы; так что нет никакого способа вымыть токсин из вашей системы. Когда голодающее млекопитающее проглатывает алкалоид, даже такой безобидный, как кофеин, оно пострадает от него гораздо сильнее, чем обычно, потому что у него не хватает запасов глюкозы, необходимых для выделения этого вещества. Алкалоид просто накапливается в организме. Если бы МакКэндлесс съел большой кусок этих семян, будучи уже в полуголодном состоянии, это было бы подготовкой к катастрофе. «Подавленный ядовитыми семенами, МакКэндлесс обнаружил, что внезапно стал слишком слаб, чтобы выбраться и спасти себя. Теперь он был слишком слаб даже для того, чтобы эффективно охотиться, и поэтому становился еще слабее, приближаясь все ближе и ближе к голодной смерти. Его жизнь выходила из-под контроля с ужасающей скоростью. Записей в журнале за 31 июля и 1 августа нет. 2 августа в дневнике написано только: «УЖАСНЫЙ ВЕТЕР. «Осень была не за горами. Температура падала, а дни становились заметно короче: с каждым оборотом земли светового дня становилось на семь минут меньше, а холода и тьмы- на семь минут больше; за одну неделю ночь стала длиннее почти на час. «ДЕНЬ 100! СДЕЛАЙ ЭТО!" он с ликованием отметил 5 августа, гордясь достижением такой важной вехи, «НО В СЛАБЕЙШЕМ ЖИЗНЕННОМ СОСТОЯНИИ. СМЕРТЬ ВЫРАЖАЕТСЯ КАК СЕРЬЕЗНАЯ УГРОЗА. СЛИШКОМ СЛАБЫ, ЧТОБЫ УЙТИ, БУКВАЛЬНО ПОПАЛИ В ЛОВУШКУ В ДИКОЙ СИТУАЦИИ. -НЕТ ИГРЫ. «Если бы у МакКэндлесса была буква U. С. Топографическая карта Геологической службы, она должна была предупредить его о существовании хижины парковой службы в верховьях реки Сушана, в шести милях к югу от автобуса, расстояние, которое он мог бы преодолеть даже в своем сильно ослабленном состоянии. В хижине, расположенной сразу за границей национального парка Де-нали, было немного запасов продовольствия, постельных

принадлежностей и средств первой помощи для рейнджеров, отправляющихся в зимнее патрулирование. И хотя они не отмечены на карте, в двух милях еще ближе к автобусу есть пара частных домиков: один принадлежит известным погонщикам собак Хили Уиллу и Линде Форсберг; другой- сотрудник национального парка Денали Стив Карвайл-там тоже должна была быть еда. Иными словами, очевидное спасение МакКэндлесса заключалось в трехчасовой прогулке вверх по реке. Эта печальная ирония была широко отмечена после его смерти. Но даже если бы он знал об этих хижинах, они не спасли бы МакКэндлесса от беды: в какой-то момент после середины апреля, когда освободилась последняя из хижин, так как весенняя распутица сделала езду на собачьих упряжках и передвижение на снегоуборочной машине проблематичным, кто-то ворвался во все три каюты и подверг их вандализму. Еда внутри подверглась воздействию животных и погоды, что испортило ее. Ущерб не был обнаружен до конца июля, когда биолог по дикой природе по имени Пол Аткинсон совершил изнурительный десятимильный переход через Внешнюю горную цепь, от дороги в национальный парк Денали до приюта Службы парков. Он был потрясен и сбит с толку бессмысленным разрушением, которое встретило его. «Очевидно, что это была не работа медведя»,- сообщает Аткинсон. «Я медвежий техник, поэтому я знаю, как выглядят повреждения медведя. Это выглядело так, как будто кто-то ударил по хижинам молотком и разбил все, что попадалось на глаза. По размерам кипрея, проросшего сквозь выброшенные наружу матрасы, было ясно, что вандализм произошел много недель назад. «Он был полностью разрушен»,- говорит Уилл Форсберг о своей каюте. «Все, что не было приколочено, было разрушено. Были разбиты все лампы и большая часть окон. Постельные принадлежности и матрасы вытащили наружу и бросили в кучу, потолочные доски сдернули, канистры с горючим прокололи, дровяную печь убрали, даже большой ковер вытащили, чтобы он гнил. И вся еда пропала. Так что хижины не сильно помогли бы Алексу, даже если бы он их нашел. Или опять же, может быть, он сделал. «Форсберг считает МакКэндлесса главным подозреваемым. Он считает, что МакКэндлесс наткнулся на хижины после прибытия на автобусе в первую неделю мая, пришел в ярость из-за вторжения цивилизации в его драгоценный опыт в дикой природе и систематически разрушал здания. Однако эта теория не объясняет, почему МакКэндлесс не разгромил автобус. Карвайл также подозревает МакКэндлесса. «Это просто интуиция,- объясняет он,- но я чувствую, что он был из тех парней, которые хотели бы «освободить пустыню». Одним из способов сделать это было бы уничтожение хижин. Или, может быть, это была его

сильная неприязнь к правительству: он увидел вывеску на хижине парковой службы, идентифицирующую ее как таковую, предположил, что все три хижины являются государственной собственностью, и решил нанести удар по Большому Брату. Это, безусловно, кажется в пределах возможного. «Власти, со своей стороны, не считают МакКэндлесса вандалом. «Мы действительно не смогли понять, кто мог это сделать»,- говорит Кен Керер, главный рейнджер национального парка Денали. «Но Служба национальных парков не считает Криса МакКэндлесса подозреваемым. На самом деле, в журнале или фотографиях МакКэндлесса нет ничего, что указывало бы на то, что он приближался к хижинам. Когда МакКэндлесс отважился выйти за пределы автобуса в начале мая, на его фотографиях видно, что он направился на север, вниз по течению вдоль Сушаны, в противоположном направлении от домиков. И даже если он каким-то образом наткнулся на них, трудно представить, чтобы он разрушал здания, не хвастаясь этим в своем дневнике. В дневнике МакКэндлесса нет записей за 6, 7 и 8 августа. 9 августа он отмечает, что выстрелил в медведя, но промахнулся. 10 августа он увидел оленя, но не выстрелил, а сам убил пятерых белок. Однако, если бы в его организме накопилось достаточное количество свайнсолина, эта неожиданная мелкая дичь не дала бы ему достаточного питания. 11 августа он убил и съел одну куропатку. 12 августа он вылез из автобуса, чтобы собрать ягоды, после того как написал просьбу о помощи на тот маловероятный случай, если кто-то заедет, пока его не будет. Написанное кропотливыми печатными буквами на странице, вырванной из гоголевского «Тараса Бульбы», оно гласит: «С. О. С. МНЕ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ. Я РАНЕН, НА СМЕРТИ И СЛИШКОМ СЛАБ, ЧТОБЫ УЙТИ ОТСЮДА Я ОДИН, ЭТО НЕ ШУТКА. ВО ИМЯ БОГА, ПОЖАЛУЙСТА, СПАСИТЕ МЕНЯ. Я УШЛА СОБИРАТЬ ЯГОДЫ ПОБЛИЗОСТИ И ВЕРНУСЬ ЭТИМ ВЕЧЕРОМ. СПАСИБО. Он подписал записку «Крис МакКэндлесс. август?» Осознавая серьезность своего затруднительного положения, он отказался от дерзкого прозвища, которое использовал годами, Александра Супербродяги, в пользу имени, данного ему при рождении родителями. Многие жители Аляски задавались вопросом, почему в отчаянии МакКэндлесс не устроил лесной пожар в этот момент, как сигнал бедствия. В автобусе было два почти полных галлона печного газа; по-видимому, было бы просто разжечь пожар, достаточно большой, чтобы привлечь внимание пролетающих самолетов или, по крайней мере, сжечь гигантский сигнал SOS в мускусе. Однако, вопреки распространенному мнению, автобус не находится ниже какой-либо установленной траектории полета, и очень немногие самолеты пролетают над ним. За

четыре дня, которые я провел на Stampede Trail, я не видел ни одного самолета над головой, кроме коммерческих самолетов, летающих на высоте более двадцати пяти тысяч футов. Несомненно, время от времени в поле зрения автобуса пролетали небольшие самолеты, но МакКэндлессу, вероятно, пришлось бы разжечь довольно большой лесной пожар, чтобы привлечь их внимание. И, как отмечает Карин МакКэндлесс, «Крис никогда бы не стал намеренно сжигать лес, даже для того, чтобы спасти свою жизнь. Любой, кто предлагает обратное, не понимает самого главного в моем брате. «Голодание- не самый приятный способ умереть. На поздних стадиях голода, когда тело начинает само себя поглощать, пострадавший страдает мышечными болями, нарушениями сердечной деятельности, выпадением волос, головокружением, одышкой, крайней чувствительностью к холоду, физическим и умственным истощением. Кожа становится бесцветной. При отсутствии основных питательных веществ в мозгу развивается серьезный химический дисбаланс, вызывающий судороги и галлюцинации. Однако некоторые люди, которых вернули с дальнего края голодной смерти, сообщают, что ближе к концу голод исчезает, ужасная боль растворяется, а страдание сменяется возвышенной эйфорией, чувством спокойствия, сопровождаемым трансцендентной ясностью ума. Было бы приятно думать, что МакКэндлесс испытал такой же восторг. 12 августа он написал последние слова в своем дневнике: «Красивая черника. » С 13 по 18 августа в его дневнике нет ничего, кроме подсчета дней. В какой-то момент на этой неделе он вырвал последнюю страницу из мемуаров Луи Ламура «Воспитание странствующего человека». На одной стороне страницы были строки, процитированные Л'Амуром из стихотворения Робинсона Джефферса «Мудрецы в тяжелые часы»: сбросить слабость. Горы - мертвый камень, Люди восхищаются или ненавидят их рост, их дерзкую тишину, Горы не смягчаются и не тревожатся, И несколько мыслей мертвецов имеют тот же характер. На другой стороне страницы, которая была пустой, МакКэндлесс написал краткое приветствие: «Я ПРОЖИЛ СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ И СПАСИБО ГОСПОДУ. ПРОЩАЙТЕ, И БОГ БЛАГОСЛОВИТ ВСЕХ!» Затем он заполз в спальный мешок, который сшила для него мать, и потерял сознание. Вероятно, он умер 18 августа, через 112 дней после того, как вышел на природу, за 19 дней до того, как шесть жителей Аляски пересекли автобус и обнаружили его тело внутри. Одним из его последних действий было сфотографировать себя, стоящего рядом с автобусом под высоким небом Аляски, одной рукой держа свою последнюю ноту перед объективом камеры, другую поднятую в смелом, блаженном прощании. Лицо ужасно изможденное, почти скелетное. Но

если он и жалел себя в эти последние трудные часы- за то, что был так молод, за то, что был одинок, за то, что тело предало его и воля подвела,- то по фотографии этого не видно. На снимке он улыбается, и в его глазах невозможно ошибиться: Крис МакКэндлесс был спокоен, безмятежен, как монах, ушедший к Богу. Эпилог Тем не менее, последнее печальное воспоминание витает вокруг, а иногда плывет, как плывущий туман, отсекая солнечный свет и охлаждая воспоминание о более счастливых временах. Были радости, слишком великие, чтобы их можно было описать словами, и были печали, о которых я не смел останавливаться; Имея это в виду, я говорю: поднимайтесь, если хотите, но помните, что мужество и сила ничто без благоразумия и что минутная небрежность может разрушить счастье всей жизни. Ничего не делайте в спешке; хорошо смотреть на каждый шаг; и с самого начала подумайте, чем может быть конец. Эдвард Уаймпер, карабкается среди Альп Мы спим на колесной лире времени; мы просыпаемся, если когда-либо просыпаемся, в безмолвии Бога. И тогда, когда мы пробудимся к глубоким берегам времени несотворенного, тогда, когда ослепительная тьма прорвется над дальними склонами времени, тогда пора бросить вещи, как наш разум, и нашу волю; тогда пора ломать себе шеи домой. Нет событий, кроме мыслей и тяжелого поворота сердца, медленного обучения сердца, где любить и кого. Остальное- просто сплетни и сказки для другого времени. Энни Диллард, святой фирмы Вертолет трудится вверх, тук-тук-тук над плечом Mt. Хили. Когда стрелка альтиметра достигает пяти тысяч футов, мы преодолеваем гребень грязного цвета, земля уходит, и захватывающая дух тайга заполняет ветровое стекло из плексигласа. Вдалеке я различаю Тропу Панического бегства, прочерчивающую слабую кривую полосу с востока на запад через ландшафт. Билли МакКэндлесс на переднем пассажирском сиденье; Мы с Уолтом занимаем заднюю часть. Прошло десять трудных месяцев с тех пор, как Сэм МакКэндлесс появился на пороге их Чесапик-Бич, чтобы сказать им, что Крис мертв. Пора, решили они, посетить место, где погиб их сын, увидеть это своими глазами. Уолт провел последние десять дней в Фэрбенксе, выполняя контрактную работу для НАСА, разрабатывая бортовую радиолокационную систему для поисково-спасательных миссий, которая позволит поисковикам находить обломки сбитого самолета среди тысяч акров густых лесов. Вот уже несколько дней он рассеян, раздражителен, раздражителен. Билли, прибывший на Аляску два дня назад, признался мне, что ему было трудно смириться с перспективой посещения автобуса. Удивительно, но она говорит, что чувствует себя спокойно и сосредоточенно и с нетерпением ждала этой поездки в течение некоторого времени.

Взятие вертолета было изменением планов в последнюю минуту. Билли ужасно хотелось отправиться в путешествие по суше, пройти по Пути Панического бегства, как это сделал Крис. С этой целью она связалась с Бутчем Киллианом, шахтером из Хили, который присутствовал при обнаружении тела Криса, и согласился отвезти Уолта и Билли в автобус на своем вездеходе. Но вчера Киллиан позвонил в их отель и сказал, что река Текланика все еще течет высоко-слишком высоко, как он беспокоился, чтобы безопасно пересечь ее даже на своем восьмиколесном «Арго»-амфибии. Итак, вертолет. В двух тысячах футов под салазками самолета пестрый зеленый твид из мускусного и елового леса теперь покрывает холмистую местность. Текланика выглядит как длинная коричневая лента, небрежно брошенная по земле. Рядом с местом слияния двух небольших ручьев появляется неестественно яркий объект: автобус 142 Фэрбенкса. Нам потребовалось пятнадцать минут, чтобы преодолеть расстояние, на которое Крису понадобилось четыре дня. Вертолет с шумом садится на землю, пилот глушит двигатель, и мы спрыгиваем на песчаную землю. Мгновение спустя машина взлетает в урагане бутфорской краски, оставляя нас в монументальной тишине. Пока Уолт и Билли стоят в десяти ярдах от автобуса, молча глядя на аномальный автомобиль, трио соек бормочет с ближайшей осины. «Он меньше,- наконец говорит Билли,- чем я думала. Я имею в виду автобус. А потом, повернувшись, чтобы осмотреть окрестности: «Какое красивое место. Я не могу поверить, насколько это напоминает мне о том, где я вырос. О, Уолт, это похоже на Верхний полуостров! Крису, должно быть, нравилось быть здесь. «У меня много причин не любить Аляску, хорошо?» Уолт отвечает, хмурясь.- Но я признаю, что в этом месте есть определенная красота. Я вижу, что понравилось Крису. «Следующие тридцать минут Уолт и Билли спокойно ходят вокруг ветхого автомобиля, спускаются к реке Сушана, посещают близлежащий лес. Билли первой входит в автобус. Уолт возвращается с ручья и обнаруживает, что она сидит на матрасе, где умер Крис, и осматривает ветхий салон машины. Она долго молча смотрит на сапоги сына под печкой, на его почерк на стенах, на его зубную щетку. Но сегодня слез нет.

Разбирая беспорядок на столе, она наклоняется, чтобы рассмотреть ложку с характерным цветочным узором на ручке. «Уолт, посмотри на это»,- говорит она. «Это столовое серебро, которое было у нас в доме Аннандейлов. В передней части автобуса Билли берет пару залатанных рваных джинсов Криса и, закрыв глаза, прижимает их к своему лицу.- Запах,- с болезненной улыбкой убеждает она мужа. «Они все еще пахнут Крисом. После долгой паузы она заявляет, больше себе, чем кому-либо

другому: «Он, должно быть, был очень смелым и очень сильным, в конце концов, чтобы не довести себя до конца. «Билли и Уолт бродят по автобусу следующие два часа. Уолт устанавливает мемориал прямо у двери, простую медную табличку с несколькими словами. Под ним Билли раскладывает букет из кипрея, аконита, тысячелистника и еловых веток. Под кроватью в задней части автобуса она оставляет чемодан с аптечкой, консервами, другими средствами выживания и запиской, призывающей любого, кто ее прочитает, «позвонить своим родителям как можно скорее. В чемодане также находится Библия, которая принадлежала Крису, когда он был ребенком, хотя, признается она, «я не молилась с тех пор, как мы его потеряли. «Уолт в задумчивом настроении почти ничего не сказал, но выглядит более непринужденно, чем за многие дни. «Я не знал, как отреагирую на это»,- признается он, указывая на автобус.- Но теперь я рад, что мы пришли. Этот краткий визит, по его словам, дал ему немного лучшее понимание того, почему его мальчик приехал в эту страну. Многие в Кресе все еще сбивают его с толку и всегда будет сбивать с толку, но теперь он немного меньше сбит с толку. И за это маленькое утешение он благодарен. «Отрадно знать, что Крис был здесь,- объясняет Билли, - знать наверняка, что он провел время у этой реки, что он стоял на этом клочке земли. Так много мест мы посетили за последние три года, что мы задаемся вопросом, а не был ли там Крис. Ужасно было ничего не знать, вообще ничего не знать. «Многие люди говорили мне, что восхищаются Крисом за то, что он пытался сделать. Если бы он был жив, я бы согласился с ними. Но его нет, и вернуть его невозможно. Вы не можете это исправить. Большинство вещей можно исправить, но не это. Я не знаю, переживаешь ли ты когда-нибудь такую потерю. Тот факт, что Крис ушел,- это острая боль, которую я чувствую каждый божий день. Это действительно трудно. Некоторые дни лучше других, но каждый день до конца моей жизни будет тяжело. Внезапно тишину нарушает гулкий грохот вертолета, который спускается по спирали из облаков и приземляется на зарослях кипрея. Забираемся внутрь; вертолет взмывает в небо, а затем зависает на мгновение, а затем круто виляет на юго-восток. Несколько минут крыша автобуса виднеется среди чахлах деревьев, крошечный белый отблеск в буйно-зеленом море, становится все меньше и меньше, а потом исчезает. Благодарности Написание этой книги было бы невозможно без существенной помощи со стороны семьи МакКэндлесс. Я глубоко признателен Уолту МакКэндлессу, Билли МакКэндлесс, Карин МакКэндлесс, Сэму МакКэндлессу и Шелли МакКэндлесс Гарсия. Они дали мне полный доступ к бумагам, письмам и фотографиям Креса и долго со мной разговаривали. Никто

из членов семьи не пытался контролировать содержание или направление книги, несмотря на то, что знал, что некоторые материалы будут очень неприятно увидеть в печати. По просьбе семьи двадцать процентов гонораров, полученных от продаж *Into the Wild*, будут переданы в стипендиальный фонд имени Криса МакКэндлесса. Я благодарен Дугу Штумпфу, который приобрел рукопись для издательства Villard Books/Random House, а также Дэвиду Розенталю и Рут Фейч, умело и тщательно редактировавшим книгу после преждевременного ухода Дуга. Также благодарим Анник Лафарж, Адама Ротберга, Дэна Ремберта, Денниса Эмброуза, Лауру Тейлор, Дайану Фрост, Дебору Фоли и Эбигейл Виноград из Villard/Random House за их помощь. Эта книга начиналась как статья в журнале *Outside*. Я хотел бы поблагодарить Марка Брайанта и Лауру Хонхолд за то, что они дали мне задание и так искусно придали ему форму. Над статьей также работали Адам Горовиц, Грег Клиберн, Кики Яблон, Ларри Берк, Лиза Чейз, Дэн Феррара, Сью Смит, Уилл Дана, Алекс Херд, Донован Вебстер, Кэти Мартин, Брэд Ветцлер и Жаклин Ли. Особая благодарность выражается Линде Мариам Мур, Роману Дайалу, Дэвиду Робертсу, Шэрон Робертс, Мэтту Хейлу и Эду Уорду за бесценные советы и критику; Маргарет Дэвидсон за создание великолепных карт; и Джону Уэру, моему агенту *ponpageil*. Важный вклад также внесли Деннис Бернетт, Крис Фиш, Эрик Хэтэуэй, Горди Кукуллу, Энди Горовиц, Крис Макси Гиллмер, Уэйн Вестерберг, Мэри Вестерберг, Гейл Бора, Род Вольф, Ян Буррес, Рональд Франц, Гейлорд Стаки, Джим Галлиен. , Кен Томпсон, Гордон Самел, Ферди Суонсон, Бутч Киллиан, Пол Аткинсон, Стив Карвайл, Кен Керер, Боб Берроуз, Берл Мерсер, Уилл Форсберг, Ник Дженс, Марк Стошпель, Дэн Соли, Эндрю Лиске, Пегги Дайал, Джеймс Брэди , Клифф Хадсон, покойный Магс Стамп, Кейт Булл, Роджер Эллис, Кен Слейт, Бад Уолш, Лори Зарза, Джордж Дрисзен, Шэрон Дриззен, Эдди Диксон, Присцилла Рассел, Артур Крукеберг, Пол Райхарт, Дуг Юинг, Сара Гейдж, Майк Ральфс , Ричард Киллер, Нэнси Дж. Тернер, Глен Вагнер, Том Клаузен, Джон Брайант, Эдвард Тредуэлл, Лью Кракауэр, Кэрол Кракауэр, Карин Кракауэр, Венди Кракауэр, Сара Кракауэр, Эндрю Кракауэр, Рут Селиг и Пегги Ланграл. Я извлек пользу из опубликованных работ журналистов Джонни Додда, Криса Кэпса, Стива Янга, У. Л. Рушо, Чип Браун, Гленн Рэндалл, Джонатан Уотерман, Дебра МакКинни, Т. А. Бэджер и Адам Бигель. За вдохновение, гостеприимство, дружбу и мудрые советы я благодарен Каю Сэндбёрну, Рэнди Бабичу, Джиму Фриману, Стиву Роттлеру, Фреду Бекки, Мейнард Миллеру, Джиму Доэрти, Дэвиду Куаммену, Тиму Кэхиллу, Розали Стюарт, Шеннон Костелло, Элисон.

Джо Стюарт, Морин Костелло, Ариэль Кон, Келси Кракауэр, Мириам Кон, Дебора Шоу, Ник Миллер, Грег Чайлд, Дэн Которн, Китти Кэлхун Гриссом, Колин Гриссом, Дэйв Джонс, Фрэн Каул, Дэвид Трион, Диэль Хавлис, Пэт Джозеф , Ли Джозеф, Пьер Фогт, Пол Фогт, Ральф Мур, Мэри Мур и Вудроу О. Мур.